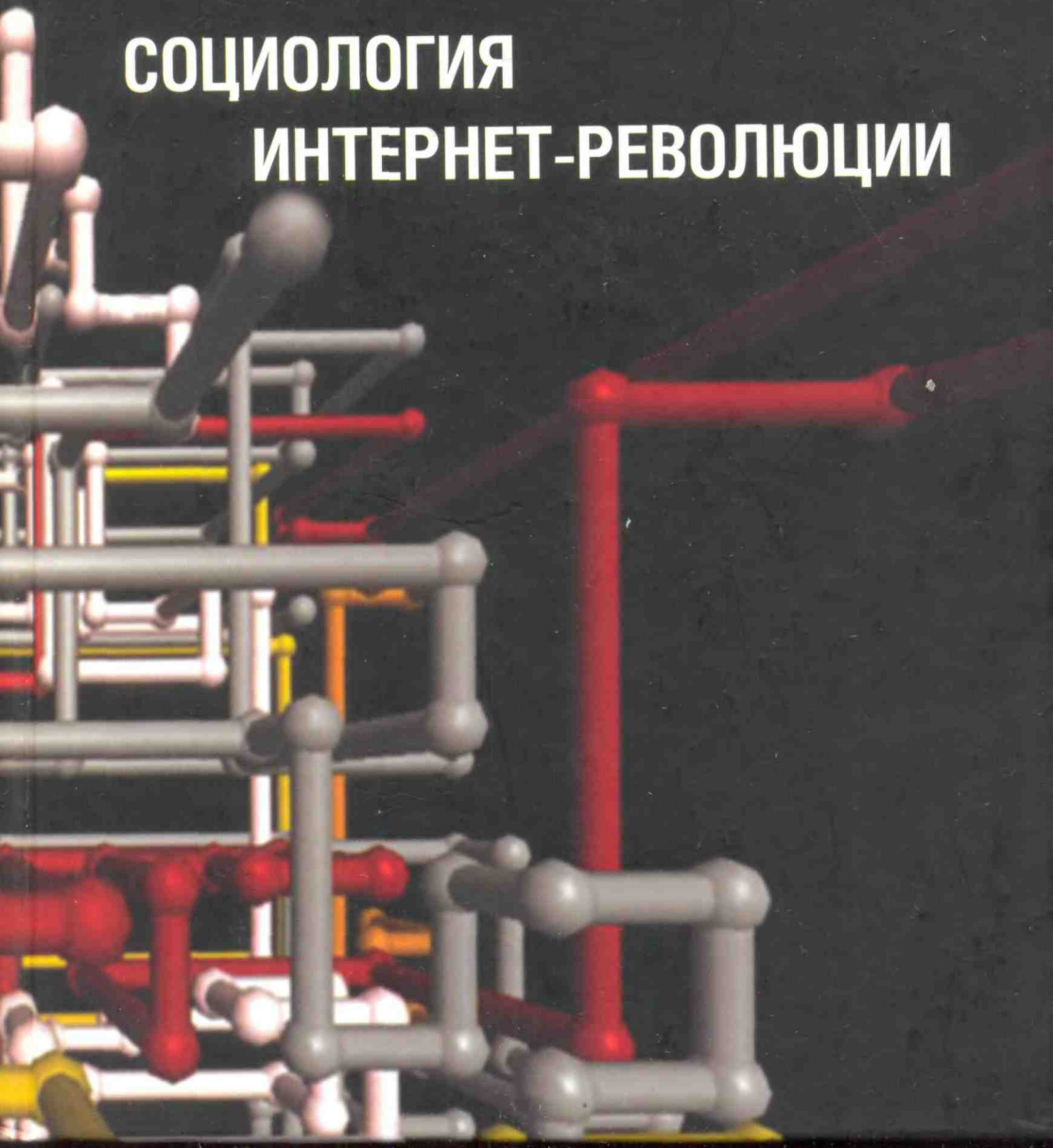

Игорь Эйдман

ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ

СОЦИОЛОГИЯ

ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИИ

Каким будет общество будущего, формирующееся
в результате интернет-революции?
От чего зависят социальные успехи и неудачи человека?
Каковы подлинные мотивы социальной деятельности?
Какова роль творческой самореализации в жизни человека?
Каковы причины социальных потрясений и перемен?
Ответы на эти и многие другие вопросы
в книге Игоря Эйдмана.

ISBN 978-5-94282-433-4

9 785942 824334

Игорь Эйдман

ПРОРЫВ В БУДУЩЕЕ

Социология интернет-революции

Москва
ОГИ
2007

УДК 316
ББК 60.5
Э30

В оформлении обложки использовано отображение компонента
операционной системы Windows XP

Автор благодарит Льва Зеленсона
за помощь в подготовке рукописи

Эйдман И. В.

Э 30 Прорыв в будущее: Социология интернет-революции / Игорь
Эйдман. — М.: ОГИ, 2007. — 384 с.

ISBN 978-5-94282-433-4

«Прорыв в будущее» — одна из первых попыток спрогнозировать принципы организации общества будущего, базирующегося на новых технологических возможностях.

Автор дает свою версию причин новейшего кризиса западной цивилизации и обозначает возможные пути выхода из него. Завершает книгу футурологический очерк, посвященный интернет-цивилизации, идущей на смену нынешнему обществу.

Работа написана простым, понятным неспециалистам языком и предназначена как для читателей, интересующихся проблемами социальных наук, так и для всех тех, кто стремится самостоятельно и осмысленно организовывать свою социальную жизнь.

УДК 316
ББК 60,5

ISBN 978-5-94282-433-4

© И. В. Эйдман, 2007
© ОГИ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	5
Раздел 1. Ценности, мотивы, статус	10
Раздел 2. Социальная деятельность индивидов и социальная структура общества	58
Раздел 3. Потенциалы и источники социального статуса	96
Раздел 4. Социальная деятельность, направленная на поддержание или изменение существующего социального порядка (деятельность второго типа)	176
Раздел 5. Социальная сущность манипуляции и эксплуатации	193
Раздел 6. Творческий процесс и рационализация социальной системы	246
Раздел 7. Рациональный социальный идеал	261
Раздел 8. Нужен ли социальный идеал современной западной цивилизации?	303
Раздел 9. Интернет-общество будущего	335
Вместо заключения	360
Терминологический словарь	363
Литература	377

Книга Игоря Эйдмана представляет собой одну из редких в наше время попыток создания цельной макромодели социальной организации общества. Автор ставит перед собой масштабную задачу и пытается решить ее с завидной интеллектуальной смелостью.

Вообще работу Эйдмана характеризует интеллектуальный вызов сложившимся представлениям и штампам, непolitкорректность, парадоксальность мыслей и формулировок. Временами складывается ощущение, что она даже перенасыщена оригинальными, спорными идеями и оценками. Однако если это и недостаток, то прощительный, по сравнению с гекатомбами работ в которых вообще отсутствуют авторские мысли и идеи.

Наиболее сильной стороной данной работы, по моему мнению, является то, что автор вопреки мейнстриму, господствующему сегодня в обществе, пытается реабилитировать такие понятия, как рациональность и прогресс, напомнить об актуальности таких явлений, как манипуляция и эксплуатация.

В заключение хочу отметить, что автор книги — мой коллега по работе во Всероссийском центре изучения общественного мнения, директор по коммуникации ВЦИОМ. Хотя книга и носит на первый взгляд сугубо теоретический характер, думаю, работа в крупнейшей в России исследовательской социологической организации, не могла не повлиять на авторский взгляд на социальные процессы.

Член ученого совета Института социологии РАН,
директор по исследованиям ВЦИОМ
Владимир Васильевич Петухов

ОСНОВНОЙ ВОПРОС НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Есть ли закономерность в том, как складываются социальные судьбы людей? Почему одни успешно делают бюрократическую карьеру, другие добиваются научных или творческих достижений, третьи совершают головокружительные социальные пируэты, а затем скатываются на общественное дно? Как статус индивидов в обществе зависит от их личных качеств, способностей, социальных характеристик? Является ли человек хозяином своей социальной судьбы или она жестко детерминирована требованиями общества, а, может быть, причина всего — просто случайное стечение обстоятельств? Обречен ли человек пройти по предназначенному ему пути или, как у героев «Записок из Мертвого дома» Достоевского, у него всегда есть возможность «купить себе новую участь»?

Наверное, каждый человек, интересы которого не ограничиваются утилитарными материальными проблемами, хоть раз в жизни задает себе подобные вопросы.

Законы, определяющие социальную жизнь индивида в обществе, тесно связаны с закономерностями, по которым развивается само общество. Только описав их, можно попытаться дать ответ и на другие вечные вопросы, связанные с эволюцией общественных отношений: чем вызваны и что несут людям социальные перемены? Предопределены ли они или носят случайный, хаотический характер? Нужен ли обществу смоделированный идеал, задающий направление его развития? Каким будет социальная организация общества будущего?

* * *

Авторское восприятие социального мира основывается на рациональной трактовке внутренних мотивов и социальных

целей человека. В рамках рациональной парадигмы автор формулирует собственную концепцию устройства общества в его историческом развитии.

Какие бы задачи — амбициозные или, наоборот, подчеркнуто локальные — ни ставили перед собой социальные исследователи (здесь я не имею в виду решение чисто прагматических задач, например в прикладной социологии), все они в той или иной степени обращаются к теме формирования социальной судьбы индивида.

В основе любой социальной системы лежит определенная модель организованного неравенства или формирования социальной иерархии. От рождения и до смерти, в любой момент жизни люди различаются по множеству критериев. Любую группу индивидов можно организовать в иерархию по бесконечному множеству показателей (физических, интеллектуальных, социальных и т. п.).

Основная функция социальной системы состоит в построении социальной иерархии общества на основе иерархий различных качеств, данных индивиду природой и социумом, или, иначе говоря, в формировании организованного социального неравенства, основанного на личностных и социальных характеристиках членов общества.

В каждом обществе существует определенная система требований к имманентным качествам его членов для определения их места в социальной иерархии. Эти требования диктуют социальную судьбу, в том числе жизненную социальную траекторию, каждого индивида.

Основной вопрос теоретической социологии может быть сформулирован следующим образом: как различные личностные и социальные характеристики индивидов могут влиять на их социальную судьбу в условиях существования тех или иных форм организации общества?

Известные социальные мыслители давали свои ответы на этот вопрос. Некоторые из них выделяли одну наиболее важную характеристику, определяющую социальное существование индивидов. Отталкиваясь от анализа этой характеристики, ученые давали свою интерпретацию социальных

процессов в обществе. Карл Маркс такой характеристикой считал наличие у индивидов в частной собственности средств производства, Фридрих Ницше — присутствие в их характере воли к власти, Макс Вебер — ценностную ориентацию, теории информационного общества и «общества знания» — доступ соответственно к информации и знаниям и т. д.

Автор пытается создать универсальную модель формирования социальной траектории индивидов на основе взаимодействия и взаимовлияния их основных социальных и личностных макрохарактеристик (далее по тексту они обозначаются как потенциалы социального статуса). Среди задач работы — классификация различных форм организации общества на основании степени значения и специфики требований к каждой из этих макрохарактеристик

Решение этой задачи позволяет описать ход эволюции социальных систем как рационализацию под воздействием творческого процесса (процесса накопления научно-технических и культурно-эстетических знаний и ценностей), создать оригинальную концепцию идеально-типической модели рационального общества, приближение к которому, как считает автор, является магистральным направлением социальной эволюции.

Созданная модель общественного развития дает автору возможность пытаться спрогнозировать грядущие глобальные социальные перемены, определить общественные силы, призванные их обеспечить, смоделировать образ будущего интернет-общества.

Несколько необходимых замечаний

Данная работа ориентирована не только на специалистов в области общественных наук, но и на всех тех, кому небезразлична собственная социальная судьба, социальные основы и будущее мира, в котором они живут.

Решение стоящих перед данным исследованием задач потребовало формирования оригинального понятийного аппа-

рата, в том числе создания новых терминов и принципиально новых интерпретаций существующих понятий.

Значения новых терминов и оригинальные авторские определения даются в специальном терминологическом словаре.

Автор в данной работе обращается к политическим, экономическим, идеологическим, творческим, социальным процессам и их влиянию на жизнь индивидов и общества. Все то, что принято относить к личной жизни современного человека, — проблемы семьи, досуга, дружеских, родственных, сексуальных отношений и т. д. — рассматривается только в тех случаях, когда имеет прямое отношение к основным темам исследования.

Автор а priori принимает естественно-научную картину мира, стремиться совместить рационалистические, позитивистские, утилитаристские, гуманистические взгляды на сущность индивидов и человеческого общества. Подобная позиция диктуется личными убеждениями автора, соответствующим базовым ценностям западной цивилизации, к проблемам развития которой во многом обращена данная работа.

При создании идеально-типической модели рационального общества автор руководствуется знаменитым тезисом Э. Бернштейна: «Движение — все, конечная цель — ничто». Стремясь создать идеально-типический образ рационального общества, автор осознает нереальность его буквального воплощения в жизнь. Образ социального идеала призван содействовать формированию целей социального развития, направлений общественных преобразований, способных адекватно реагировать на вызовы времени.

Автор придерживается известного определения Дж. Коулмена, что функция социальной теории — «поиск знаний для переустройства общества». А ее основной прикладной целью считает содействие процессу рационализации общественного устройства. Этот процесс, сегодня, по мнению автора, ведет к социальной интернет-революции и формированию на принципиально новых основах будущего интернет-общества. Автор считает, что его работа будет бесполезной, если хоть в какой-то степени сможет содействовать развитию данного процесса.

Автор не ставил перед собой задачи подробного анализа взглядов различных социальных мыслителей. Ссылки на предшественников даются только в случаях, необходимых для объяснения отдельных положений авторской теории.

Используя и ссылаясь на определенные положения социальной науки, автор всегда дает собственную, оригинальную, часто критическую интерпретацию данного тезиса и свою версию изложения поднятой научной проблемы.

Исходя из этого, можно говорить об ученых и научных школах, идеи которых послужили автору основой для его собственных теоретических построений, своеобразными точками позитивного отталкивания для построения изложенной в данной работе теории.

К ним относятся, в частности, теории:

- циркуляции элит В. Парето;
- рациональности М. Вебера;
- социальной стратификации и социальной **мобильности**

П. Сорокина;

- справедливости и первичных благ Дж. Роулза;
- иерархии мотивов и самоактуализации А. Маслоу;
- происхождения человека Б. Поршнева;
- рационального выбора и обмена Дж. Хоманса, Р. Эмерсона, Дж. Коулмена;

• функционалистская теория социальной стратификации К. Дэвиса и У. Мура;

- сверхиндустриального общества Э. Тоффлера;
- антропонимическая концепция Д. Берто.

ПЕРВИЧНЫЕ ЦЕННОСТИ И МОТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ МОТИВОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель любой социальной деятельности — реализация основанных на природных инстинктах, имманентно присущих каждому индивиду внутренних мотивов к получению первичных ценностей (тех благ, необходимость достижения которых для представителей вида *Homo sapiens* жестко обусловлена на генетическом уровне).

Ограниченный набор подобных внутренних мотивов лежит в основе всех социальных действий индивидов. Можно сказать и более жестко: индивид — машина для реализации биологически predetermined набора мотивов. Зависимость социальной жизни индивидов от внутренних мотивов неотвратима, эти мотивы обречены быть источником любых социальных действий.

Знание индивидов о мире не совершенны, отнюдь не всегда они способны осознавать собственные рациональные интересы. Поэтому в реальной жизни под влиянием манипуляции люди зачастую действуют вопреки собственным естественным мотивам. Однако и в этом случае, будучи искусственно отчуждены от собственных мотивов, индивиды действуют в интересах реализации того же самого ограниченного набора внутренних мотивов, но других индивидов, тех, кто, манипулирует их волей для достижения собственных социальных целей.

Какие бы социальные действия ни совершал индивид — получал образование в университете, писал донос на соседа, летел на космическом корабле, восходил на костер инквизиции, бросался на амбразуру вражеского дзота, шел на службу

в банк или на утреннюю службу в церковь, таранил на самолете небоскребы или стоял за конвейером на автозаводе, — в их основе всегда лежит один и тот же ограниченный набор простых мотивов самого индивида или других индивидов (манипуляторов), интересы которых он, осознавая это или нет, реализует.

Характер и формы социальной деятельности индивидов определяются возможностями, которые предоставляет для нее социум. Помимо биологически обусловленных внутренних мотивов, на направления и формы социальной деятельности влияют субъективные представления индивидов об их потребностях, характеризующиеся различной степенью понимания собственных интересов. Эти представления зависят от наличия у индивидов адекватной информации об окружающем социальном мире и от того, насколько сильно влияет на него манипуляция со стороны других индивидов и общества.

Классик политической социологии Вильфредо Парето считал, что мотивы индивидов темны и иррациональны, однако люди, стремясь осознавать себя разумными существами, придумывают им псевдологичные объяснения. [1]. Рациональный взгляд на социальную жизнь дает основание полагать, что мотивы индивидов, наоборот, просты, эгоистичны, утилитарны и рациональны. Однако люди в условиях неполноты информации зачастую склонны верить более красочным, сложным, иррациональным объяснениям (создаваемым религиями, патриотизмом, политическими идеологиями, модой и т. д.). Такие объяснения дают им социальные элиты. Элиты же и используют эти конструкции как инструменты манипуляции обществом. То есть красивые сложные объяснения (идеологические, этические, религиозные, этнические) — всего лишь инструменты манипуляции, следствие усилий элит по поддержанию или изменению социальной организации общества. Они возникают в периоды социальных потрясений, живут в виде передаваемых из поколения в поколение традиций и со временем умирают.

Эти манипулятивные конструкции — ложные маяки, заставляющие индивидов двигаться не в направлении достиже-

ния своих личных интересов, а в интересах тех, кому удалось поставить эти маяки к себе на службу.

Адекватное осознание подлинных внутренних мотивов — основа рационализации социальной психологии. Такое осознание способно избавить социальную деятельность индивидов от влияния манипуляции и привести людей к более полной реализации собственных рациональных потребностей и интересов.

Итак, попробуем разобраться, что представляют собой рациональные, очищенные от идеологических и религиозных манипуляций, мотивы социальной деятельности.

Первичные ценности и мотивы социальной деятельности

Исследуя основы социальной деятельности индивидов, психологи (такие, как А. Маслоу [4]) чаще всего говорят о мотивах социального поведения. Социальные философы обращаются к проблеме достижения первичных (базовых) ценностей или благ (Дж. Роулз [5]). Социологи вслед за Питиримом Сорокиным [6] исследуют процесс достижения индивидами позиций социального статуса. В данной работе предлагается интегрированный подход, совмещающий все три изложенные позиции для создания цельной модели социального поведения индивидов.

Автор полагает, что социальная деятельность индивидов определяется генетически присущими им инстинктивно предопределенными мотивами достижения конкретного набора первичных ценностей. Причем реализация этого достижения в социальной жизни выражается прежде всего в получении наиболее высоких позиций социального статуса.

Предлагаемая идеально-типическая модель общества призвана учесть влияние различных мотивов индивидов на их социальную деятельность.

Для реализации этой задачи все мотивы социальной деятельности объединены автором в макромотивы достижения различных видов первичных ценностей по критерию общности характера социальных действий, необходимых для получения доступа к ним в социуме.

Итак, обозначим макромотивы к достижению первичных ценностей, определяющие направление и характер социальной деятельности индивидов:

- мотивация к достижению социальных ценностей;
- мотивация к достижению творческой самореализации как первичной ценности;
- мотивация к сохранению жизненных ресурсов как первичной ценности;
- мотивация к передаче наследникам (потомкам) возможностей доступа к вышеперечисленным первичным ценностям.

Социальные ценности и мотивы

Можно выделить три главные группы социальных первичных ценностей, инстинктивное стремление к обладанию которыми так или иначе присуще всем индивидам и в значительной степени определяет вектор их социальной деятельности. Доступ к обладанию этими ценностями является основой социального статуса индивида.

1. Материально-физиологические (пища, комфорт, секс и т. д.) и интеллектуально-эстетические потребности (искусство, литература, музыка, познание мира, информация). Следует отметить, что первая категория этих потребностей — общая для всех живых существ, вторая делает человека уникальным.
2. Потребность во власти и свободе. Стремление одних индивидов подчинять своей власти других неизбежно сталкивается с потребностью индивидов быть свободными от чужей бы то ни было власти. Реализация воли к власти и стремления к свободе в обществе — неразрывно связаны.
3. Потребность в престиже (стремление к уважению, признанию заслуг со стороны окружающих).

Творческие ценности и мотивы

Помимо социальных мотивов в сознание каждого индивида от природы заложено стремление к творческой самореализации. Эта ценность обладает самостоятельным значением

для индивидов, ее достижение может быть важно само по себе в определенный момент творческой работы даже вне зависимости от социальных последствий, к которым она приводит. Творческая самореализация — единственная первичная ценность, доступная только человеку. Творчество — единственный вид деятельности, являющийся не только средством достижения социальных целей, но и в качестве процесса творческой самореализации самостоятельной целью.

Творчество не просто интеллектуальная деятельность. Его главный признак — возможность получения глубокого эмоционального удовлетворения без получения социальных преференций. Писать стихи или заниматься наукой можно и без всякой надежды на признание, тогда как организовывать банк или разрабатывать операции на фондовой бирже, не рассчитывая на получение социальных преференций, может только человек с откровенно девиантным поведением.

Цель творческой деятельности не только самоотдача (как писал Пастернак), но и богатство и успех. Социальное поощрение необходимо для полноценного удовлетворения от творческой деятельности. Наоборот, социальную депривацию творца не в силах компенсировать даже его выдающиеся творческие достижения (как показывает, в частности, трагическая судьба самого Пастернака). Тем не менее удовлетворение от самоотдачи, ее самостоятельная ценность для индивида неизбежно присутствуют в подлинно творческом процессе. Отсутствие социального признания, конечно, для любого творца — обстоятельство трагическое. Однако и в этом случае процесс творчества способен дать индивиду особое, ни с чем не сравнимое, хотя зачастую и кратковременное, удовлетворение. Рациональный индивид неизбежно будет добиваться социального признания результатов своей творческой деятельности. Но это уже другая история, относящаяся к его социальным мотивам. Богатство и успех — цель всех социальных действий, а самоотдача (поэтическое определение творческой самореализации) — цель только творческой деятельности.

То, что зерно творчества заложено практически в каждом человеке, отмечали еще древние. Даже в самых тяжелых социаль-

ных условиях индивидам удавалось реализовывать ту или иную грань своего творческого потенциала. Доказательства этого — и искусство примитивных племен, и научные семинары в сталинских тюрьмах, и поэтические откровения во фронтовых окопах. Стремление к творческой самореализации проявляется в той или иной степени практически у всех индивидов в профессиональной деятельности, если она дает для этого хоть какой-то простор, а также в различных хобби и увлечениях. В детстве, а затем в молодости у многих людей возникает стремление к творчеству (кто же не писал стихи в 18 лет?). Зачастую в дальнейшем социальные условия не способствуют развитию творческой активности, в результате чего в зрелом возрасте у большинства она сводится к минимуму, а относительно полная творческая самореализация становится достоянием немногих избранных.

Творческая деятельность носит созидающий характер. Ее результат — создание новых материальных и интеллектуально-эстетических первичных ценностей, инструментов их эффективного воспроизводства. Творческие достижения находятся во взаимосвязи и в совокупности составляют единый, идущий на протяжении всей истории человечества всемирный творческий процесс. В сфере управления обществом достижением творческой деятельности является процесс рационализации, создающий на уровне социальной организации условия для более эффективного воспроизводства первичных ценностей, для ускоряющегося развития творческого процесса.

*Жизненные ресурсы как первичная ценность.
Инстинкт сохранения жизненных ресурсов
(сберегающий социальный инстинкт)*

В борьбе за обладания социальными и творческими ценностями индивид теряет свои жизненные ресурсы (жизнь, здоровье, эмоциональный комфорт, время, потраченное на физические и интеллектуальные усилия).

Жизненные ресурсы — важнейшая первичная ценность. При этом сохранение жизни и здоровья приоритетно для рационального индивида по отношению к обладанию другими ценностями.

Все помнят название знаменитого фильма «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем». В процессе жизни, как это ни печально, человек лишается сил и здоровья и в итоге умирает. Социальная деятельность по приобретению первичных ценностей требует от индивида отдачи жизненных ресурсов. Чаще приходится расставаться с восстановимыми жизненными ресурсами (физическими и интеллектуальными усилиями). Иногда социум заставляет индивида в борьбе за социальные ценности рисковать и расставаться с невозстановимыми жизненными ресурсами (жизнью, здоровьем). Каждому индивиду присуще стремление в ходе социальной деятельности как можно полнее сберечь свои жизненные ресурсы.

В процессе социальной деятельности индивиды стремятся получить как можно больший доступ к первичным социальным ценностям, при этом как можно полнее сохраняя свои жизненные ресурсы. Такое стремление одинаково присуще и голодающему эфиопскому крестьянину, и чикагскому миллионеру. Оно генетически заложено в каждом человеке и различается только социально обусловленным масштабом обмена жизненных ресурсов на другие первичные ценности.

Удовлетворение инстинкта сохранения жизненных ресурсов в части сбережения ресурсов жизни и здоровья приоритетно по отношению ко всем прочим мотивам социальной деятельности индивида. Поэтому первичными задачами общества по отношению к индивиду являются:

- обеспечение минимального — для поддержания жизни и здоровья — уровня материального потребления;
- обеспечение гарантий безопасности от потери жизни и здоровья в результате социальной деятельности.

Возможность передачи потомкам доступа к первичным ценностям как самостоятельная первичная ценность. Мотив наследования

Мотив наследования обусловлен инстинктом продолжения рода, предполагающим не только необходимость воспроизводства поколений, но и создание условий для комфортного

существования потомства. История человечества свидетельствует, что рациональный индивид не может ограничиться собственным потреблением первичных ценностей. Ему необходимо обеспечить этими ценностями и своих потомков. Эта возможность — самостоятельная первичная ценность, стремление к реализации которой всегда преодолевает любые социальные запреты. Во всех обществах, которые резко ограничивали своих членов в реализации мотива наследования (древняя Спарта, СССР, социалистический Китай и т. д.), индивиды всячески обходили соответствующие ограничения и в той или иной степени реализовывали эту возможность. В конечном итоге подобные запреты неизбежно упразднились.

СООТНОШЕНИЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ МОТИВОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реализация мотивов вне социума возможна только на необитаемом острове (случай Робинзона). Любой коллектив (даже два участника) требует согласования возможностей реализации мотивов. В реальной жизни мотивы достижения первичных ценностей (внутренние мотивы) реализуются как возможность получения доступа к ним в социуме (внешние мотивы). Эта возможность достигается через социальную деятельность, занятие тех или иных позиций в социальной структуре общества. Внешняя мотивация к получению доступа к первичным ценностям определяет социальную деятельность индивидов. При этом внешняя мотивация социальной деятельности является проекцией инстинктивных потребностей индивидов (внутренней мотивацией) на социальную структуру общества.

Внешняя мотивация определяет основные направления социальных действий индивидов, такие, как:

- приобретение высоких социальных позиций;
- достижение творческой самореализации;
- сохранение жизненных ресурсов;
- передача потомству высокого уровня доступа к первичным ценностям.

ПАРЫ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ МОТИВОВ

Внутренние (инстинктивные) и внешние (социальные) мотивации образуют пары, причем в каждой из них внешняя мотивация жестко обусловлена внутренней.

Первичные ценности	Внутренние мотивы к удовлетворению имманентных инстинктивных потребностей	Внешние мотивации к реализации внутренних мотивов через социальную деятельность
<i>Социальные ценности</i>	<i>Социальные мотивы</i>	<i>Основной социальный инстинкт (сумма внешних социальных мотиваций)</i>
Материальное и интеллектуально-эстетическое потребление	Стремление к удовлетворению материальных и интеллектуально-эстетических потребностей	Мотивация к повышению позиций материального благосостояния
Власть и свобода	Воля к власти и стремление к свободе	Мотивация к повышению позиций власти (возможности принуждения других индивидов к тем или иным действиям) и к свободе (отсутствию принуждения)
Престиж	Стремление к престижу, высокой оценке социальной деятельности со стороны окружающих	Мотивация к повышению позиций престижа (оценки обществом личных достижений и заслуг)
<i>Жизненные ценности</i>	<i>Сберегающий мотив</i>	<i>Сберегающий социальный инстинкт</i>
Жизненные ресурсы (жизнь, здоровье, физические и интеллектуальные усилия)	Стремление к сбережению жизненных ресурсов	Мотивация к экономии жизненных ресурсов в ходе социальной деятельности
<i>Творческие ценности</i>	<i>Творческий мотив</i>	<i>Творческий инстинкт</i>
Творческая самореализация	Стремление к творческой самореализации	Мотивация к творческой социальной деятельности
<i>Ценности наследования</i>	<i>Мотив наследования (производное от инстинкта продолжения рода)</i>	<i>Мотивация к обеспечению в ходе социальной деятельности доступом к первичным ценностям наследников (потомков)</i>

**Основной социальный инстинкт
(сумма внешних социальных мотиваций)**

Социальные первичные ценности в отличие от творческих или жизненных ресурсов перераспределяются между членами общества. Стремление к повышению позиций потре-

ния, власти-свободы, престижа одного индивида не может быть изолировано от подобных стремлений других членов общества. Даже в обществе с постоянно повышающимся уровнем жизни это стремление не может быть удовлетворено всеми его членами в равной мере, ибо любой экономический рост или социальный прогресс имеет ограниченный темп развития — человеческие амбиции априори безграничны. Поэтому любой рост материальных или властных позиций в обществе неравномерен и зачастую представляет собой процесс реализации мотивации одних индивидов за счет других.

За обладание социальными первичными ценностями идет перманентная конкурентная борьба. Неизбежное неравенство возможностей индивидов реализовывать свои социальные мотивы требует от общества формирования определенных правил доступа и конкурентной борьбы за обладание соответствующими ценностями. Эти правила определяют порядок формирования социальных структур и иерархии общества.

Если перед индивидом не стоит вопрос обеспечения уровня потребления, необходимого для физического выживания (в исторических обществах в таком положении находятся представители высших страт; в большинстве современных обществ это относится практически ко всем гражданам), индивид как существо общественное не может воспринимать свои социальные показатели вне зависимости от аналогичных параметров других членов этого общества.

Таким образом, основной социальный инстинкт выражается не только в стремлении к большему доступу к потреблению материальных и интеллектуально-эстетических благ, власти, свободе и престижу. В реальной социальной жизни данный инстинкт означает стремление индивида обладать всеми этими ценностями в большей степени, чем другие члены общества. То есть занять в социальной иерархии, являющейся иерархией доступа к этим благам, более высокое место.

Наличие у индивидов основного социального инстинкта рационально объясняет природу такого на первый взгляд иррационального, чувства, как зависть, склонность многих индивидов испытывать позитивные эмоции по поводу социаль-

ных несчастий тех, кто стоит выше них на социальной лестнице. Как говорят в России, «ничего, что у меня куры не несутся, лишь бы у соседа корова сдохла». Все объясняется просто: в результате перемещения других индивидов в социальной иерархии с верхних ступенек на позиции более низкие по сравнению с данным индивидом, его собственный социальный статус возрастает. Таким образом индивид, не получая никаких дополнительных преференций, повышает свою позицию в социальной иерархии, то есть удовлетворяет основной социальный инстинкт, что, естественно, вызывает у него положительные эмоции.

Основной социальный инстинкт, несмотря на свою тройственную основу, определяет единый вектор социальных действий. Это связано с тем, что три внешних социальных мотива, составляющие основной социальный инстинкт, взаимосвязаны. Достижение позиций социального статуса, на которое они направлены — потребления, власти-свободы и престижа, — в обществе взаимозависимо. В стабильном обществе действия по достижению одной из внешних социальных мотиваций зачастую ведут к автоматическому достижению двух других.

К примеру, в восточных деспотиях или в феодальной Европе достижение высокого положения в иерархии власти почти всегда автоматически вело к высокому положению в иерархии потребления и престижа. В то время как в капиталистическом мире XIX–XX веков достижение высокого положения в иерархии потребления зачастую автоматически вело к соответствующему положению в иерархиях власти и престижа.

Конечно, не следует забывать, что индивиды принадлежат к различным психологическим типам, ориентированным в большей степени на ту или иную социальную мотивацию. Тем не менее социальные условия заставляют их независимо от внутренних предпочтений ориентироваться на ту социальную мотивацию, которая является ключевой для данной социальной системы. Например, в США начала XX века человек, ориентированный преимущественно на власть, получал искомое через приобретение богатства (вы-

сокого уровня потребления); в России эпохи социализма, наоборот, человек, ориентированный на материальное благосостояние, добивался его через занятие высокой позиции во властной иерархии. Таким образом, при определенных обстоятельствах каждая из трех внутренних социальных мотиваций может являться источником социальных действий, направленных на реализацию любой внешней социальной мотивации.

В исторических обществах реализация одной из социальных мотиваций практически всегда вела к реализации двух других. Отсутствие этого — признак кризисного предреволюционного состояния общества, которое не может продолжаться долго. К чему ведут власть без престижа, богатство (потребление) и престиж без власти, показал опыт буржуазных революций в Европе, да и опыт революционных преобразований в социалистическом лагере конца XX века.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что внешние социально активные мотивации слишком тесно связаны между собой и рассматривать их следует не по отдельности, а в совокупности как стремление к достижению высокого положения по сумме позиций во всех трех иерархиях, составляющих социальный статус индивида, — иерархии позиций потребления, власти-свободы и престижа.

Основной социальный инстинкт

Основной социальный инстинкт — стремление к повышению социального статуса — объединяет все социальные мотивы индивидов.

Итак:

1. Социальные первичные ценности, в отличие от творческих, перераспределяются в процессе социальной деятельности, обладание ими является предметом конкуренции между индивидами.
2. Возможность обладания этими ценностями определяет социальный статус индивида. Трём основным социальным первичным ценностям соответствуют три позиции (в дальнейшем обозначим их как факторы) социального статуса.

3. Обладание индивидами этими факторами неравномерно. Любое сообщество индивидов рождает иерархии обладателей факторов социального статуса, распределяющие индивидов в зависимости от степени обладания ими.
4. Факторы социального статуса индивида соответствуют его месту в иерархии по позициям:
 - уровень потребления;
 - престиж;
 - власть–свобода.
5. Место, которое занимает индивид в социальной иерархии общества — его социальный статус, определяется совокупным положением в иерархии позиций (факторов) социального статуса.

*Основной социальный инстинкт
как главный вектор социальной деятельности
подавляющего большинства индивидов*

Степень детерминированности социального поведения активным, сберегающим и творческим инстинктами индивида зависит прежде всего от специфики структуры личности данного индивида. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев реализация основного социального инстинкта — наиболее значимый ориентир социального поведения. Отчуждение индивида от задач реализации основного социального инстинкта чаще всего является результатом воздействия на него манипуляции со стороны других индивидов.

Основной социальный инстинкт и мотив наследования

Реализация мотива наследования в традиционных обществах в первую очередь означает передачу индивидом достигнутых позиций социального статуса своим потомкам. Таким образом, вектор его реализации в обществе параллелен реализации основного социального инстинкта. Значение основного социального инстинкта в традиционных культурах усиливается за счет параллельного влияния мотива наследования.

Основной социальный и творческий инстинкт

Основной социальный инстинкт оказывает определяющее влияние на реализацию творческого инстинкта индивидов. Подавляющее большинство индивидов реализуют свой творческий потенциал в той мере, в какой эта деятельность отвечает их социальным (в том числе материальным) интересам. Иначе говоря, в реальной социальной жизни творческая мотивация индивидов в значительной степени зависима от социальной. Индивид, исходя в своих действиях прежде всего из необходимости решения социальных задач, руководствуется творческим инстинктом — по преимуществу в тех случаях, когда вектор его реализации совпадает с основным социальным.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ИНСТИНКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня популярны теории, провозглашающие отмирание значения социальной мотивации в современном западном обществе. Например, согласно теории нематериально ориентированного поколения Рональда Инглегарта, для нового поколения жителей Запада, выросшего в полном материальном достатке, экономические, материальные ценности потеряли значение по сравнению с нематериальными ценностями [7]. К этим ценностям можно отнести, по мнению другого ученого П. Дракера, «такие ценности, как творчество, автономность, отсутствие контроля, приоритет самовыражения перед социальным статусом, поиск внутреннего удовлетворения, стремление к новому опыту, тяготение к общности, принятие участия в процессе выработки решений, жажда поиска, близость к природе, совершенствование самого себя и внутренний рост» [8]. Ключевое для подобных теорий противопоставление самовыражения стремлению к повышению социального статуса, по нашему мнению, является искусственной дилеммой, созданной нерациональной организацией общества. Подавляющее большинство индивидов и сегодня на сытом Западе стремятся решать прежде всего социальные задачи. Очевидное подтверждение

этому — культ социального (чаще всего материального) успеха в массовом искусстве и сознании западных обществ.

Творческое самовыражение и стремление к повышению социального статуса изначально не антагонистичны. Наоборот, социальные амбиции могут стимулировать творческую самореализацию. Для этого общество должно адекватно стимулировать творческую активность позициями социального статуса. Только так можно обеспечить наиболее полную реализацию творческого потенциала индивидов и общества в целом.

Противопоставление творческой мотивации социальной характерно и для теории постэкономического общества известного российского ученого В. Иноземцева. Автор так описывает постэкономическую революцию, призванную изменить социальную сущность современного мира: «Творческая активность не создает рыночных благ и не вызывает к жизни рыночных принципов распределения, так как целью творящего субъекта является не вещное благо, а развитие собственной личности. Творческая активность не может быть подвержена эксплуатации, так как отчуждение материальных или нематериальных продуктов такой деятельности, даже если оно и имеет место, не вступает в противоречие с основной целью творящего индивида — его самосовершенствованием» [9].

Таким образом, В. Иноземцев как бы отделяет творческую деятельность от необходимости решения социальных задач, выносит ее за рамки социальной деятельности, отрицает возможную социальную мотивацию творческого самосовершенствования. Однако нельзя отрицать, что творческая деятельность всегда находилась в тесной связи с решением социальных задач. На протяжении веков творческие люди переживали муки творчества не только ради самосовершенствования, но и ради денег и славы. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» (а также картину, работу по созданию фресок, изобретение и т. д. и т. п.) — этим принципом руководствовался не только Пушкин, но и другие гениальные и просто талантливые люди. И сегодня таким образом рассуждает большинство представителей творческого сообщества, в котором продолжается жесткая конкуренция за социальные преференции.

Творческая деятельность — вид социальной деятельности, искомым результатом которой является не только творческая самореализация, но и получение материальных (потребление) и нематериальных (престиж) социальных предпочтений. То есть в процессе творческой деятельности индивиды в подавляющем большинстве стремятся реализовать как творческий, так и социальный инстинкт. Такова ситуация не только в слаборазвитых, но и в высокообразованных обществах, обеспечивающих своих членов достаточно высоким уровнем потребления первичных ценностей.

Творческая деятельность без социального поощрения или под принуждением мучительна для творца и не может принести ему полноценной радости творчества. Примеров гениальных неудачников, мучившихся от социального непризнания, несть числа.

Таким образом, реализация творческого инстинкта — вид социальной трудовой деятельности, который, чтобы приносить полноценное удовлетворение, должен получать адекватное социальное вознаграждение. Результаты этой, как и любой другой, социальной деятельности обмениваются актором на первичные ценности. Субъект творческой активности может подвергаться эксплуатации путем неадекватно низкой социальной оценки результатов его деятельности. При этом чаще всего удовлетворение от творческой самореализации является слабым утешением при столкновении с грубой социальной несправедливостью.

Основной социальный и сберегающий инстинкты

Сберегающий социальный инстинкт сдерживает социальную активность индивида и является для нее скорее тормозом, нежели вектором приложения сил. Он влияет на направление социальной деятельности индивида косвенно, стимулируя поиск наименее затратных путей для реализации активного социального инстинкта. При реализации основного социального инстинкта индивид вынужден согласовывать свои действия с требованием сберегающего инстинкта. На практике это согласование означает стремление к получению максимума социальных предпочтений при расходовании минимума жизненных ресурсов. Рациональный индивид направляет

свою социальную активность на ту сферу деятельности и вариант действий, которые дают оптимальное для него сочетание реализации основного и сберегающего социальных инстинктов. Степень их влияния на социальные действия индивида зависит от его личных качеств. Тем не менее социальную жизнь общества определяют индивиды с существенным приоритетом основного социального инстинкта над сберегающим.

*Влияние основного социального инстинкта
в крайних сегментах социальной иерархии*

Сила основного социального инстинкта определяет поведение индивидов даже на крайних — предельно высоких и предельно низких — точках социальной иерархии. Как свидетельствует история (ГУЛАГ, блокада Ленинграда во время Великой Отечественной войны, гитлеровские концлагеря), даже люди, поставленные на грань физического выживания, стремятся добиться большего социального преуспевания относительно окружающих и рассматривают самое минимальное превосходство в доступе к ценностям как предмет самоутверждения.

Особенно ярко это показано в выдающемся историческом свидетельстве очевидца — «Записках блокадного человека» и «Дневниках» Лидии Гинзбург [10]. Как только блокадники отходили от черты скорой и неминуемой голодной смерти, мизерные отличия в обеспечении со стороны государства становились для них символом их социального статуса, ценностью более важной, чем материальные ценности.

Лидия Гинзбург так описывает поведение своих персонажей: «Художница не пришла в себя от истощения. Для нее карточки еще не стали вопросом престижа; они все еще вопрос сытости». Тем не менее «...уже появилась маскировка и переключение физиологических ценностей в социальные (качество снабжения как признак социального признания)». Другая, более удачливая, собеседница автора, «оправляясь от дистрофии, уже понемногу толстеет. И для нее в этом деле моральная сторона (социальное признание) важнее физической».

Такие исторические примеры опровергают распространенное мнение о том, что мотив социального самоутверждения работает только тогда, когда удовлетворены все насущные материальные потребности.

Борьба за каждую позицию в иерархии происходит как в самом низу социальной лестницы, так и на самом ее верху. Нигде нет такой жесткой конкуренции за социальные позиции, как при дворах королей, в командах президентов; среди зеков, в шайках нищих и воров.

Обладая практически неограниченным доступом к первичным ценностям, индивиды делают предметом конкуренции символические атрибуты, будь то аристократические титулы или места в рейтингах миллиардеров.

Основной социальный инстинкт определяет поведение и лидеров общества, находящихся на самой вершине социальной иерархии. Часто бывает так, что лидер страны, имеющий сильные социальные амбиции, начинает захватнические войны или выступает инициатором реформ. В первом случае (Александр Македонский, Наполеон и др.) он надеется за счет присоединения поработанных народов увеличить высоту той социальной пирамиды, на верху которой находится. Во втором — лидер стремится увеличить значение одного из факторов своего социального статуса. Характерным примером второго варианта мотивации является поведение Михаила Горбачева, чувствовавшего низкий престиж власти, полученной в наследство от непопулярной геронтократии. Представляется, что именно социальные амбиции, стремление занять максимально возможные позиции в иерархии престижа в советском обществе, а не мифическая угроза поражения в войне с Западом толкнули его на реформы.

Впрочем, недостаточный престиж среди подданных может оказаться для лидера поводом не только для проведения реформ, но и, например, для развязывания «маленькой победоносной» войны. Остается добавить, что очень высокие социальные амбиции лидера чаще всего приводят к преждевременной потере власти вследствие чрезмерно выходящей за рациональные рамки внутренней и внешней активности.

Борьба за более высокий социальный статус — участь не только представителей современной западной цивилизации.

Не выдерживает критики версия о том, что социальные амбиции индивида в странах, принадлежащих к восточным цивилизациям, имеют меньшее значение, чем стремление сберегать жизненные ресурсы. Движимый социальными амбициями человек Востока для успешного карьерного продвижения должен уметь скрывать их от окружающих. Подобное умение — часть специфических требований системы к личности индивида в большинстве обществ этого региона. Борьба за более высокие социальные позиции на Востоке зачастую покрыта завесой тайны, находится под ханжеским покровом традиций. Однако и в традиционных Китае, Индии, исламском мире (как и впоследствии в коммунистической России) обретение социальных ценностей при соблюдении внешних рамок иррациональных традиций всегда оставалось для индивидов приоритетным мотивом социальной деятельности (см., например, [11], [12]).

Тем не менее религиозно-идеологические построения, пропагандирующие греховность или пагубность борьбы за социальные преференции (католицизм, православие, буддизм, конфуцианство, ислам, коммунизм), способны на определенный исторический период ограничивать влияние социальных амбиций на действия индивидов. Существующая система и ее традиционные институты в условиях господства фундаменталистских версий этих идеологий как бы подмораживают, в обществе замедляются социальные процессы. Как показывает история, в конечном счете подобная система неизбежно вступает в полосу дестабилизации, происходит взрыв сдерживаемой социальной энергии, ведущий к гиперреализации загнанных социальных инстинктов, к войне всех против всех. Так было, например, многократно на протяжении истории Китая, в Европе времен великой Французской революции и наполеоновских войн, в России дважды на протяжении XX века (после 1917 и 1991 годов). Социальный

взрыв в таких обществах обычно предваряет длительная полоса стагнации и застоя.

Во времена Реформации кальвинистская теория предопределения создала условия для реабилитации в сознании общества социального инстинкта индивидов. Кальвинизм позволял сделать вывод: если все в жизни, в том числе и социальной, предрешено Господом, то стремиться достичь наибольшего социального успеха незачем, социально детерминированный человек только осуществляет божественное предназначение. Кальвинистская доктрина, бывшая по форме иррациональным религиозным учением, смогла утвердиться в обществе более рациональный взгляд на цели социальной деятельности (подобным образом в первые годы перестройки под видом возрождения ленинизма реабилитировались абсолютно противоположные ему ценности рыночной экономики и политического плюрализма).

Со времен Реформации общие тенденции развития общества не только западного, но и православного и дальневосточного ведут к осознанию и легитимизации приоритетов социальной мотивации в действиях индивидов.

Противоположность кальвинизму, обращенному к активному социальному инстинкту, — религиозные системы, основанные на апеллировании к инстинкту сохранения жизненных ресурсов. Наиболее яркий пример такой системы — буддизм, относящийся к мирской, в том числе социальной, жизни как делу нечистому и ничтожному по сравнению с вечностью. В этом смысле к буддизму близки другие восточные религии — даосизм, индуизм, а также ортодоксальные мистические течения в христианстве (в какой-то степени и православие) и исламе (суфизм).

Однако приоритет активного социального инстинкта над сберегающим определен самой природой человека: без реализации активного инстинкта, хотя бы на уровне получения первичных ценностей, необходимых для поддержания физиологического минимума, невозможно реализовать инстинкт сберегающий. Поэтому реализация сберегающего инстинкта при максимальном подавлении активного является

участью маргинальных групп: индийских йогов, суфийских дервишей, обитателей буддийских, православных и католических монастырей.

Основной социальный инстинкт и потребление

Основной социальный инстинкт существенным образом влияет не только на профессиональную и общественную деятельность индивидов, но и на их потребительское поведение.

В современном обществе, где социальные условия в значительной степени подавляют влияние творческого инстинкта, в сознании большинства индивидов господствует социальный инстинкт. В этих условиях его влияние на потребление зачастую приобретает иррациональные формы. Под влиянием манипуляции, основанной на иррациональной сублимации гипертрофированного социального инстинкта, потребительское поведение многих индивидов становится иррациональным. Они, например, покупают товары и услуги, цена которых плохо коррелируется с их практической пользой.

Потребляя те или иные товары и услуги, индивиды не только обеспечивают себя необходимыми материальными и интеллектуально-эстетическими первичными ценностями, но и демонстрируют окружающим свой социальный статус. При этом они нередко пытаются создать ложное, завышенное представление об этом статусе. Причем такое поведение зачастую направлено не только на обман окружающих, но и на самообман. Приобретая дорогие ненужные безделушки, огромные джипы для поездок в городе, «крутые» часы и сотовые телефоны или их имитаторы, индивиды как бы фиксируют свой реальный или чаемый социальный статус и говорят окружающим (и себе) — смотрите, чего я добился в жизни.

Движимые основным социальным инстинктом индивиды мотивированы на получение как можно более высокого социального статуса. Однако их возможности в реализации этой мотивации ограничены. В этой ситуации индивиды, стремясь компенсировать неудовлетворенность своим положением в обществе, внушают окружающим представление о

своим более высоким, чем в реальности, статусе. Такое внушение осуществляется с помощью демонстрации материальных атрибутов мнимого высокого статуса.

Таким образом, формируется демонстративное потребление — иррациональное и потому поддающееся манипуляции. На этом создана современная индустрия символического потребления, дающая покупателям иллюзию того, что они с помощью модных, «крутых», дорогих потребляемых товаров и услуг демонстрируют свой мнимо высокий социальный статус.

На первый взгляд во всем этом есть рациональное зерно. Кажется бы, если человеку с помощью манипуляции удалось внушить окружающим завышенное представление о своем социальном статусе, у него появится шанс воплотить созданный образ в реальность. Например, повысить таким образом позиции престижа и конвертировать их в повышение позиций других факторов социального статуса. Такой вариант не исключен, однако чаще всего такая «потребительская манипуляция» приводит к обратному результату — к манипуляции потребителем со стороны производителей и продавцов продвигаемых товаров. Дело в том, что, для того чтобы с помощью имитации высокого социального статуса манипулировать окружающими и получать социальные преференции, необходимо обладать талантами «отпеченных мошенников», а это удел ничтожного меньшинства.

Долго поддерживать завышенное представление о своем социальном статусе с помощью демонстративного потребления невозможно. Такое поведение рано или поздно столкнется с экономической реальностью. Кредиты надо отдавать, по счетам расплачиваться. За кратковременную иллюзию более полной реализации социального инстинкта приходится платить вынужденным ограничением потребления реальных материальных и интеллектуально-эстетических ценностей.

Таким образом, в погоне за имитацией высокого статуса индивиды зачастую совершают иррациональный выбор, сужающий возможности удовлетворения их рациональных потребностей. Этот выбор формируют и используют для манипуляции те, кто продвигает на рынок символические атрибуты этого статуса, — производители, продавцы, реклами-

сты, маркетологи. Такова рациональная природа иррационального потребительского поведения, не оставляющая места для постмодернистских попыток демонизации, эстетизации или сакрализации «общества потребления».

Апелляция к основному социальному инстинкту — одна из главных составляющих позиционирования и продвижения товаров и услуг в рекламе и маркетинге. Иллюзия демонстрации высокого статуса является одним из манипулятивных крючков, на который продавцы-манипуляторы ловят потребителей. Только реализация творческого инстинкта, уравновешивающая влияние социального инстинкта и не дающая ему принимать гипертрофированные иррациональные формы, способна защитить индивидов от манипуляции их потребительским выбором.

Есть ли альтруистические, коллективистские, этические мотивы социальной деятельности

Основной социальный инстинкт изначально эгоистичен. Альтруистический коллективизм как ориентация индивида на удовлетворение потребностей других индивидов вопреки интересам реализации своих собственных не является мотивом социальной деятельности. Это противоречило бы рациональной сущности человека. Любые действия, противоречащие рациональным интересам индивидов, даже если они проводятся под флагом приоритета коллективных интересов над индивидуальными, — следствие манипуляции, в том числе накопленной в идеологиях или религиях.

Торжество эгоистических интересов над коллективными послужило основной причиной краха всех коллективистских экспериментов. Любое эгалитарное общество, жестко ограничивающее социальные амбиции своих членов, через некоторое время разрушается в результате их нарастающего давления. Такова судьба коммунистических экспериментов — от коммун анабаптистов, Кабе и Оуэна, до СССР и социалистических стран Восточной Европы.

Альтруистический коллективизм, декларирующий отказ от личных интересов ради целей рода, племени, нации, религиозного сообщества, класса, партии или государства, всегда основан на манипуляции со стороны привилегированных меньшинств (элит) данных сообществ (старейшин, аристократии, служителей культа, партийных и профсоюзных лидеров, правящей бюрократии и т. п.).

Элементы подлинного, не навязанного со стороны альтруизма существуют только в тех видах профессиональной деятельности, которые требуют определенного самопожертвования для достижения творческой реализации, например в профессии врача или учителя. Рассмотрение этических проблем в применении к частным межличностным, семейным, дружеским, родственным отношениям выходит за рамки данной работы.

Что касается этического «удовлетворения от собственной правильности» (Дж. Роулз), то такое удовлетворение может быть рационально только как результат адекватной оценки индивидом своих социальных и творческих успехов. В случае если подобную реакцию вызывают иррациональные поступки, можно говорить о манипулятивном происхождении данного явления, о том, что за подобным мнимым удовлетворением стоит эксплуатация, ущемление рациональных интересов данного индивида.

Любые социальные действия, не имеющие цели реализации собственных простых мотивов, имманентных индивидам, иррациональны и не отвечают их интересам. Другие, «высшие» ценности — религиозные, традиционные, идеологические — иррациональны, а значит манипулятивны.

Стремление к реализации социального инстинкта сдерживается лишь сберегающим инстинктом, но не альтруистическими или этическими соображениями.

МОТИВЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ПРЯМОГО ОТНОШЕНИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Естественно, не все в жизни человека определяется только эгоистическими социальными мотивами. Не все челове-

ские стремления можно реализовать через социальную деятельность. Сексуальные, родственные, дружеские, семейные отношения, этические и моральные проблемы не исчерпываются приведенным нами реестром внутренних мотивов. Тем не менее можно утверждать, что вектор реализации подлинных мотивов личностных отношений (дружбы, любви, преданности семье, потребности в общении, сострадания и т. п.) чаще всего совпадает с вектором реализации основного социального инстинкта. Любые личностные отношения неразрывно связаны с социальной жизнью индивида. Эта связь принудительна, так как вызвана жесткой конкуренцией индивидов за обладание первичными ценностями, во многом манипулятивным характером социальной деятельности.

В результате социальное зачастую отравляет межличностные эмоциональные взаимоотношения индивидов, которые вынуждены рассматривать эти отношения через призму получения или сохранения социальных предпочтений. Полноценная реализация социальной мотивации освобождает от логики социальных законов (находящихся вне, а часто вопреки нравственности и морали) личную и частную жизнь индивида, которые в идеале должны основываться на совершенно иных этических принципах.

Очевидно, что чем лучше идут дела в социальной жизни, тем меньше проблем в частной или семейной, а возникающие проблемы проще решать. Распространено стереотипное мнение, что богатство и успех никому не приносили счастья. А кому приносили счастье бедность, неудачи, творческая нереализованность? Достижение социальных целей, очевидно, делает человека ближе к недостижимому в принципе идеалу полной реализации всех мотивов, то есть к абсолютному счастью.

Лучшая реализация социальных мотивов может (хотя бы при определенных обстоятельствах) облегчить возможность достижения несоциальной мотивации. Сокращение возможностей для реализации социальных мотивов может не влиять на несоциальную жизнь индивида, но если влияет — то только отрицательно. Достижение социальных целей не гарантирует удовлетворение несоциальных потребностей (реализацию

стремления к любви, коммуникациям, пониманию, самоуважению и т. п.), но часто позитивно влияет на этот процесс.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОГЛАСОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ МОТИВОВ

На практике взаимодействие мотивов не представляет собой стройную иерархию, как утверждают сторонники теории Абрахама Маслоу, согласно которым индивиды удовлетворяют мотивы последовательно, по мере их приоритетности [4]. Автор считает, что удовлетворение потребностей не имеет четких границ, после достижения которых можно говорить о том, что одна потребность удовлетворена и можно приступить к реализации другого. Какого бы уровня потребления индивид ни достиг, он будет стремиться достигнуть более высокого. То же можно сказать и о власти, и о престиже, и о творческой самореализации. Мотивы не могут быть полностью реализованы, в реальной социальной жизни возможно ограниченное только сроком человеческой жизни движение к их наиболее полному удовлетворению.

Индивиды пытаются согласовывать и наиболее полно реализовывать все присущие им инстинкты, стремясь избежать жесткого выбора между ними. На выбор социальных действий в той или иной степени влияют все внутренние мотивы, каждый из которых побуждает индивидов искать возможности для его реализации. Так, на траекторию движения планеты влияет притяжение и Солнца, и других планет, и собственных спутников. Если продолжить сравнение социальной деятельности индивида с движением планеты, то степень влияния различных мотивов (космических объектов) на социальные действия индивидов (траекторию движений планеты) определяется их значением для человека (массой) и характером социальной деятельности, необходимой для их реализации (расположением в пространстве).

Несмотря на большое значение основного социального инстинкта, для достижения наибольшего уровня социальной комфортности индивид должен успешно реализовывать все внутренние мотивы. Если индивид концентрируется только

на реализации основного социального инстинкта, пренебрегая необходимостью реализации других внутренних мотивов, его поведение становится иррациональным и в конечном итоге приводит к личностному краху, а иногда и к преждевременной физической гибели. Такова судьба большинства авантюристов-карьеристов, диктаторов и финансовых мошенников.

Примером апофеоза такой иррациональности являются сюжеты, подобные ожесточенной гонимости за власть и благосклонности фюрера в его окружении за считанные дни до неизбежного краха Третьего рейха.

Популярная среди либералов теория плюрализма ценностей Исайи Берлина основана на представлении о невозможности успешного усвоения индивидом разных видов ценностей, об обретении неповторимой индивидуальности через определение для себя приоритетной ценности и стремление к ее воплощению (см. [13]). Отсюда Берлин и его последователи делают вывод, что раз выбор индивидами собственных мотивов социальной деятельности непредсказуем и своеволен, то заведомо бессмысленно любое социальное конструирование, призванное улучшить социальные условия для их реализации.

По нашему мнению, вопреки теории Берлина, на практике индивид не волен сам выбирать ни приоритетные для себя ценности, ни возможности для их воплощения. Первое сделала за него мать-природа, заложив генетически обусловленное стремление к достижению определенного набора первичных ценностей. Второе определяется спецификой социального устройства общества, в котором действует индивид.

Однако если сами ценности предопределены генетически и в глубинной сущности практически не меняются, то возможности для их достижения меняются в зависимости от изменения социальной организации общества. Это обстоятельство позволяет считать, что поиск модели устройства общества, дающего лучшие возможности для реализации мотивов его членов, оправдан и способен содействовать определению вектора рациональных социальных преобразований.

Для достижения успешной реализации всех внутренних мотивов максимумом индивидов согласование их действий

должно осуществляться на уровне социума. Оно может быть обеспечено только путем снятия противоречий между требованиями общества к действиям, необходимым для реализации различных мотивов. Причем, как мы убедимся позднее, основой такой унификации требований может стать только реализация творческого инстинкта индивидов.

ДЕМОКРАТИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕННОСТЬ

Демократические права и свободы личности рассматриваются большинством западных исследователей как самостоятельные и даже приоритетные ценности. По нашему мнению, подобная фетишизация этих социальных инструментов носит иррациональный характер и служит задаче консервации политической системы и социальной идеологии в интересах правящей элиты.

Права и свободы, декларированные в священных документах западных демократий, не являются самостоятельными первичными ценностями, а служат всего лишь инструментами свободного или лимитированного доступа индивидов к определенным первичным ценностям.

Так, свобода слова, печати, передачи информации является гарантией свободного потребления широкого спектра интеллектуальных и эстетических ценностей, а также определенных социальных условий, необходимых для творческой самореализации индивидов.

Политические свободы являются инструментом оптимизации распределения позиций власти и свободы в обществе, не допускающем крайних форм неравенства индивидов по этим позициям и гарантирующем определенный лимит доступа к этим ценностям всех членов общества.

Права на неприкосновенность личности, жилища, на судебную защиту, на забастовку, вообще трудовые и социальные права дают всем членам общества лимитированную возможность защиты жизненных и социальных ресурсов.

Однако демократические права и свободы, гарантируя защиту общества от чрезмерного насильственного принужде-

ния со стороны правящей элиты, не охраняют его от другой формы использования — манипуляции. Такие демократические институты, как многопартийность, представительная демократия, на практике являются сегодня инструментом манипуляции в руках элит, ориентированных на сохранение собственного ведущего положения в обществе.

Наиболее важный инструмент манипуляции в современном рыночном обществе — право частной собственности на средства производства, дающее легитимную возможность одним индивидам присваивать первичные ценности, созданные усилиями других индивидов.

КИТАЙСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Современная история Китая может дать пример перехода к более рациональному обществу через политические институты, альтернативные многопартийной демократии. Очевидно, что существование нынешнего авторитарного режима гораздо лучше служит рациональным интересам подавляющего большинства китайцев, чем переход этой страны к демократии западного образца, грозящей, как свидетельствует опыт большинства пост-социалистических стран, нестабильностью, катастрофическим социальным расслоением, наступлением этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма, коррупции и преступности. Тем более эти угрозы были бы актуальны для такой огромной, рассредоточенной и не имеющей демократических традиций страны, как Китай.

Более того, вполне возможно, Китай продемонстрирует миру альтернативный вариант перехода к более рациональному, а значит более демократическому, свободному и эффективному обществу без заимствования традиционной западной модели многопартийной демократии и свободного от диктата государства рынка. Вполне вероятно, что китайскому обществу удастся на новом витке развития создать социальные инструменты, более полно обеспечивающие гарантии прав человека, чем те, которые существуют на сегодняшнем Западе.

В этом случае в очередной раз будет подтверждена историческая и цивилизационная ограниченность современных западных социальных институтов, неизбежность их радикального обновления в соответствии с требованиями времени для лучшего достижения провозглашенных рациональных целей. Необходимость этого обновления становится особенно актуальной в контексте усиливающейся конкуренции с восходящей китайской цивилизацией.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В литературе по социальным наукам существует достаточно распространенная точка зрения о противоположном влиянии на поведение человека рациональных суждений, с одной стороны, и эмоций, страстей — с другой. Так, например, считает современный популярный американский исследователь К. М. Уолцер. В книге «Политика и страсти» он пишет: «Интересы могут обсуждаться — принципы дебатироваться... но страсти и эмоции не знают ограничений, сметая все на своем пути», и далее: «рациональность и эмоциональность могут быть разделены теоретически», но «...они всегда переплетаются в практической жизни...» [14]. Таким образом, по мнению Уолцера, практическое социальное поведение индивидов осуществляется под воздействием двух противоположных основ — рациональной и эмоциональной. Подобный взгляд на социальное поведение является, по сути, смягченным продолжением фрейдистского видения природы эмоциональной сферы как иррациональной.

Рациональный подход к этой проблеме предполагает существование двух вариантов возникновения эмоций и страстей под влиянием обстоятельств социальной жизни.

В первом случае эмоции и страсти возникают под влиянием удовлетворенности или неудовлетворенности имеющимися возможностями реализации собственных внутренних мотивов индивидов. Тогда природа этих эмоций рациональна. Без вмешательства манипуляторов, пытающихся на них играть, эти эмоции не могут оказывать самостоятельное отклоняющее влияние

на действия индивидов, направленные на достижения рациональных целей обладания первичными ценностями.

Второй вариант возникновения социально детерминированных эмоций — манипуляция мотивами индивидов, навязывание им иррациональных целей*.

Ни в том, ни в другом случае эмоции не могут быть самостоятельным источником иррационального поведения.

Продемонстрируем два примера иррационального поведения, которое на первый взгляд обусловлено эмоциями и страстями, но при ближайшем рассмотрении оказывается результатом манипуляции.

1. Индивид под влиянием сильно развитого творческого или социального инстинкта и порожденных этим инстинктом эмоций и страстей, в условиях неполноты знаний о своих возможностях, поддается на уговоры манипуляторов, сулящих ему быстрое достижения столь чаемых целей (вкладывает деньги в финансовую пирамиду, оплачивает некачественное, но быстрое образование и т. п.).
2. Индивид под влиянием манипуляции со стороны религиозных или идеологических институтов испытывает сильную ненависть к иноверцам или инакомыслящим, под влиянием этих эмоций становится террористом и убивает себя вместе с мнимыми врагами его веры.

В первом случае эмоции и страсти имеют естественно-рациональное происхождение, во втором — возникли под влиянием манипуляции. Но и в первом, и во втором случае они не имеют самостоятельного влияния, а являются лишь инструментом в руках манипуляторов.

* Следует разъяснить взаимосвязь иррационального поведения и манипуляции. Что является определяющим — курица или яйцо, иррациональные действия или манипуляция? По мнению автора, манипуляция со стороны одних и иррациональность действий других индивидов взаимосвязаны. Недостаток информации определяет то, что поведение индивида может быть иррациональным. Эта возможность создает условия для манипуляции им. Манипуляторы не могут не воспользоваться подобной ситуацией. Приводимая ими манипуляция формирует конкретный тип иррационального поведения индивида.

Не эмоции и страсти индивидов, а несовершенство знаний о себе и окружающем мире обеспечивают возможность манипуляции. Идеально-типический абсолютно осведомленный, а значит и абсолютно рациональный человек не может позволить манипуляторам обманывать себя, играя на чувствах и страстях.

В реальности индивиды не обладают полнотой информации и могут быть в той или иной степени подвержены манипуляции. Однако в силу разного уровня доступа, а также способностей получать и адекватно воспринимать информацию индивиды в разной степени умеют защищать себя от манипуляции. Те, уровень защиты которых низок, неизбежно становятся ее объектом. Другие индивиды, в силу необходимости реализации социального инстинкта, не могут не воспользоваться низким уровнем рациональности окружающих для решения собственных социальных задач. На каждого Буратино найдутся свои лиса Алиса и кот Базилио, на каждого фанатика — свой гуру, на каждого игрока — шулер или хозяин казино, на каждого алкоголика — производитель водки, на каждого наивного обывателя — политик-демагог, на каждого неинформированного вкладчика финансовый спекулянт, на каждого верящего рекламе покупателя — продавец воздуха и т. д. и т. п. При этом у самих индивидов может возникнуть иллюзия, что они действуют исходя из собственных иррациональных эмоций (такое же заблуждение может появиться и у наблюдателей). В действительности не манипулируемые, а манипуляторы, продвигая свои мнимые ценности и услуги, формируют на них спрос и соответствующее иррациональное поведение индивидов.

Иррациональное поведение под воздействием эмоций и страстей, но без внешнего влияния манипуляции — удел девиантов (как мы отмечали ранее, в данной работе девиантное поведение не рассматривается).

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО

В начале данной работы автор оговорился, что ведет дискуссию в рамках рациональной идеологической парадигмы. Поэтому в ра-

боте отсутствуют ссылки на воззрения проповедников иррационализма — клерикалов, ницшеанцев или фрейдистов. Но одно исключение сделано. Это наиболее, по нашему мнению, показательный пример иррациональной психологии, представленный в художественных и публицистических произведениях Ф. М. Достоевского.

Проблема самоволия как иррациональной самоцели жизнедеятельности человека является одной из основных тем творчества Достоевского — одного из самых ярых критиков европейского рационализма и «разумного эгоизма». Суть этого убеждения в том, что освобожденный от мистического мировосприятия человек склонен действовать, скорее не исходя из собственных рациональных интересов, а хотя и вопреки им, но по собственной иррациональной прихоти, придури, самоволию.

Есть простая рациональная версия происхождения этого феномена. Иррациональное поведение героев Достоевского — следствие культурного шока, вызванного осознанием невозможности удовлетворения уже осознанных рациональных потребностей. Герои Достоевского при всей своей странности — дети своего времени. Они жертвы казуса XIX века, когда человек, уже начинающий осознавать свои рациональные мотивы, столкнулся с иррациональным устройством общества, не дающего возможности для их удовлетворения. В результате — культурный шок, конфликт с реальностью, который мог выражаться в терроре народовольцев, развитии теософии, спиритизма и мистических сект, в распространении азартных игр, финансовых пирамид, неврастении и психических расстройств. Пример реакции на этот культурный шок — неадекватное с рациональной точки зрения поведение героев Достоевского и самого писателя, обернутое в привлекательную упаковку мистических, глубинно-психологических поисков и метаний, отрицающих рациональную картину мира и априори недоступные социальные ценности. Сам Достоевский, как известно, всю жизнь пытался добиться финансового благополучия, даже таким странным способом, как игра в рулетку.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Рационализация общественного сознания — обязательное условие для развития процесса рационализации организации общества. Решение этой задачи способно обеспечить формулирование рациональных целей общества, достижение целерациональности его социальной организации. Причем целерациональность понимается здесь не в классическом значении этого термина как «продуманное использование условий и средств для достижения поставленной цели» (Макс Вебер) [2]. Достижение целерациональности в понимании автора — осознание и легитимация подлинных социальных целей индивидов и общества, обусловленных биологической природой человека и передающихся генетически от поколения к поколению.

Процесс рационализации общества представляет собой сочетание целерациональности (в авторской интерпретации) и инструментальной рациональности, предполагающей создание наиболее благоприятных социальных условий для эффективного достижения поставленных рациональных целей.

Российский ученый-социолог И. Ф. Девятко, давая классификацию представлений о практической рациональности, выделяет «по меньшей мере три радикально различные трактовки» (приводятся в сокращенном виде):

1. Практическая рациональность означает действовать так, чтобы, выбирая наилучший способ действий из нескольких альтернативных, максимизировать свою прибыль и минимизировать убытки.
2. Говорить об объективно рациональном, разумном поведении можно лишь тогда, когда поведение ориентировано на подлинное, предельное благо.
3. Рационален тот, кто действует, сообразуясь с теми нормативными ограничениями, которые он согласился принять в качестве разумных... [3]

По мнению автора, данные трактовки взаимодополняемы и могут рассматриваться как различные элементы, сумма которых создает явление социальной рациональности.

Первый из вышеприведенных вариантов трактовки практической рациональности близок к авторскому пониманию используе-

мого в данной работе термина — инструментальная рациональность. Второй вариант трактовки совпадает с применяемым автором определением термина целерациональность. Третья трактовка (в приведенном в настоящей работе сокращенном варианте) также соответствует авторскому пониманию целерациональности, однако с одной поправкой. Нормативные ограничения могут восприниматься индивидом как разумные и быть рационально принимаемы только в том случае, если они создают условия для более полной реализации его внутренних мотивов. Только при этих обстоятельствах согласие индивида с ними будет соответствовать трактовке рациональности, данной в п. 1. (инструментальной рациональности). Если несоблюдение нормативных ограничений дает индивиду возможность более полно реализовать свои внутренние мотивы, принятие этих ограничений может быть только результатом манипуляции его выбором.

ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОСТЬ

- осознание индивидами своих рациональных мотивов;
- определение того, что достижение наиболее полной их реализации является единственной рациональной целью социальной деятельности индивидов;
- определение задачи создания условий для наиболее полной реализации внутренних мотивов всех членов общества в качестве его рациональной идеальной цели.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

- организация социальных институтов, создающих условия для более рационального согласования векторов реализации мотивов индивидов. Согласование мотивов ведет к оптимизации возможностей для их реализации на уровне каждого индивида, общества в целом, разных обществ (государств, цивилизаций), их современных и будущих поколений.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЕГО ФАКТОРЫ

Наиболее распространенная версия определения социального статуса индивида заключается в том, что он складывается из трех составляющих — власти, материального положения и престижа. Существуют и более расширенные трактовки социального статуса, связанные с социальной групповой принадлежностью индивида, его образованием, ценностными ориентирами и т. п.

Автор считает возможным при определении социального статуса ограничиться тремя критериями (факторами). Эти факторы фиксируют существующие у индивида возможности доступа к трем социальным первичным ценностям. Остальные признаки, которые зачастую относят к параметрам социального статуса, носят вторичный характер. Они (например, образование) могут в той или иной мере способствовать достижению первичных ценностей, но сами этими ценностями не являются. Факторы социального статуса определяются позициями индивида в трех иерархиях доступа к социальным первичным ценностям: потребления, власти-свободы и престижа.

При этом автор считает оправданным объединение доступа к потреблению материальных и интеллектуально-эстетических потребностей в один фактор социального статуса, так как эти социальные задачи имеют общее направление реализации. Необходимо добиваться обладания материальными возможностями (получать доход, иметь собственность) и для того, чтобы иметь хорошие жилище, еду, средства передвижения, и для того, чтобы иметь лучший доступ к информации, культурным, художественным, интеллектуальным ценностям (читать интересные книги, смотреть лучшие фильмы, посещать музеи, театры, концерты, исторические и культурные достопримечательности, покупать картины, диски и т. п.).

Объединение позиций власти и свободы в одну иерархию фактора социального статуса объясняется убеждением автора в невозможности рассматривать реализацию воли к власти в отрыве от достижения стремления к свободе. В обществе эти мотивы неразрывно связаны. Во-первых, власть

невозможна без ограничения свободы, во-вторых, достижение власти не только ценно само по себе, но и является средством обеспечения личной свободы, в-третьих, место во властной иерархии определяет не только возможность властвовать над одними (+), но и необходимость подчиняться другим (-).

Как указано выше, перечисленные критерии социального статуса соответствуют имманентно присущим человеку инстинктам (внутренним мотивам): стремлению к власти и свободе, удовлетворению материальных и интеллектуально-эстетических потребностей и престижу.

Другие социальные ценности, к примеру образование, квалификация, собственность, происхождение, связи и т. д., являются лишь средствами, инструментами реализации социального и творческого инстинктов, достижения статусных позиций и творческих успехов и представляют ценность для рационального индивида только в этом качестве.

При формировании образа социальной иерархии автор не ставит задачу создания системы четкого определения социального статуса индивидов, конкретного места каждого индивида в социальной иерархии. Наша задача в другом: понять механизмы формирования социального статуса индивидов, обладающих определенными личностными и социальными ресурсами, смоделировать закономерности, которые одних приводят наверх, а других — в низ социальной пирамиды.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Уровень потребления

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Для определения места индивида в социальной иерархии значимо не фактическое потребление, которое зависит от специфических качеств и привычек индивида и ограничено потребительскими возможностями человека, а доступ индивида к ценностям, то есть потенциальная возможность их по-

треблять. Уровень доступа к материальным и интеллектуально-эстетическим ценностям напрямую связан с уровнем материальной обеспеченности индивида, с объемом материальных ресурсов, которые он может контролировать. В современном рыночном обществе этот критерий близок к показателям дохода и собственности. Место в иерархии потребления соответствует положению в иерархии по стоимости собственности и уровню дохода.

Историческая динамика

Объем потребления в обществе не имеет границ роста, в ходе творческого процесса качество и объем потребления в обществе последовательно растут.

Профиль иерархии потребления с развитием и рационализацией общества снижается. Исчезают самые низкие позиции, не дающие возможности потребления даже на уровне элементарных физиологических потребностей. Большинство интеллектуально-эстетических ценностей и информационных ресурсов в информационном обществе неизбежно становятся общедоступными.

Тем не менее процесс выравнивания в обществе позиций доступа к предметам потребления ограничен. При развитии творческого процесса перманентно появляются (создаются, изобретаются) новые предметы потребления, технические усовершенствования и т. п. Для того чтобы эти ноу-хау стали общедоступными, должно пройти время. В течение этого периода данные ценности неизбежно будут оставаться дефицитными, доступом к ним смогут обладать только индивиды, занимающие привилегированное положение в обществе. После того как эти ценности станут общедоступными, появятся новые дефицитные ценности, доступ к которым определит высокие позиции в иерархии потребления в обществе, и т. д.

Неравенство в распределении позиций доступа индивидов к потреблению рационально только в случае, если оно основано на оценке эффективности творческой деятельности. В этом случае такое неравенство служит стимулом для развития творческого процесса в обществе. Кроме того, чтобы пре-

доставить индивидам максимальные возможности для творческого развития, общество должно обеспечить равный начальный доступ к потреблению, а также исключить неравенство в доступе к информации.

Власть-свобода

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Власть — социально обусловленная возможность одних индивидов ограничивать (распоряжаться) свободой других индивидов. Власть не может существовать без своего антагонизма — подчинения, то есть ограничения свободы. Внизу иерархии власти — наиболее полное подчинение индивида как можно большему числу других индивидов, вверху — наиболее полное господство одного индивида над наибольшим числом других индивидов. Позиция власти одного индивида означает позицию подчинения (ограничения свободы) другого.

Следовательно, в обществе всегда $| + |$ позиции власти = $| - |$ позициям свободы $|$. Известно сравнение человеческого общества с курятником, в котором каждый цыпленок может клевать ограниченное количество других цыплят, а остальные цыплята имеют возможность клевать его. На вершине иерархии — цыпленок, который может клевать всех, но его не может клевать никто. Внизу — цыпленок, которого могут клевать все, но он не имеет права клевать никого. Эта очень грубая модель, если слово «клевать» заменить словом «подчинять», дает представление об иерархии власти и свободы в обществе. При этом обладание позициями власти означает возможность подчинять своей воле других, а обладание позициями свободы — возможность не подчиняться.

Степень власти и свободы определяется объемом жизненных и социальных ресурсов (жизнь, здоровье, физические и интеллектуальные усилия, время, деньги и т. д.), от которых управляемый индивид согласно существующим социальным нормам обязан отказаться в случае соответствующего решения управляющего. Причем этот отказ может носить харак-

тер рационального обмена или манипулятивного использования. Это зависит от степени эквивалентности социального обмена жизненных и социальных ресурсов управляющих и управляемых на первичные ценности, происходящего в результате социальных отношений власти — подчинения между ними, в том числе от того, какую компенсацию за отказ от ценности свободы получает управляемый.

Итак, позиции индивида в иерархии власть–свобода определяются следующим образом: объем легитимных возможностей данного индивида распоряжаться в рамках социальных отношений ресурсами других индивидов (объем власти) минус возможность других индивидов распоряжаться его ресурсами (степень несвободы).

На вершине пирамиды — максимальная прямая или опосредованная власть над максимумом поданных при минимуме подчинения другим индивидам абсолютного правителя-деспота. Это восточный тиран, Сталин или Ким Ир Сен. В самом низу иерархии — раб, узник ГУЛАГа или Освенцима, характеризуемый абсолютной зависимостью от максимума индивидов (минимум позиций власти при максимуме позиций несвободы).

В середине иерархии — индивид, обладающий в равной мере позициями власти и подчинения, — позиция 0.

В позиции 0 находится также абсолютно свободный человек, не обладающий властью и не зависимый от нее, индивид, не ограниченный в своей свободе и не ограничивающий свободу других, то есть ограниченный только ограничением не ограничивать. Назовем эту позицию 0-идеальная.

Распределение власти–свободы в позиции 0 соответствует состоянию сбалансированной взаимной зависимости властвующих и подчиненных, о которой как об оптимальном варианте отношений власти–подчинения писал Ричард Эмерсон [15]. Эта ситуация возможна при условии взаимной рациональной заинтересованности участников действия в достижении определенных целей и соответствующей зависимости друг о друга. Сбалансированная взаимная зависимость является идеально-типической ситуацией рационального согласования

интересов участников социального действия, исключая манипуляцию и использование. На практике под влиянием основного социального инстинкта индивиды путем насилия или манипуляции заставляют других вопреки их рациональным интересам наделять себя позициями власти, поступаясь при этом позициями свободы. Индивиды, получающие высокие формальные позиции власти, стремятся выстраивать социальные отношения таким образом, чтобы их властные позиции превышали позиции свободы подчиненных, то есть чтобы иметь над ресурсами подчиненных больше власти, чем зависеть от их поведения. Таким образом, сбалансированность позиций власти возможна только в процессе некоторых социальных действиях (например, в работе творческого, научного коллектива), но в рамках сетей социальной власти на уровне общества не достижима. На уровне общества неизбежен дисбаланс позиций власти–свободы в пользу правящей элиты и ее доминирование над большинством его членов. То же можно сказать о социальных структурах внутри общества, в которых роль правящей элиты выполняет руководящее меньшинство (собственники, топ-менеджмент, лидеры).

В идеале творчество — свободная самореализация индивида, не требующая отношений власти–подчинения. Только творческая деятельность в принципе способна дать адекватную компенсацию и вытеснить из социальной мотивации индивида стремление к власти над окружающими. Только процесс творческого развития общества может освободить индивидов от необходимости подчиняться чьей-либо власти и дать им подлинную свободу

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В современном обществе увеличивается число людей, слабо вовлеченных в отношения власти и подчинения, поэтому обладание свободой становится менее зависимо от обладания властью, а профиль иерархии власть–свобода снижается.

Политические и гражданские права, которые граждане западного общества получили в Новое и Новейшее время, оказали значительное влияние на распределение позиций вла-

сти и свободы в сторону уравнивания в позиции 0-идеальная, что в свою очередь привело к более полной реализации творческого потенциала общества и, как следствие, к экономическому прогрессу, улучшению качества жизни.

Гражданские права ограничивают возможности управляющих (в том числе правящей элиты) распоряжаться волей и ресурсами управляемых. Такие права, как пассивное и активное избирательное право, свобода слова, демонстраций, союзов и т. д., дают управляемым определенную власть друг над другом и потенциально над управляющими. Тем не менее возможности рядового гражданина-избирателя и представителя элиты отчуждать жизненные и социальные ресурсы несопоставимы. Диалог между ними мог бы звучать так: «Я могу послать тебя на войну». — «А я могу проголосовать против тебя». — «Я могу уволить тебя». — «А я буду публично протестовать». — «Я могу лишить тебя куска хлеба». (Например, отменив какое-нибудь пособие.) — «А я устрою демонстрацию».

Большинство находящихся внизу социальной иерархии и сегодня обладают незначительными возможностями распоряжаться ресурсами правящего меньшинства. Правящая элита имеет лимитированные, но все еще очень значительные возможности распоряжаться ресурсами большинства общества. Покушение непривлекательного большинства на ресурсы правящей элиты теоретически возможно только при успешных массовых протестных действиях, организация которых опять-таки невозможна без поддержки определенной части элиты.

Итак, процесс рационализации, развития демократии, означающий опрокидывание иерархии позиций власти-свободы из положения, близкого вертикальному, в направлении горизонтали, проходящей через точку 0-идеальную, сегодня очень далек от финала.

Предельно высокий уровень свободы и предельно низкий уровень подчинения — необходимое условие для свободной творческой самореализации индивида. Американский исследователь проблем управления Питер Дракер [16] отмечает взаимозависимость происходящего сегодня увеличения креа-

тивной, творческой составляющей экономики, сокращения значения отношений подчинения и увеличения роли партнерства. Эти процессы имеют один источник. Дело в том, что развитие «хозяйства, построенного на знаниях» (термин Л. Ту-роу), увеличение числа новых «интеллектуальных работников» (определение П. Дракера) вытесняют отношения власти — ограничения свободы. Современная экономика может быть эффективна только при условии свободного творческого саморазвития работников, решающих индивидуализированные интеллектуальные задачи. Любая унификация, прямой контроль, подавление личности, которые в той или иной степени неизбежны в процессе отношений власти — ограничения свободы, препятствуют творческой самоактуализации, необходимой для решения задач, стоящих перед современными интеллектуальными работниками. На смену отношениям подчинения приходят отношения партнерства, предполагающие сознательную координацию социальных действий вне рамок отношений власти — ограничения свободы.

Тем не менее сокращение позиций власти — ограничения свободы не может быть абсолютным. Уровень власти может быть равен нулю, а свобода не ограничена для всех только в идеально-типическом сообществе абсолютно-рациональных индивидов. Абсолютно рациональными индивиды могут быть, только обладая всей полнотой информации о мире, а это, как мы уже писали, — недостижимый идеал, к которому общество может только приближаться в процессе творческого развития. В любом реальном обществе идеальные функции носителей позиций власти заключаются в рационализации системы перераспределения первичных ценностей, в наибольшей степени соответствующей интересам его членов.

Уровень власти в обществе может быть настолько низок, а уровень свободы настолько высок, насколько это может позволить степень рациональности индивидов, то есть осознания ими собственных социальных мотивов и действий, необходимых для их реализации. Этот профиль иерархии власть-свобода, назовем его x -рациональный, призван создать наилучшие возможности для творческой самореализа-

ции индивидов в условиях данного уровня развития общества. В идеале общество должно перераспределять позиции власти в пользу индивидов, обладающих наиболее высокими способностями к управлению в объеме предельно низком, но достаточном для того, чтобы они смогли обеспечить другим индивидам наиболее благоприятные условия для творческой самореализации.

Не следует забывать, что мотивации к власти и свободе в сознании некоторых индивидов сопутствует мотивация к подчинению. Однако эта мотивация, по нашему мнению, обусловлена социально. Она связана со страхом перед ответственностью за свои действия, желанием переложить на управляющих риски, получить у них защиту в обстоятельствах, представляющих угрозу. Эта мотивация основана на сберегающем социальном инстинкте. Если общество достаточно стабильно и рационально, в нем нет угрозы произвольного лишения индивидов их жизненных и социальных ресурсов, а значит и оснований для существования у индивидов мотива подчинения. Однако и в традиционных обществах у большинства индивидов инстинкт власти сильнее мотивации к подчинению. Об этом свидетельствует то, что в истории всегда при первой же возможности бывшие рабы, заключенные, крепостные и другие представители зависимых групп населения становились тиранами еще худшими, чем их бывшие хозяева.

Престиж

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Престиж — нелимитированная для индивида, перманентно перераспределяемая сумма первичных ценностей в обществе. В каждом обществе суммарный объем позиций престижа постоянен и представляет собой сумму переменных позиций престижа его членов. Престиж каждого индивида представляет собой сумму оценок его деятельности другими индивидами. В прикладной социологии аналогичное понятие — рейтинг престижа.

Даруя другому позицию престижа, индивид признает, что данный человек в чем-то лучше, талантливее, умнее его самого. Нормальный человек не может восхищаться, признавать авторитет и ценность слишком большого количества людей — это неизбежно войдет в противоречие с его собственной самооценкой. В сознании каждого индивида существует определенный, постоянный лимит положительных характеристик других индивидов. Поэтому сумма позиций престижа в обществе постоянна и позиции престижа индивида могут расти только за счет позиций других индивидов. Положительный образ одного фигуранта вытесняет положительные образы других из сознания окружающих. Массы периодически свергают с постаментов своих недавних кумиров и создают себе новых.

Историческая динамика

По мере снижения профилей иерархии потребления власти-свободы в процессе рационализации общества увеличивается значение фактора престижа для формирования социального статуса индивидов. Престиж становится главным фактором социального статуса, главной оценкой деятельности индивида обществом. По мере развития информационно общества этот процесс будет продолжаться.

Мотивация к достижению престижа в будущих поколениях

Фактор престижа имеет важную специфику, отличающую его от других факторов социального статуса. Индивидам зачастую важен не только их прижизненный, но и посмертный престиж в обществе. Уровень потребления и позиции власти-свободы индивид после смерти может в лучшем случае только передать наследникам. Позиции престижа в обществе существуют, их уровень можно оценить и после ухода индивида из физического мира.

Достижение посмертного престижа является формой реализации основного социального инстинкта. Поэтому совершенно естест-

венно, что индивиды, особенно после успешного достижения своих главных социальных целей, зачастую задумываются о посмертной славе. Тогда они совершают общественно полезные деяния, не забывая закрепить за этими благими делами свое имя. Так появились нобелевские премии, Третьяковская галерея, Рокфеллеровский центр, фонд Карнеги и другие известные последствия социальных действий, обусловленных стремлением к получению посмертного престижа.

Однако стремление к получению высоких позиций посмертного престижа реализуемо и поэтому является одной из важных мотиваций не только для знаменитых филантропов, но и для значительного числа людей, занимающихся творчеством. Они обеспечивают себе посмертную славу непосредственно в процессе профессиональной деятельности благодаря результатам своих творческих усилий.

Помимо социальной иерархии общества, существует и виртуальная иерархия памяти, т. е. престижа всех людей, когда-либо живших на земле. Вверху этой иерархии те люди, память о которых обуславливает наиболее высокие показатели престижа на протяжении наибольшего количества времени после их смерти. У огромного большинства индивидов в этой иерархии показатели престижа практически равны нулю, их не помнят уже через максимум век после смерти — никто, даже прямые потомки. Однако у тех, кто оставил серьезный позитивный след в жизни общества, есть шанс получить позиции престижа, пролонгированные во многих или даже во всех будущих поколениях.

Посмертный престиж напрямую связан с творческой деятельностью. Большинство индивидов понимают это. Никто, кроме откровенных девиантов, не хочет войти в историю как манипулятор, злодей, насильник, обманщик. Сталин или Пол Пот были уверены, что делают благое дело для человечества, Джек Потрошитель не стремился к посмертной славе. Таким образом, люди стремятся не просто войти в историю, но и обеспечить себе в ней позитивный образ. Рациональная мотивация к посмертной славе равнозначна стремлению к достижению максимальных творческих успехов (в т. ч. и в виде филантропиче-

ской деятельности, стимулирующей развитие творческого процесса).

С помощью манипуляции или насилия можно войти в историю, таких примеров тьма, но нельзя получить искомый посмертный престиж, пролонгированный на максимально долгий срок. Конечно, манипуляторы могут обмануть людей не только в современном им, но и в будущих поколениях. И сегодня существует множество поклонников таких монструозных персон как, например, Гитлер и Аятолла Хомейни. Однако авторское позитивистское видение истории цивилизации предполагает, что с развитием творческого процесса, получением людьми новых знаний о мире слава подобных персонажей неизбежно рассыплется, и они потеряют свои позиции в иерархии посмертного престижа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЙ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Различные общества можно классифицировать по тому, какие факторы социального статуса в них доминантны, то есть обеспечивают автоматический доступ к другим его факторам.

Итак:

Докапиталистический мир: доминантный фактор — власть.

Капиталистический мир: доминантный фактор — потребление.

Идеально-рациональное общество: доминантный фактор — престиж.

Наряду с доминантными можно также выделить факторы, имеющие сильное и слабое первичное влияние на получение позиций других факторов социального статуса, то есть определить, как влияет в тех или иных обществах на получение позиций социального статуса достижение его недоминантных факторов (достижение доступа к первичным ценностям, соответствующим данным факторам социального статуса).

ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЕРАРХИЙ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

Общество	Значение фактора (места в иерархии доступа к соответствующим первичным ценностям) для получения позиций социального статуса		
	Власть	Потребление	Престиж
Древний Восток	Доминанта	Слабое первичное влияние	Слабое первичное влияние
Классические Афины, республиканский Рим	Сильное первичное влияние	Сильное первичное влияние	Доминанта
Древний Китай	Доминанта	Слабое первичное влияние	Сильное первичное влияние
Средневековая Европа	Доминанта	Слабое первичное влияние	Слабое первичное влияние
СССР	Доминанта	Слабое первичное влияние	Слабое первичное влияние
Ранний капитализм в Европе	Сильное первичное влияние	Доминанта	Слабое первичное влияние
Современный Запад	Среднее (в США и в крупных странах Европы), слабое (в большинстве небольших стран Европы) первичное влияние	Доминанта 1	Доминанта 2
Идеально-рациональное общество	Отсутствие первичного влияния	Отсутствие первичного влияния	Доминанта

Раздел 2. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ МОТИВАЦИИ

Влияние на социальную деятельность основного социального и творческого инстинктов

Стремление к повышению социального статуса — основная движущая сила социальной деятельности большинства индивидов во всех исторических обществах. Однако этот факт редко признается самими индивидами. Индивиды и их объединения, чтобы реализовать свой социальный инстинкт, заявляют обществу другие цели своей деятельности, достижение которых необходимо прежде всего самому обществу. Декларируемая (идеальная) цель профессионально-функциональной деятельности индивидов и профессиональных страт в целом — как можно более полное и качественное удовлетворение потребностей общества в том, что заявляется ими как продукт профессиональной деятельности.

Для управляющих страт (политического, идеологического или экономического управления) этот продукт — благо общества, удовлетворение его декларируемых идеальных целей. Эти цели могут быть иррациональны и сформулированы как приумножение славы империи, реализация божественного предназначения или строительство социальной утопии. Они могут носить и рациональный характер. Так, в современных западных странах это прежде всего экономическое процветание, безопасность общества, соблюдение прав его членов. В любом случае декларируемая цель управляющих страт и правящей элиты — обеспечение общества тем, что принимается его членами как высшее благо. С изменением представлений о благе общества, в том числе с их рационализацией, идеальные цели и декларируемые обязанности правящей элиты меняются.

Для профессионально-статусных групп, принадлежащих к стратам творческого (интеллектуального) и механического труда, провозглашенные идеальные цели деятельности не меняются с развитием общественного сознания. Для врачей это восстановление (сохранение) здоровья пациентов, для крестьян — производство сельхозпродукции, для адвокатов — защита прав граждан в суде, для ученых — развитие науки, для учителей — передача опыта и знаний новым поколениям, для строителей — возведение домов и сооружений, для ремесленников — обеспечение общества продуктами их ремесла и т. д. С появлением новых профессиональных групп появляются новые идеальные цели. Для рекламистов и маркетологов это продвижение товара на рынок, для аудиторов — проверка экономического и финансового состояния предприятия, для интернет-провайдеров — обеспечение доступа к информации через Интернет. При этом декларируемая цель всегда не просто создание продукта потребления, но и наилучшее, наиболее качественное и эффективное обеспечение им потребителей.

Эта декларируемая цель является идеальной мотивацией функционально-профессиональной деятельности. В реальности большинство индивидов руководствуется не идеальной, а чисто социальной мотивацией, то есть стремится получить как можно больший объем социальных ценностей, потратив на это как можно меньше жизненных ресурсов. Эта мотивация заставляет манипулировать социальными партнерами, чтобы обеспечить за их счет выгодный для себя вариант социального обмена. То есть навязывать свои товары и услуги потребителям вопреки их рациональным интересам, завышать стоимость своей работы или, наоборот, занижать заработную плату сотрудников, подсиживать коллег, очернять конкурентов, «пиарить» себя перед партнерами или избирателями, создавать имидж, навязывать моду, создавать спекулятивный спрос и т. д. и т. п. У большинства современных людей значительная часть социальной жизни уходит именно на такую деятельность. Причем здесь имеется в виду только тактическая социальная манипуляция, противоречащая идеаль-

ной мотивации профессиональных страт, осуждаемая, но терпимая обществом. Системную манипуляцию и ее легитимные институты, такие, как религия, патриотизм, национализм, частная собственность, реклама, маркетинг и т. д., мы рассмотрим в следующих разделах работы.

Несмотря на сказанное, нельзя сделать вывод, что людьми правят только социальные амбиции, а идеальная мотивация — лишь пустая декларация. Если бы это было так, все социальные акторы руководствовались бы только карьеристскими соображениями и их социальная активность сосредоточилась бы исключительно на достижении своих целей через манипуляцию. В таком случае было бы невозможно развитие творческого процесса, а значит и научно-технический прогресс, высшие достижения искусства, литературы, науки, техники, искусства, архитектуры, рациональные социальные реформы. Все это не могло бы осуществиться без труда индивидов, руководствующихся не только социальными, но и творческими мотивами, выбирающих для своей социальной реализации порой более трудные, но связанные с творческой самореализацией пути (не только гениальные единицы, но и множество одаренных людей).

В социальной реальности наилучшее осуществление профессиональных функций означает их творческое исполнение. Творческая деятельность ведет к созданию в ходе профессиональной деятельности новых первичных ценностей и инструментов их воспроизводства. Альтернативный вариант — перераспределение ценностей с помощью манипуляции. Третий вариант социальной деятельности — простое механическое воспроизводство ценностей.

И третий (механическое воспроизводство), и тем более второй вариант (манипуляция) социальной деятельности очевидно проигрывают первому (творческой деятельности) с точки зрения идеальной мотивации. Поэтому между идеальной и творческой мотивацией можно поставить знак равенства. Творческий инстинкт — единственная причина, заставляющая людей порой вести себя нерационально с точки зрения социальной мотивации (активного и сберегающего

социальных инстинктов), для того чтобы лучше выполнять свои профессиональные функции с точки зрения идеальной мотивации. Проще говоря, не красивые декларации вроде заботы о благе окружающих или профессиональной чести, а имманентная индивидам мотивация к творческой самореализации заставляет людей работать хорошо в тех случаях, когда они могли бы сжалуричь.

Как уже говорилось, для подавляющего большинства индивидов внутренние и соответственно внешние социальные мотивации важнее мотивации творческой (идеальной). Последняя может влиять на социальную (профессиональную) деятельность большинства индивида только тогда, когда не входит в фундаментальное противоречие с его социальными интересами. В реальных (в том числе современных) обществах реализация идеальной (творческой) и социальной мотиваций отчуждена друг от друга. То есть действия, необходимые для повышения социального статуса, не совпадают или противоречат усилиям, направленным на творческое выполнение профессиональных функций. Общество зачастую оценивает индивида по тому, насколько успешно реализуются его манипулятивные таланты, а не творческие способности, и соответственно ориентирует его социальную активность. В результате творческий потенциал индивидов и общества в целом реализуется только в очень ограниченной степени.

Согласование творческого и социального инстинктов на базе реализации творческого потенциала индивидов является оптимальным для наиболее полной реализации всех мотивов индивидов, для развития творческого процесса в обществе.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Природа живого по определению рациональна. Это главное условие развития жизни на Земле, хода ее эволюции. Не будем вслед за многими авторами, в частности Питиримом Сорокиным, подробно анализировать соотношение мотивов

человека и животных — это предмет самостоятельного исследования. Остановимся на том, что выделило человека из животного мира и стало причиной возникновения социальной организации общества. Мотивы животных (по крайней мере высших) — самосохранение, достижение наиболее высокого уровня физиологического потребления (потребление пищи, необходимый для комфортного существования размер контролируемой территории и т. д.), минимизация физических затрат, продолжение рода, достижение доминирующего положения в стае — очень напоминают мотивы людей.

При этом так же, как люди, звери конкурируют за эти ценности, применяют силу, чтобы обеспечить себе приоритетный доступ к ним, иногда создают в ходе этой борьбы достаточно сложные системы власти–подчинения. Тем не менее неизмеримо более сложная социальная организация человеческого общества очевидна. Причиной возникновения сложного, высокоразвитого социального мира являются принципиально новые способы удовлетворения потребностей человека.

Способы реализации мотивов животными детерминированы их инстинктами. Это относится и к социальной организации животных. Новое может появиться в основном в процессе изменения окружающей среды и естественного отбора. Освоение разными видами животных новых навыков ограничено только первыми годами жизни (причем к инновациям способны только отдельные виды) и носит очень примитивный характер. Взрослые животные в основном перестают быть способными не только к инновациям, но и к обучению.

Существует очень интересная, хотя и не бесспорная теория происхождения человека, выделения его из животного мира, принадлежащая покойному профессору Поршневу [1], [2]. Основное ее положение заключается в том, что *Homo sapiens* произошел в результате не естественного, а искусственного отбора в среде палеантропов, то есть в процессе взаимодействия и борьбы разных вариантов видов проточеловека, промежуточных между обезьяной и *Homo sapiens*. Автор, не будучи профессиональным антропологом, не берется обсуждать тео-

рию Поршнева в целом, но обращает внимание на ту ее часть, которая кажется наиболее интересной.

По Поршневу, человек отделился от животного мира, встал на качественно более высокий уровень развития в результате появления речи, которая изначально служила прежде всего инструментом манипулятивного подчинения одних особей другими (здесь мы опускаем спорные рассуждения Поршнева о каннибализме как цели этого использования).

Продолжая рассуждения Поршнева, нетрудно заметить, что помимо манипуляции речь послужила человеку и для другой цели, тоже не имеющей аналогов в животном мире. Она создала основу для появления специфической способности человека совершенствовать свои знания о реальности и передавать их будущим поколениям.

Согласно теории творческой эволюции Карла Поппера [3], в противоположность животным, которые, приспособливаются к окружающему миру через механизм естественного отбора, человек адаптируется к среде обитания путем эволюции, совершенствования знаний, создания более адекватной картины реальности. Развивая рассуждения Поппера, можно констатировать, что человек приспособливает к себе окружающий мир (таким образом приспособливаясь к нему), воздействуя на него с помощью творческой деятельности. Человек самостоятельно получает новые знания о реальности, на основе этого создает более совершенные методы удовлетворения своих внутренних потребностей, а затем передает эти знания и методы будущим поколениям. Новые поколения индивидов в свою очередь на основе полученной информации приобретают еще более полные знания и создают более совершенные инструменты для реализации своих мотивов. Так с каждым поколением знания расширяются, а методы совершенствуются.

Это явление, назовем его *всемирным творческим процессом*, является основой повышения уровня удовлетворения материальных, интеллектуальных и эстетических потребностей людей и взаимосвязанного с этим совершенствования создаваемой ими социальной организации.

Однако очевидно, что история человечества идет не так гладко и поступательно, как было бы в случае бесперебойного творческого процесса. Это связано с тем, что творческий процесс дуален и инициирует два вида социальной деятельности, находящихся в динамическом противоречии.

Человек способен самостоятельно создавать новые инструменты удовлетворения своих потребностей, находить и передавать потомкам новые способы достижения целей — все это интеллектуальная деятельность. Ее можно разделить по результату на два вида — манипуляцию и творческую деятельность. Язык как средство коммуникации, хранения и передачи информации — необходимый инструмент и того, и другого рода деятельности.

Творческая деятельность двигает процесс вперед, манипулятивная — препятствует этому движению. Этим объясняются нелинейность и флуктуации творческого процесса.

В процессе творческой деятельности человек преобразует и обогащает окружающий мир, создавая новые и новые ценности и инструменты, обеспечивающие их преумножение. Важнейшее направление творческой деятельности в сфере социальной организации общества — рационализация социальных инструментов, она обеспечивает увеличение темпов развития творческого процесса.

Параллельно с этим человек в ходе манипулятивной деятельности с помощью изобретения новых инструментов принуждения и обмана пытается удовлетворять свои потребности за счет интересов других индивидов, использовать для этого их жизненные ресурсы. Манипуляция приводит к нарушению естественной рациональности индивидов, к неэквивалентному, нерациональному для участников процесса перераспределению первичных ценностей, то есть к использованию одними индивидами жизненных ресурсов других вопреки рациональным интересам используемых.

Манипулятивная деятельность заставляет индивида расходовать интеллектуальные ресурсы, которые в результате этого пропадают для творчества. Индивиды, подвергающие-

ся манипуляции, также зачастую отторгаются от возможностей творческой деятельности, так как манипуляторы, исходя из собственных социальных интересов, ограничивают их свободное творческое самовыражение. Таким образом, манипуляция вытесняет творчество из деятельности как манипуляторов, так и манипулируемых. В результате этого затрудняется творческая самореализация индивидов, высвобождение творческого потенциала общества, развитие творческого процесса.

У манипуляции и творческой деятельности как действий высшего порядка есть подчиненные простые действия по обеспечению реализации заложенных в них программ. В первом случае это механическая манипуляция (воспроизводство созданных манипулятивных схем) и насилие, во втором — механический труд, результат которого — простое воспроизводство материальных ценностей.

Общество, давая социальные преференции за различные виды деятельности, стимулирует в разной степени и творческую, и манипулятивную деятельность, и механическое воспроизводство. Рационализация общества неизбежно приводит к изменению оценки в пользу более высокого признания творческой деятельности.

При обозначении деятельности как творческой или манипулятивной имеется в виду только ее фактический результат, а не замысел или оценка окружающих. Если результат — создание новых ценностей или рационализация их перераспределения, деятельность может быть определена как творческая. Если результат — использование других индивидов, перераспределение, не ведущее к рационализации, деятельность может быть определена как манипулятивная. Причем имеются в виду конкретные действия, а не деятели, ведь за время социальной жизни человек зачастую совершает различные социальные действия, выполняет различные функции. Кроме того, оценка действий возможна только в контексте уровня развития общества. Ведь одни и те же действия в обществах с разным уровнем развития могут вести к совершенно разным результатам — двигать творческий процесс

или служить инструментом манипуляции, то есть препятствовать его развитию.

Творческая деятельность всегда наиболее продуктивна в долгосрочной перспективе. Она является причиной прогресса, нелинейного роста количества и качества первичных ценностей. Успешная творческая деятельность одних людей дает основу для еще более успешной аналогичной деятельности новых поколений в будущем и поэтому представляет ценность для членов общества еще и с точки зрения инстинкта наследования.

В реальной социальной деятельности индивид при разных обстоятельствах или одновременно руководствуется и социальной, и, хотя в меньшей степени, творческой мотивацией. Творческая деятельность осуществляется под воздействием и социальной, и творческой мотиваций. Манипулятивная деятельность, так же как и механический труд, как не способная привести к творческой самореализации, осуществляется только под воздействием социальной мотивации.

При этом надо учитывать, что такова мотивация деятельности рационального индивида, не подверженного манипуляции. Под влиянием внешней манипуляции индивид может совершать любые перечисленные действия, в том числе и сам манипулировать другими индивидами.

При манипулятивной функциональной, в том числе профессиональной, деятельности уровень материального благосостояния индивида повышается за счет его понижения у других индивидов (происходит перераспределение при сохранении или снижении общего объема благ). При соответствующей деятельности по творческой (идеальной) мотивации материальное благосостояние индивида улучшается без ухудшения положения других индивидов (в экономической науке это называется «улучшение по Парето») за счет роста материального благосостояния общества в целом.

Чем ближе в обществе векторы социальной и творческой реализации, то есть чем больше стимулируется в обществе творческая деятельность, тем выше динамика роста совокупного общественного благосостояния.

ВИДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИХ МОТИВАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Вид деятельности	Мотивация деятельности	Результат (функция) деятельности в статике	Результат (функция) деятельности в динамике
Творческая деятельность	Творческая (идеальная) мотивация. Социальная мотивация	Создание новых ценностей и инструментов их воспроизводства	Развитие творческого процесса, рост общественного благосостояния
		Рационализация перераспределения ценностей	
Механический труд	Социальная мотивация	Механическое воспроизводство ценностей	Поддержание общественного благосостояния
Манипулятивная деятельность	Социальная мотивация	Манипулятивное перераспределение ценностей	Торможение творческого процесса

ТВОРЧЕСТВО, МЕХАНИЧЕСКИЙ ТРУД И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ

Отсутствие возможностей для полноценной реализации творческого потенциала делает социальную жизнь человека ущербной независимо от его статусных успехов.

Известный филолог и писатель, один из прозорливейших людей своего времени, Лидия Гинзбург писала в дневниках: «Человеку может надоесть все, кроме творчества. Человеку надоедает любовь, слава, богатство, почести, роскошь, искусство, путешествия, друзья — решительно все. То есть все это при известных условиях может перестать быть целеустремлением, — но только не собственное творчество. Этого не бывает, как не бывает, чтобы человеку надоело спать или утолять голод и жажду... Творчество есть совершенно органическая, неотъемлемая воля к личному действию, связанная с самой сущностью жизненного процесса» ([10] к разд. 1).

Противопоставление творчества как акта свободного волеизъявления и труда как действия, определенного социальными обстоятельствами, достаточно часто встречается в современной науке. На первый взгляд такое противопоставление помогает разделить свободную творческую реализацию и поденный интеллектуальный труд ради куска хлеба. Однако свободное творчество и принудительный труд существуют не в разных взаимно непро-

нищаемых сферах. Творчество растворено в труде и может проявляться в той или иной степени практически в любой трудовой деятельности. При этом возможности для проявления творческой активности различаются в зависимости от вида труда. От минимальных, которые дает качественная работа рабочего на конвейере, больших возможностей, имеющихся у талантливого плотника или столяра, и до высоких, например, у программиста или очень высоких в труде ученого и писателя.

Индивиды склонны привносить элементы свободного творчества даже в самую однообразную работу. Так, Н. В. Гоголь в «Шинели» описывает, как Акакий Акакиевич Башмачкин сумел превратить в творческий процесс простую переписку документов. Кстати, образ Башмачкина — творческой личности, практически не замеченный критиками, очень ярко демонстрирует силу творческого инстинкта, проявляющегося даже в самых неожиданных обстоятельствах. «Он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его... Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра?» [4] — так описывает Гоголь жизнь своего героя. И пусть кто-то скажет, что этот человек не достиг творческой самореализации, конечно, на скромном уровне, соответствующем его способностям и виду деятельности!

Любая творческая работа подвержена влиянию социальных обстоятельств. Если они заставляют индивида заниматься деятельностью в творческом плане менее перспективной, чем позволяют его способности, индивид воспринимает эту работу как принудительный труд, затрудняющий его полноценную творческую самореализацию. Зная или чувствуя, что он способен, но лишен возможности заниматься более творчески насыщенным видом деятельности, индивид будет воспринимать этот свой труд как насилие над собственным интеллектом. Однако и в этом случае индивид чаще всего вносит в поденный труд свой талант, элементы творчества.

Отдельно можно сказать о соотношении интеллектуальной и творческой деятельности. В случае если интеллектуальный труд не носит характера манипуляции, он всегда имеет творческий характер. Результаты даже не соответствующей уровню таланта индивида интеллектуальной (но не манипулятивной) работы ради социальных предпочтений всегда являются творческим продуктом (к примеру, фельетоны М. Булгакова). Однако подобная деятельность, как показывает практика, в отличие от свободного творческого труда не может приносить индивидам полноценное творческое удовлетворение.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС ОБМЕНА

БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ И ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Теории обмена Джеймса Коулмена, Ричарда Эмерсона, Питера Блау и других авторов предполагают объяснение социальной деятельности индивидов прежде всего как процесса обмена между ними позициями контроля над необходимыми ресурсами. «Минимальная основа обмена — два актора, каждый из которых контролирует ресурсы, в которых заинтересован другой. Именно заинтересованность в ресурсах, контролируемых другими, заставляет субъектов быть целеустремленными и участвовать в действиях, включающих обе стороны... в систему действий», — пишет Джеймс Коулмен [5]. Классические теории обмена не дают четкого определения того, какие ресурсы и инструменты контроля над ними являются предметами социального обмена. Эти теории описывают процессы обмена на уровне взаимодействия индивидов, социальных сетей и социальной системы, при этом в них не существует понятия базового уровня социального обмена. Попробуем, исходя из общих положений нашей теории, определить:

- базовый уровень обмена, определяющий индивидуальную социальную жизнь индивидов;

- предмет социального обмена между **ними**.

Итак:

1. Базовый уровень социального обмена

Уровень обмена индивидом в процессе социальной жизни своих жизненных ресурсов на другие первичные ценности.

Индивид, в процессе социальной деятельности создавая или добиваясь перераспределения первичных ценностей, обретает доступ к ним, платя за это своими жизненными ресурсами.

2. Предмет социального обмена между индивидами

Контроль над доступом к первичным ценностям.

Индивид расстается и получает первичные ценности (в том числе и жизненные ресурсы) через обмен ими с другими индивидами. От результатов этого обмена зависит, какое количество первичных ценностей получит индивид и какое количество ресурсов потратит в ходе социальной жизни.

ЖИЗНЕННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Каждый день индивид вступает во множество процессов обмена первичными ценностями с другими индивидами. Меняет время жизни, отданное физическим или интеллектуальным усилиям, на социальные ценности своего работодателя и потребителей результатов труда; покупает товары, обмениваясь первичными ценностями с их владельцем и его наемными работниками; участвует в выборах или демонстрациях, пытаясь обменять жизненные ресурсы на социальные ценности, контролируемые политиками, и т. д. При этом первоначальным источником ценностей, участвующих во всех параллельных и пересекающихся обменных процессах, всегда служат жизненные ресурсы. Создание любых первичных ценностей возможно только за счет их эксплуатации.

И создание первичных ценностей, и получение над ними контроля теми или иными индивидами происходит в результате расходования жизненных ресурсов. Даже те ценности, которые индивид получает без траты жизненных ресурсов, например по наследству, накоплены в результате расхода-

ния жизненных ресурсов других людей и поколений. В ходе множества обменов в течение жизни индивид получает возможность потребить и передать наследникам определенный объем первичных ценностей, израсходовав в конечном итоге все имевшиеся у него жизненные ресурсы.

При этом необходимо учитывать, что социальные первичные ценности могут быть обменены индивидами не только друг на друга, но и вторично — на создавшие их жизненные ресурсы (продлевающий жизнь комфорт и медицинское обслуживание, экологически чистое место жительства и т. д.). Таким образом, социальные ценности могут быть, с одной стороны, результатом отдачи жизненных ресурсов, с другой — инструментом их сохранения. Однако возвратное получение жизненных ресурсов всегда уступает первичной отдаче. Время жизни проходит безвозвратно, никакие социальные предпочтения не смогут обратить старость в молодость, а болезнь — в абсолютное здоровье.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ (ПРИПИСАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ) И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ ОБМЕНЕ

Социальный обмен ведет к получению индивидами не только первичных ценностей, но и инструментов их перераспределения (присвоения), таких, как право собственности, связи, привилегированная сословная принадлежность и т. д. Эти инструменты, назовем их социальными ресурсами, могут замещать жизненные ресурсы и позволяют их экономить. Индивид может пускать накопленные им или его предками социальные ресурсы (являющиеся, по сути, накопленными жизненными ресурсами) во вторичный оборот для достижения новых, более важных социальных целей, то есть экономить время и силы при осуществлении социальной деятельности, вкладывая в эту деятельность связи, собственность, репутацию, сословные привилегии.

Низкий уровень доступа к социальным ресурсам, напротив, заставляет индивида в социальной жизни активнее задействовать свои жизненные ресурсы.

Социальные ресурсы распределяются среди индивидов всегда неравномерно. Наделенные ими в большей степени получают возможность присвоения первичных ценностей, созданных жизненными ресурсами тех, кто уступает им по этому показателю. Поэтому социальные ресурсы являются инструментом манипулятивного перераспределения первичных ценностей в пользу тех, кто обладает ими в большей степени, чем его партнеры по социальному обмену. Этот социальный институт, как и другие (государство, религия и т. д.), появился в результате реализации желания индивида, совершающего разовые акции экспроприации первичных ценностей у других индивидов, закрепить это право за собой и своими потомками. Так, наиболее активные в племени (или поселении) воины, разбойники и шарлатаны сформировали институт племенной воинской и жреческой аристократии, которая затем дала начало возникновению привилегированных сословий и каст. Другие активные хищники, манипуляторы и креаторы, создали институт частной собственности на средства производства, передав права на его использование своим потомкам.

Существование институтов, дающих индивидам неравный доступ к социальным ресурсам, рационально оправдано в случае, если на данном этапе развития общества им нет альтернативы, обеспечивающей более эквивалентный социальный обмен. Однако такая альтернатива на большинстве этапов эволюции общества существует. Социальные интересы правящей элиты определяют то, что рационализация организации общества практически никогда не соответствует возможностям, которые дает для этого уровень развития творческого процесса.

Творческий процесс идет перманентно, а социальная система меняется скачкообразно, под воздействием локальных по времени процессов — реформ и революций, связанных со сменой или обновлением правящей элиты. В результате уровень рациональности социальной системы может приблизиться к оптимальному только на короткое время. Затем новая правящая элита закрепляет за собой завоеванные социальные ресурсы и передает их наследникам. Реформы прекращаются, процессы развития, рационализации соци-

альных институтов консервируются. Элита спекулянтов (по Парето) неизбежно перерождается в элиту рантье, существующую благодаря консервации накопленных социальных ресурсов. В результате развитие общественных отношений неизбежно отстает от творческого процесса.

Таким образом, институт социальных ресурсов на протяжении большей части мировой истории носит реакционный характер, а их использование для получения первичных ценностей является вариантом манипулятивного социального обмена, ведущего к эксплуатации одними индивидами жизненных ресурсов других вопреки рациональным целям последних.

ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМЕН В ОБЩЕСТВЕ

В обществе возможен эквивалентный обмен одних социальных и жизненных ресурсов на другие и его нарушение в результате манипуляции, в процессе эксплуатации их обладателя.

Приведем пример неэквивалентного обмена на первичные ценности в одном случае — социальных, а в другом — жизненных ресурсов. В первой ситуации в результате биржевой аферы предприниматель теряет состояние, переходящее в руки аферисту. Во второй — тот же предприниматель эксплуатирует наемных рабочих, присваивая их жизненные ресурсы. И в том, и в другом случае происходит манипуляция и использование одних индивидов другими: в первом случае предприниматель теряет социальные ресурсы, то есть капитал, а во втором — рабочие отдают свои жизненные ресурсы, не получая взамен эквивалентных первичных ценностей.

Процесс социального обмена в обществе многообразен. Однако этот процесс всегда регулируется социальными институтами таким образом, чтобы в конечном итоге позволить правящей элите манипулировать неэлитной частью общества, присваивая в результате неэквивалентного социального обмена ее жизненные ресурсы прежде всего за счет своих более значимых социальных ресурсов.

УРОВНИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

1. *Уровень социальной жизнедеятельности индивида (базовый)*
 - Обмен жизненных ресурсов на другие первичные ценности.
2. *Уровень социального взаимодействия индивидов*
 - Обмен первичными ценностями (в том числе жизненными ресурсами) между индивидами.
3. *Уровень общества*
 - неэквивалентный (манипулятивный) обмен между элитой и неэлитной частью общества.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ОБМЕНА

1. Организация в обществе правил и котировок социального обмена между индивидами.
2. Оценка специфики жизненных и социальных ресурсов индивидов в первичных ценностях, к которым им дается доступ в процессе многоуровневого обмена.
3. Как следствие этого, оценка социального и личностного потенциала индивидов позициями социального статуса.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ

Жизненные ресурсы обмениваются на первичные ценности не напрямую. Они играют роль своего рода продуктов сгорания, вырабатывающих социальную энергию, которую индивид расходует в процессе достижения первичных ценностей. Напрашивается грубо-схематическое сравнение социальной жизни индивида с работой атомной станции. У последней есть ограниченные ресурсы функционирования: время жизни (как и у индивида) и общность (для индивида — личностные и социальные характеристики). Станция в результате своей работы, а индивид — в процессе социальной деятельности производят определенное количество энергии (станция — электрической, индивид — социальной), в результате продажи которой обеспечивается их нормальное функционирование. Затем станция и индивид вырабаты-

вают свой ресурс и умирают (станция консервируется). Полученная в результате работы станции и социальной деятельности индивида энергия воплощается в создание разного рода ценностей или (и) в поддержание (изменение) процесса их распределения. Отличие индивида в том, что его функционирование может быть в разной — большей или меньшей — степени комфортно в зависимости от объема первичных ценностей, полученных в результате расхода социальной энергии, станция же, понятно, эмоциями и чувствами не обладает.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБМЕН НА УРОВНЕ ИНДИВИДА

1. Основные участники обмена

- Жизненные ресурсы — источник социальной энергии. В процессе выработки социальной энергии ресурсы истощаются. Как источник социальной энергии являются предметом обмена на другие (социальные и творческие) первичные ценности (так, предприятия покупают нефть для того, чтобы использовать энергию, выработанную в результате ее сгорания).
- Социальные ресурсы — приписанные социальные характеристики индивида, которые он может использовать для замещения своих жизненных ресурсов в процессе социального обмена.
- Социальная энергия — энергетические усилия индивидов, необходимые для достижения социальных и творческих первичных ценностей. В зависимости от вида деятельности социальную энергию можно подразделить на творческую, манипулятивную и механическую.
- Социальные (позиции социального статуса) и творческие (творческая самореализация) первичные ценности — индивид оплачивает обладание ими социальной энергией, выработанной в процессе эксплуатации жизненных и социальных ресурсов.

2. Показатели, определяющие социальную эффективность обмена

- Потенциалы социального статуса — показатель, характеризующий потенциальную эффективность жизненных и социальных ресурсов (ценность социальной энергии, которую они могут выработать) индивида как инструмента получения позиций статуса в условиях данного общества*.

* О потенциалах социального статуса подробнее в следующем подразделе.

3. Процесс осуществления обмена

Социальная деятельность — обмен выработанной социальной энергии и, как следствие, потраченных на ее воспроизводство жизненных и социальных ресурсов на первичные ценности, в том числе путем:

- творческой деятельности — создания новых первичных ценностей, инструментов их воспроизводства и рационализации распределения;
- манипулятивной деятельности — перераспределения первичных ценностей в пользу индивида вопреки интересам объектов манипуляции;
- механического труда — механического воспроизводства первичных ценностей.

4. Критерии эффективности (успешности) энергетического обмена:

- полученный социальный статус;
- сохранение жизненных ресурсов;
- творческая самореализация;
- приписанные социальные характеристики (ресурсы), переданные наследникам.

5. Остатки (посмертные) процесса обмена:

- приписанные социальные характеристики (ресурсы), переданные наследникам;
- развитие творческого процесса;
- новые инструменты манипуляции;
- новые материальные ценности.

ВАРИАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА НА УРОВНЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДОВ

- **Эквивалентный.** Основан на адекватном осознании индивидами собственных интересов (мотивов), полноте знаний о последствиях социального обмена и отсутствии насильственного принуждения. В этом случае индивиды осуществляют обмен жизненных ресурсов на первичные ценности, наиболее выгодный из всех возможных альтернатив. Рационализация общества создает условия для большей эквивалентности процессов социального обмена в обществе.

- *Манипуляционный (эксплуатационный)*. Одни индивиды путем манипуляции или насилия заставляют других вопреки их рациональным интересам расходовать жизненные ресурсы, для того чтобы обеспечить первым доступ к первичным ценностям.
- *Жертвенный*. В результате манипуляции или насилия индивиды вынуждены совершать противоречащий их рациональным интересам обмен жизненных ресурсов на первичные ценности. Один и тот же обменный процесс для одних является манипулятивным для других жертвенным.

ТЕКУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИТоговые ОСТАТКИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Участие в процессе социального обмена каждого индивида приводит к определенным социальным последствиям как для него самого, так и для других участников обмена, а также может влиять на ход творческого процесса. Результаты могут оцениваться в текущем режиме, то есть на данный момент социальной жизни индивида, и как итог его деятельности. Последний можно обозначить как посмертный остаток процесса обмена жизненных ресурсов индивида на первичные ценности.

Текущие (прижизненные) результаты участия индивида в социальном обмене

- *Социальные результаты обмена*. Жизненная траектория социального статуса, объем потребляемых первичных ценностей, расход жизненных ресурсов, динамика социальных ресурсов (приписанных социальных характеристик) индивида.
- *Внешние социальные результаты обмена*. Влияние данного индивида на изменение жизненных социальных траекторий, объем потребляемых первичных ценностей, динамику социальных ресурсов (приписанных социальных характеристик) и расход жизненных ресурсов других индивидов.
- *Творческие результаты обмена*. Текущий вклад индивида в развитие творческого процесса.
- *Манипулятивные результаты обмена*. Текущий вклад индивида в развитие инструментов манипуляции, отрицательно влияющих на развитие творческого процесса.

Итоговые (посмертные) остатки (результаты) участия индивида в социальном обмене, передаваемые будущим поколениям

Итоги, или остатки, процесса обмена социальной энергии — тот след, который оставляет индивид в социальной картине мира после своего ухода из него. Посмертные итоги социальной жизни индивидов передаются живущим в качестве накопленной социальной энергии разных видов. Накопленная энергия служит заменой социальной энергии, вырабатываемой в процессе затраты жизненных ресурсов, для осуществления той или иной социальной деятельности. В этом качестве она служит новым поколениям индивидов и после ухода из жизни ее создателя.

Итак, посмертные остатки социальной деятельности индивида:

- *Социальные итоги.* Социальные ресурсы, передаваемые в виде приписанных социальных характеристик наследникам (накопленная социальная энергия).
- *Материальные итоги.* Воспроизведенные материальные блага.
- *Манипулятивные итоги.* Инструменты манипуляции, переданные обществу. Созданные новые или усовершенствованные инструменты манипуляции, необходимые для использования других индивидов — религиозно-мистические, экономические, информационные (накопленная социальная энергия для манипулятивной деятельности).
- *Творческие итоги.* Инструменты развития творческого процесса, переданные обществу. Инструменты приумножения и совершенствования качества материального и интеллектуально-эстетического потребления, рационализации общества (накопленная социальная энергия для творческой деятельности).

Здесь следует отметить, что грань между инструментами манипуляции и инструментами развития творческого процесса достаточно условна. В ходе творческого процесса инструменты рационализации, отставая от достигнутого уровня развития общества, часто превращаются в инструменты манипуляции (протестантизм, деизм, гегельянство, марксизм и т. д.). Кроме того, творческое наследие одного и того же идеолога может включать и основания для использования его как инструмента манипуляции, и позиции, способные сыграть позитивную роль

в рационализации общества, а значит в развитии творческого процесса (например, Кальвин, Маркс, Вебер, Поппер и др.).

Итак, итоги социальной жизни человека характеризуются теми социальными показателями, которые он передал наследникам; тем, как его деятельность повлияла на развитие творческого процесса, динамику материальных ресурсов и развитие инструментов манипуляции в обществе.

Упрощенно можно говорить о социальном и творческом итогах деятельности каждого индивида.

СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА

Характер взаимоотношений и конфликтов между индивидами и обществом чаще всего определяется степенью согласованности их интересов и взаимных требований. Если эти требованиями не согласованны, если, как писал Т. Р. Гарр в исследовании «Почему бунтуют люди», «блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать» и «блага и условия, которые они» (в данном обществе) «могли бы получить и удерживать», не совпадают, индивиды чувствуют свою «относительную депривацию» [6]. В этом случае они не могут быть лояльны обществу и при возможности готовы участвовать в действиях, в том числе насильственных, направленных на разрушение его фундаментальных основ. Общество в свою очередь прибегает к принудительной социальной деградации индивидов, противостоящих его требованиям.

Рациональный индивид не может добровольно согласиться на жертвенный социальный обмен. Добиться согласия на него общество может только с помощью манипуляции. Но любые манипулятивные схемы не вечны. Рано или поздно они разрушаются, и тогда индивиды чаще всего с помощью насилия разрушают несправедливую к ним социальную системы.

В этом несогласии, рано или поздно преходящем в открытый протест, — основа социальных конфликтов. Интересы индивидов, индивида и общества (как суммы других индиви-

дов) могут быть согласованы только в случае осуществления между ними эквивалентного, то есть взаимовыгодного обмена первичными ценностями. Рациональная социальная система, способная согласовать интересы, устранять конфликты между индивидами и обществом, должна обеспечивать всем индивидам эквивалентный обмен жизненных ресурсов на первичные ценности.

Попробуем лаконично изложить возможные требования рациональных индивидов к обществу и рациональные требования общества (сообщества индивидов) к индивидам.

Итак:

- требования рационального индивида к обществу: общество должно предоставить максимально благоприятные возможности для профессиональной (творческой) реализации и дать объективную оценку ее результатам (при этом не отрицается также и право других индивидов на объективную оценку);

- рациональные требования общества к индивиду: индивид должен приносить своей социальной деятельностью максимальную пользу обществу в целом, то есть другим индивидам (пока это не противоречит его собственным рациональным интересам).

Согласование данных требований возможно только при условии социальной оценки деятельности индивидов, только на основании качества выполнения ими профессиональных обязанностей по идеальной мотивации (творческих достижений). Формирование на основе данного принципа социальной иерархии общества способно обеспечить эквивалентный социальный обмен, который может быть признан всеми членами общества как оптимальный, ибо любое отклонение от него входит в противоречие с их рациональными интересами.

Эквивалентный социальный обмен способен также обеспечить синтез творческой и социальной мотивации индивидов на основе социального стимулирования их творческой самореализации. Гармонизация социальной и творческой (идеальной) мотиваций деятельности индивидов способна устранить их болезненную социальную раздвоенность, дать им возможность для полноценной творческой самореализации и тем самым высвободить из-под спуда огромный скры-

тый творческий потенциал общества, способный **решить** проблемы, угрожающие самому его существованию.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЦЕЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ МАКРОСТРАТ*

Функциональная (профессиональная) деятельность индивидов является основным источником их социального статуса. В основе функциональной стратификации лежит разделение общества на три функциональные макростраты. Все профессионально-статусные группы можно условно распределить между тремя макростратами, объединенными общими функциями.

Эти функциональные макростраты:

- страта управления;
- страта творческого (интеллектуального) труда;
- страта механического труда.

Следует учитывать, что данное разделение достаточно условно. Как уже было сказано, индивиды, принадлежащие к стратам механического труда, в той или иной степени придают своей деятельности творческий характер (когда работают под воздействием идеальной мотивации). С другой стороны, в творческих стратах есть место и механическому труду, и управлению; в то же время в стратах управления возможен творческий труд по рационализации социальной системы общества и т. д. Профессионально-статусные группы относятся

* Создание детальной картины социальной стратификации общества не является предметом данного исследования. В рамках поставленных в работе задач автор предлагает краткий очерк социальной стратификации, основанный на ее функционалистской теории.

к той или иной функциональной страте, исходя из того, какой вид деятельности на практике в них преобладает.

Функции, осуществление которых является целью данных макрострат, неравноценны как источник социального статуса.

Во всех исторических обществах самый высокий социальный статус дает функция управляющей макростраты (управление экономикой, политикой, общественным сознанием). Эта функция связана с созданием и поддержанием нормативов и правил реализации основного социального инстинкта в обществе. Функция управляющей макростраты — создание, воспроизводство, реформирование правил формирования социальной иерархии, перераспределение позиций социального статуса членов общества и их профессионально-статусных групп.

Второе место в иерархии занимают функциональные страты творческого (интеллектуального) труда. Функция макростраты творческого труда — создание новых первичных ценностей и инструментов их эффективного воспроизводства. Основа деятельности данной страты — реализация творческого инстинкта ее членов. Принадлежность к творческим стратам не дает высоких позиций власти, но ведет к достаточно высоким показателям по двум другим факторам — престижу и уровню потребления. При этом доминантным фактором социального статуса является престиж, дающий членам творческой макростраты высокие показатели социального статуса в целом.

Третья функциональная макрострата — страта механического труда. Функция страты механического труда — простое механическое воспроизводство первичных ценностей, обеспечивающих материальное потребление индивидов. Как правило, она невысоко оценивается обществом, дает низкие показатели престижа, власти-свободы и невысокий уровень потребления.

Данная иерархия функциональных макрострат существовала практически во всех исторических обществах. Все попытки радикально изменить ее заканчивались ничем. Такая судьба во времена античности постигла попытки реализации платоновской идеи государства, управляемого философами (то есть представителями творческой страты). Также безуспешно завершились усилия, направленные на повышение социаль-

ного статуса и престижа представителей страт механического труда, например имевшие место в СССР в 1920–1980 годах.

Существующее распределение статусных позиций между стратами отражает значение страт для жизни общества и решения задач достижения его идеальных целей. Однако рациональность подобной иерархии зависит от того, насколько эффективно с точки зрения своей идеальной цели осуществляются функции макрострат (и прежде всего управляющей).

Идеальные и социальные цели функциональных макрострат

Декларируемая мотивация деятельности функциональных страт — достижение идеальных целей общества через наилучшее выполнение своих функций. Согласно ей врач лечит, чиновник управляет, пахарь пашет «не ради я» (И. Бродский) — они своей «ударной» работой каждый по-своему вносят вклад в достижение «правильных», освященных авторитетом правящей элиты идеальных целей общества.

Как и на уровне деятельности индивида, на уровне функциональных макрострат существуют социальные цели, не совпадающие с идеальными.

Итак:

Идеальная мотивация деятельности функциональных страт:

- страт управления — наилучшее, «правильное» управление обществом;
- страт творческого труда — успешное поддержание и развитие ценностей и институтов материальной культуры (образование, здравоохранение, архитектура, технологии и т. д.), экономический, научно-технический, культурный прогресс;
- страт механического труда — эффективное воспроизводство материальных ценностей.

Социальная мотивация деятельности функциональных страт — перераспределение в свою пользу социально-статусных позиций в обществе, как можно более высокая социальная оценка обществом собственной функциональной деятельности.

Мы уже писали, что в исторических обществах управляющая страта, как правило, заявляет иррациональные цели как идеальные. Имитируя бурную деятельность по достижению иррациональных целей, управляющая страта занимается в реальности решением собственных социальных задач. Декларация рациональных целей также не является гарантией эффективных действий по их достижению, зачастую скрывая активность, направленную на усиление социальных позиций управляющего меньшинства. Однако заявление рациональных целей является важным позитивным движением по направлению к рационализации социального устройства.

Структура функциональных макрострат -

Каждая функциональная макрострата включает определенный набор страт родов деятельности, в свою очередь состоящих из профессионально-статусных групп. Число и характер функциональных макрострат неизменны. Страты рода деятельности и профессионально-статусные группы по мере эволюции общества появляются и исчезают.

Управляющие страты в большей или меньшей степени дифференцируются на страты рода деятельности управления экономикой, политикой, сознанием (идеологией) общества.

При этом в отличие от страт интеллектуального и механического труда выполнение функций управления может осуществляться не только как реальная социальная деятельность, но и через само существование индивида как носителя определенных приписанных социальных характеристик. Социальные характеристики (эксплуатация социальных ресурсов) в стратах управления для получения позиций социального статуса часто важнее деятельности, ведущей к эксплуатации жизненных ресурсов данного индивида.

Например, в России XIX века помещик мог никогда не управлять помещьем, более того, в социальном плане в принципе ничего не делать. На практике его функции часто выполнял управляющий. Однако само существование поме-

щика как носителя социальных ресурсов, позволяющих ему обладать потенциальной властью над помещьем и его обитателями, определяло деятельность фактического управляющего и жизнь помещья. Управляющий занимался реальной социальной деятельностью — поддерживал в помещье порядок, старался получить как можно больше дохода для помещика и т. д. Помещик использовал по преимуществу свои социальные ресурсы, управляющий — жизненные, при этом оба они принадлежали к одной управляющей функциональной страте, но помещик находился выше управляющего в ее иерархии.

В тех случаях, когда индивид выполняет одновременно две или более функций, его следует отнести к страте, которая является главным источником его социального статуса. Политические деятели и идеологи, находящиеся в несистемной оппозиции (не обладающие позициями власти), чаще всего относятся к стратегам интеллектуального труда. Получив позицию, например, депутата, оппозиционер переходит в управляющую страте (другое дело, что занятое там место может не соответствовать его амбициям).

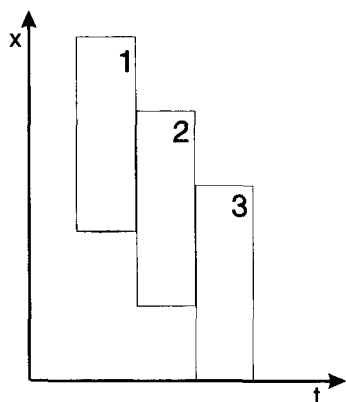
Из одной функциональной макростраты в другую могут перемещаться не только индивиды, но и профессионально-статусные группы. К примеру, писатели в СССР принадлежали к страте управления сознанием. В постсоветской России они переместились в страте интеллектуального труда. Этим объясняется то, что, с одной стороны, писатели потеряли позиции социального статуса, а с другой — что от них больше не требуется «играть в одной команде» с властью (с другими управляющими профессионально-статусными группами) и безоговорочно поддерживать ее.

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ МАКРОСТРАТ

Иерархия макрострат

Функциональные макростраты не выстраиваются в социальной иерархии в линию, их расположение скорее напоминает лестницу.

Выглядит это примерно так:

- x — социальная иерархия,
- t — социальное поле,
- 1 — страты управления,
- 2 — страты интеллектуального труда,
- 3 — страты механического труда.

Причем количество индивидов, принадлежащих к страте 3, в истории всегда много больше суммы 1 и 2, а численность страты 2 практически всегда больше страты 1. Верхние позиции страты 2 выше нижних позиций страт 1, соответственно верхушка страты 3 выше, чем андеграунд страты 2. Мелкий чиновник стоит существенно ниже крупного архитектора или художника. Соответственно переход из более высокой функциональной страты в менее высокую теоретически может привести к росту социального статуса индивида. Например, землевладелец или чиновник, став выдающимся ученым или писателем, повышает свой статус за счет принадлежности к элите творческой страты.

СТРАТЫ РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ГРУППЫ

Помимо функциональных макрострат в социуме можно выделить страты рода деятельности, объединенные идеальными (декларируемыми) профессиональными целями. Например, страта промышленного производства — наиболее качественное и полное обеспечение общества промышленной продукцией, юриспруденция — обеспечение торжества законности и порядка в обществе и т. д. Страты рода деятель-

ности на разных уровнях иерархии состоят из профессионально-статусных групп, принадлежащих к различным функциональным макростратам.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Страта рода деятельности	Функциональная макрострата	Профессионально-статусная группа
Промышленное производство	Страта управления	Менеджеры, собственники
	Страта интеллектуального труда	Инженеры, эксперты
	Страта механического труда	Промышленные рабочие
Юриспруденция	Страта управления	Судьи, прокуроры
	Страта интеллектуального труда	Юристы-эксперты, адвокаты
	Страта механического труда	Секретарь суда
Охрана порядка	Страта управления	Офицер милиции
	Страта интеллектуального труда	Эксперт
	Страта механического труда	Рядовой милиционер
Наука	Страта управления	Директор НИИ
	Страта интеллектуального труда	Ученый
	Страта механического труда	Лаборант

Профессионально-статусные группы, соответствующие родам деятельности, расположены внутри функциональных страт неравномерно. Их расположение можно сравнить с хаотичным расположением сломанных спичек внутри спичечного коробка.

ИНТЕРЕСЫ ЭЛИТЫ, СТРАТ И ГРУПП В ОБЩЕСТВЕ

Две наиболее известные трактовки взаимодействия интересов социальных макрогрупп принадлежат Марксу и Парето. В центре марксистской теории, как известно, лежит противопоставление интересов и борьба классов. Позиция автора ближе к взглядам Парето, считавшего такое противопоставление упрощением сложной социальной картины мира, в которой интересы социальных групп, формально относящихся к одному классу (например, спе-

кулянтов и рантье, принадлежащих к одному классу буржуазии), зачастую «диаметрально противоположны». Соответственно, по Парето, не только выделенные Марксом классы (в значительной степени объединенные искусственно), но и многочисленные локальные социальные группы находятся в состоянии перманентного противостояния и конкуренции. Эти группы, исходя из социальной мотивации своей функциональной деятельности, стремятся манипулировать и использовать друг друга.

Однако, как признавал и Парето, в любом историческом обществе, помимо множества конкурирующих социальных групп, можно выделить и господствующее меньшинство, присваивающее блага большинства членов общества. Это меньшинство — статусная социальная элита общества. Элита, систематически с помощью манипуляции и насилия принуждающая большинство общества к неэквивалентному социальному обмену. Обмену, позволяющему членам элиты использовать жизненные ресурсы других членов общества, для получения доступа к первичным ценностям.

СТАТУСНЫЕ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

В любой группе, сформировавшейся для осуществления каких-либо социальных действий (будь то функциональная макрострата, партия, профсоюз, профессионально-статусная группа, страта рода деятельности, преступная организация или общество в целом), существует меньшинство, обладающее наиболее высокими статусными позициями. Именно оно является ведущей силой в группе. Большинство членов группы находится под властью или влиянием меньшинства, которое определяет стратегическое направление ее действий.

При этом те, кого принято называть «неформальными лидерами» группы, также принадлежат к ее элите, даже формально не занимая лидирующих позиций. Их высокий социальный статус определяется высокими показателями фактора престижа. Нормальное развитие отношений в группе и обществе предполагает постепенную конвертацию показателей фактора престижа в высокие значения других факто-

ров социального статуса. Если этого не происходит, ситуация в группе неизбежно дестабилизируется.

Характер и результаты социальной деятельности функциональных макроэлит, элит и профессионально-статусных групп определяют их статусные элиты. Статусная (правлящая) элита общества совпадает с элитой управляющей макроэлиты и вносит определяющий вклад в осуществление социальных функций этой макроэлиты. Таким образом, основной функцией правящей элиты является поддержание и реформирование принципов формирования социальной иерархии общества (определение характера требований к имманентным качествам индивидов и их социальным характеристикам, соответствие которым необходимо для занятия ими тех или иных позиций в социальной иерархии и на социальном поле).

Все члены общества в той или иной степени зависят от деятельности правящей элиты по распределению первичных ценностей. Иногда эта зависимость прямая. Так это было, например, в СССР. Распределение жизненных благ от меховых шапок до машин и квартир между гражданами в соответствии с их социальным положением, зависящим от доверия элиты, стало предметом многочисленных анекдотов и искреннего возмущения свободомыслящих граждан (эта тема присутствует в произведениях практически всех писателей-диссидентов). Однако и после краха социализма распределительные функции правящей элиты не исчезли. Только распределять первичные ценности она стала не по талонам и разнарядкам, а через поддержание определенных рыночных механизмов (здесь автор оставляет за скобками лоббизм и «назначенных» олигархов).

В советские времена писатели, ученые, строители или рабочие в зависимости от воли правящей элиты получали различного качества шапки, колбасу, квартиры, комнаты в общежитиях, путевки в санатории и т. д. В рыночном обществе те же писатели, ученые, строители, рабочие покупают себе различного качества шапки, колбасу, путевки и т. д. в зависимости от уровня своих доходов. А уровень этих доходов определяется социальным порядком, поддерживаемым элитой

и работающим прежде всего на ее интересы. Этот порядок определяет место в социуме, которое может занять индивид, обладающий теми или иными характеристиками и способностями, что, в свою очередь, гарантирует ему доступ к определенному объему первичных ценностей.

При этом в неидеально-рациональном обществе эти качества и способности зачастую отличаются от тех, которые требуются для осуществления социальной деятельности по идеальной мотивации. То есть оценка системой (руководящей ею элитой) индивидуальных качеств членов общества субъективна и не соответствует декларируемым идеальным целям общества.

При социализме для успешного получения благ надо было обладать определенным набором качеств социального соответствия требованиям системы (умением втереться начальству в доверие, проявлять идеологическую лояльность, не демонстрировать личные амбиции и т. д.). В рыночном обществе бывших социалистических стран достижение этой цели требует другого набора качеств, который несколько изменился, но также бесконечно далек от необходимого для успешной деятельности по идеальной (творческой) мотивации.

Все вышеизложенное относится и к тем, кто считает себя свободными творцами, ведь и они зависят от того, как покупаются их книги, картины и т. д. То есть от того, какие социальные нормы, ценностные ориентиры, эстетические вкусы прививает обществу правящая элита через контролируемые ею инструменты воздействия на массовое сознание (сегодня это прежде всего ТВ).

Взаимоотношения правящей элиты и общества в значительной степени определяются высотой профиля его социальной иерархии. То есть тем, насколько большую часть позиций власти, престижа и потребления концентрируют в своих руках представители правящей элиты; тем, в какой мере их социальные позиции превосходят статус рядовых членов общества. По этому показателю элиты можно условно подразделить на олигархические — в большей и «демократические» — в меньшей степени, возвышающиеся над неэлит-

ной частью общества. Причем данная классификация элит не имеет отношения к характеру их рекрутирования (классификация по данному принципу дана в последующем разделе исследования и основывается на требованиях к потенциалам социального статуса, соответствие которым необходимо для вхождения в элиту).

Традиционно, начиная со времен античности, элиты (и политические группировки внутри правящей элиты) делились на менее и более демократичные (олигархи и демократы в Древней Греции, оптиматы и популяры в республиканском Риме и т. д.). Демократизация или консервация отношений между элитой и обществом традиционно становилась политической программой тех или иных группировок элиты в борьбе за власть с конкурентами. Одни группировки (например, оптиматы) выдвигали требование сохранения или даже увеличения социального превосходства членов правящей элиты, другие (популярны), наоборот, добивались сближения уровня социального статуса членов элиты и непривилегированных граждан.

Противостояние «демократов» (наследников популяров) и «консерваторов» (представляющих собой аналог оптиматов) особенно усилилось в Новое и Новейшее время. Под демократическими лозунгами снижения профиля социальной иерархии, сближения статуса представителей элиты и членов общества выступали вожди английской и французской «буржуазных» революций, отцы-основатели США, затем чартисты в Англии, народники в России, социалисты в Европе, националисты в Китае и Турции. Причем наиболее радикальные из них (левеллеры во время Английской революции, эбертисты в период великой Французской революции, прудонисты и бланкисты Парижской коммуны, большевики, максималисты и анархисты во время Октябрьского переворота в России) требовали вообще практически полной отмены социального неравенства в обществе, то есть установления горизонтальной иерархии, исключающей саму возможность существования правящей элиты.

Другой взгляд на социальную иерархию и положение правящей элиты выражали те, кого принято называть охраните-

лями, реакционерами, реставраторами (наиболее цельно — Жозеф де Местр во Франции и Константин Леонтьев в России). Они, наоборот, требовали сохранения сложной иерархичной структуры общества и особой социальной роли элиты.

Сегодня в демократических странах Запада за локальную демократизацию социальной иерархии выступают левые — социал-демократы, коммунисты, радикалы, «зеленые»; в роли защитников сохранения социального превосходства элиты — правые либералы и консерваторы.

Характерно, что социальные перемены, проходящие под демократическими лозунгами, зачастую приводят к власти олигархические элиты. Так, реставрация капитализма в России, проходившая под лозунгами демократизации и отмены привилегий номенклатуры, привела к резкому повышению высоты профиля социальной иерархии, неравенства и статуса элиты.

Как показала история, даже радикальные эгалитаристы, придя к власти, хотя и несколько демократизируют профиль социальной иерархии общества, однако неизбежно создают новую правящую элиту. Даже анархисты-махновцы, ненадолго захватив часть Украины во время гражданской войны в России, были вынуждены создавать институты распределения позиций власти-свободы в пользу своих лидеров (например, проводить принудительную мобилизацию в армию). Единственное, что им оставалось делать, чтобы оправдать столь вопиюще противоречие практики с идеологией, — это ссылаться на положение военного времени (большевики с этой же целью ссылались на необходимость жесткого подчинения партийной элите для защиты от угрозы агрессии со стороны капиталистического окружения) [7].

Действия элиты по демократизации общества могут снизить уровень ее социального превосходства, но не в состоянии уничтожить само разделение общества на незлитное большинство и правящую элиту — обратное противоречило бы стремлению представителей правящей элиты реализовать свой основной социальный инстинкт.

Обратившись к теме олигархического и «демократического» вариантов правящей элиты, нельзя не коснуться вопроса

о месте в правящей элите лидера, руководителя общества. По нашему мнению, эта роль также зависит от профиля социальной иерархии, причем участка, расположенного на самом ее верху. То есть, проще говоря, роль главы общества определяется степенью превосходства социального статуса (прежде всего за счет фактора власти) человека №1 в иерархии над всеми остальными членами элиты (№2, 3, 4 и т. д.). В соответствии со степенью этого превосходства первое лица в обществе может выполнять функции единоличного диктатора при автократии или первого среди равных при правлении олигархической и «демократической» элиты.

Итак, можно говорить о трех основных формах политического устройства (правления), соответствующих видам правящей элиты и характеризующихся разным типом профиля социальной иерархии общества.

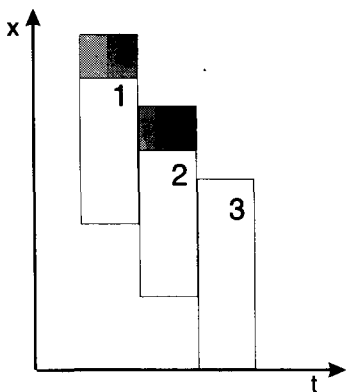
- *Демократия.* Власть «демократической» элиты. Характеризуется положением элиты в обществе. Низкий профиль социальной иерархии. Нет резкого повышения профиля иерархии при переходе от позиций большинства членов общества к статусу участников правящей элиты.

- *Олигархия.* Власть олигархической элиты. Характеризуется положением элиты в обществе. Высокий профиль социальной иерархии. Резкое повышение профиля иерархии при переходе от большинства общества к правящей элите.

- *Автократия.* Власть элиты, в большой степени контролируемой автократом. Характеризуется положением автократа (первого лица) в элите. Резкое повышение профиля социальной иерархии в верхней его точке (позиция первого лица). Может иметь место в условиях существования как олигархической, так и демократической правящей элиты.

ЭЛИТЫ НА СОЦИАЛЬНОМ ПОЛЕ

Итак, статусные элиты, играющие основную роль в жизни и развитии общества, располагаются на социальном поле следующим образом:

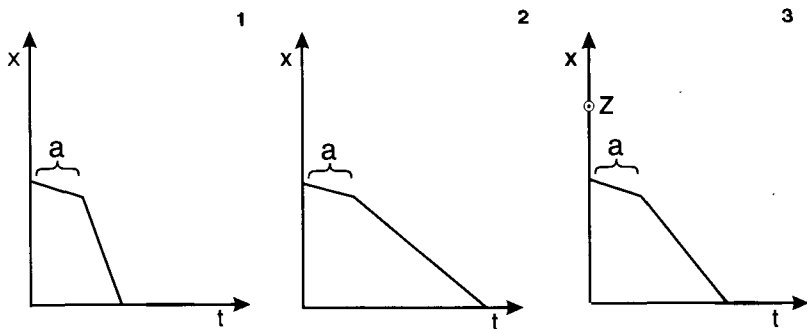

- x — социальная иерархия;
- t — социальное поле;
- 1 — управляющая функциональная макрострата;
- 2 — макрострата интеллектуального (творческого) труда;
- 3 — макрострата механического труда;
- 4 — правящая (статусная) элита общества, она же элита управляющих страт;
- 5 — элита страты творческого труда.

Типы элит и формы правления

Графики, отображающие профиль социальной иерархии при трех основных формах правления:

1. Олигархия (власть олигархической элиты).
2. Демократия (власть демократической элиты).
3. Автократия (власть элиты, в большой степени **контролируемой** автократом).

- x — социальная иерархия;
- t — социальное поле;
- отрезок a — элита;
- точка Z — положение автократа.

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Историческое общество	Власть олигархической правящей элиты	Власть «демократической» правящей элиты	Автократия при «демократической» правящей элите	Автократия при олигархической правящей элите
Древний мир и античность	Олигархические республики (Спарта, Коринф и т. д.)	Классические Афины, другие демократические полисы; республиканский Рим периода расцвета	Македония и Греция времен Филиппа и Александра	Деспотии Древнего Востока и периода эллинизма; императорский Рим при первых принцепсах
Средние века, Новое и Новейшее время	Феодальная Европа эпохи раздробленности; Англия, Голландия в Новое время	Западные демократии в XX веке. Современный Китай	Военные демократии в период установления господства племенных вождей (подобных Аттиле у гуннов, Алариху у готов, Хлодвигу франков); Франция при Наполеоне, Италия при Муссолини, Германия при Гитлере, Китай при Мао, Куба при Кастро	Европа при абсолютизме. Азиатские монархии в Средние века и Новое время. Каудилизм в Латинской Америке. Страны т. н. азиатского капитализма (Египет, Сирия, Индонезия при Сухарто, Филиппины при Маркосе, Тунис при Бургибе и т. д.)
История России	Период от смерти Петра I до уничтожения Анной Иоанновной кондиций, ограничивающих ее власть; Второй президентский срок Ельцина (1995–2000 гг.). Президентство Путина (2000–? гг.)	Период от начала болезни Ленина до утверждения Сталина в качестве полновластного диктатора (1922 г. — конец 20-х гг.). Период от смерти Сталина до разгрома «антипартийной группировки» Молотова, Маленкова, Кагановича (1953–1957 гг.); Период от снятия Хрущева до утверждения у власти Горбачева (1964–1985 гг.)	Правление Ленина (до 1921 года включительно), Сталина, Хрущева (с 1957 г.), Горбачева (до путча августа 1991 г.). Первый срок президентства Ельцина (начиная с распада СССР и до болезни в 1995 г.)	Правление Петра I, Екатерины II, и последующих за ней российских императоров до Николая II включительно

Раздел 3. ПОТЕНЦИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОТЕНЦИАЛОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Очевидно, что индивиды входят в социум с неравными возможностями для социальной реализации. Различаются их личностные качества и способности, неодинаковы унаследованные ими социальные характеристики. Соответственно различаются их возможности адекватно исполнять те или иные профессиональные функции, успешно продвигаться в общественной иерархии, избегать и преодолевать социальные риски и угрозы и т. д.

То, насколько интеллект и личностные свойства индивидов детерминированы генетически, а насколько являются следствием воспитания и влияния среды, — является предметом многовековой научной дискуссии. В последние десятилетия становится все более популярна версия о сильной генетической предопределенности личностных качеств. Так Чарльз Мюррей и Ричард Хернштейн в своей, ставшей знаменитой книге «Гауссова кривая», основанной на многолетнем долговременном обследовании молодежи США, сборе и обработке огромного массива данных, утверждают, что от 60% до 70% дисперсий интеллекта вызвано генами, а соответственно остальные внешними факторами, «такими, как питание, образование, состав семьи и т. д.» [1]. Существуют и другие точки зрения. Фрэнсис Фукуяма в исследовании «Наше постчеловеческое будущее» пишет: «Среди специалистов идет технический спор, касающийся противопоставления „широкой“ и „узкой“ наследственности который приводит некоторых к утверждению, что генетический компонент интеллекта составляет не более 40%, но мало кто принимает всерьез утверждения... буд-то нет достоверных свидетельств, связывающих успехи в тестах по проверке интеллекта с наследственностью» [1].

Итак, свойства интеллекта (и от себя добавим, личностные качества) в определенной степени передаются индивидам генетически, от рождения. Другая детерминанта интеллекта (и личных качеств) — социальные условия формирования личности — то есть условия жизни, уровень образования, доступ к информации и т. д. Последние обстоятельства безусловно зависят от переданного индивиду родителями социального положения, в котором он проходит процесс личностного и интеллектуального становления. Высокий социальный статус наследователей (чаще всего родителей) обеспечивает лучшие условия для получения наследниками искомого образования. Их специфические социальные функции — лучшие возможности для формирования соответствующих способностей и навыков у наследников (проще говоря, при прочих равных сын ученого имеет больше шансов сформировать индивидуальные способности, необходимые для успешного выполнения функций ученого, чем сын боксера, и наоборот). Таким образом, неравенство способностей индивидов к тому или иному роду профессиональной деятельности определяется (в том или ином соотношении) неравенством переданных им генетических свойств и социальных позиций.

Большинство современных генетиков и психологов считают, что каждый индивид наделен определенной структурой личности («Более или менее стабильная и устойчивая структура характера, темперамента, интеллекта и конституции человека, которая определяет его индивидуальную адаптацию к окружающему миру» [2]). Структура личности, передаваемая в определенной степени генетически, окончательно складывается в детские и юношеские годы в семье и институтах социализации (школа, университет, армия и т. д.) и относительно стабильна во время активной социальной жизни. В соответствии со структурой личности индивиды в разной степени ориентированы на достижение социального успеха, в них с разной силой заложен инстинкт сохранения жизненных ресурсов, они в разной степени пригодны для той или иной профессиональной деятельности.

Кроме генетически предопределенных индивидуальных свойств индивидам по наследству достаются неодинаковые приписанные социальные характеристики, социальные ресурсы (собственность, происхождение, связи, место поселения и т. д.). Неравные начальные социальные характеристики в период взросления и социализации способны воздействовать на формирование структуры личности. В результате структура личности складывается как под влиянием генетически обусловленных факторов, так и под воздействием переданных наследователями (приписанных) социальных характеристик. Затем в период активной социальной жизни приписанные социальные характеристики продолжают активно влиять на общественный статус и функции индивидов. Сословие, собственность, связи, переданные наследователями, зачастую оказывают определяющее или значительное влияние на социальные позиции индивида на протяжении всей его социальной жизни.

Любая социальная система — форма организованного неравенства. Она предусматривает разные возможности для реализации мотивов индивидов в зависимости от их личностных и приписанных (унаследованных) социальных характеристик, определяющих характер их социального функционирования.

Социальная система предъявляет к структуре личности и социальным характеристикам индивидов определенный набор требований, соответствие которым необходимо для занятия определенного места в иерархии и на социальном поле. От этого соответствия зависит социальная судьба индивидов.

Специфика требований, предъявляемых обществом к характеристикам индивидов, значение, придаваемое каждой из них, определяют модель политического и экономического устройства данного социума. От этой специфики зависит, насколько рационально устроено общество, насколько оно способно удовлетворять жизненные потребности своих членов, каковы его исторические перспективы.

Многообразие личных и социальных характеристик индивидов соответствует многообразию социальных позиций в профессионально-функциональной структуре общества.

Каждая позиция требует от индивидов специфических характеристик.

Социальные позиции можно разделить на группы, в которых от индивидов требуются схожие личные и социальные характеристики. Эти группы соответствуют профессионально-статусным группам. Степень жесткости требований к характеристикам индивидов соответствует высоте искомой позиции в иерархии группы, страты и в иерархии общества в целом. Расположение групп тоже иерархично. Причем чем выше положение группы, тем больше конкуренция за возможность принадлежать к ней, а значит, тем жестче требования к характеристикам ее членов. Наложение личных и социальных характеристик индивида на структуру требований к ним общества и страты определяет социальный статус индивида и его динамику — жизненную социальную траекторию.

Можно сказать, что с рождением индивид приобретает виртуальные позиции во множестве имманентных иерархий. Любое сообщество индивидов, входящих в социальную жизнь, можно выстроить в иерархию по различным позициям от большего значения к меньшему и соответственно выделить элиту по множеству имманентных качеств (рост, вес, IQ, богатство, знатность и т. д.). Для анализа принципов социального устройства важны только те свойства индивида, которые существенно влияют на его положение в социальной иерархии. Приоритетным фактором, определяющим социальную траекторию индивида, является его место в имманентных иерархиях индивидуальных качеств, способностей и социальных характеристик, составляющих потенциалы социального статуса, на момент вступления в социальную жизнь.

Социальный статус и жизненная социальная траектория индивида напрямую зависят от потенциалов его социального статуса: динамического, функционального и социального. Это главные макрохарактеристики, описывающие социальные и личностные ресурсы индивида.

Организованное неравенство социальных возможностей индивидов в зависимости от личностных и социальных характеристик можно описать как метод формирования статус-

ной иерархии на основании иерархии их индивидуальных показателей потенциалов социального статуса*.

ПОТЕНЦИАЛЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

1. *Личностные потенциалы.* Генетически обусловленные качества и способности индивида.
 - 1.1. *Функциональный потенциал.* Определяет присущие индивиду способности к осуществлению того или иного вида функциональной (профессиональной) деятельности в данном обществе.
 - 1.2. *Динамический потенциал.* Определяет соотношение того, насколько сильно развиты у индивида основной (активный) социальный инстинкт и его противоположность — сберегающий социальный инстинкт.

* Антропонимическая социологическая концепция (Д. Берто и др. [4]) обращается по преимуществу к проблеме влияния социального происхождения, унаследованного общественного статуса и культурного капитала на получение образования и через это на формирования жизненной социальной траектории. Таким образом, сторонники данной концепции исследуют важный, но ограниченный аспект формирования социальной судьбы индивидов.

Унаследованные социальные характеристики — лишь один из источников воспроизводства социального статуса. Образование — только один из значимых эпизодов этого процесса. Сторонники антропонимического подхода, обращаясь в основном к социальному происхождению индивидов, недостаточное внимание уделяют их врожденным личностным характеристикам (динамическому и функциональному потенциалу). В результате они абсолютизируют влияние происхождения на образование, а образования на дальнейшую социальную жизнь. Таким образом, созданная представителями данной школы модель формирования жизненной траектории, не дает полного представления о том, какие факторы и события определяют жизненную траекторию индивидов.

Что касается значения культурного капитала (П. Бурдье), то он воздействует на социальную траекторию как одна из приписанных социальных харак-

2. *Социальный потенциал (социальные ресурсы)*. Полученные по наследству приписанные социальные характеристики индивида. Определяет ценность в данном обществе приписанных социальных характеристик, полученных по наследству.

В любой социальной системе данные потенциалы имеют определяющее значение для получения индивидами позиций социального статуса. Причем значение потенциалов социального статуса не равно. Вид социальной организации данного общества характеризует вес потенциалов, то есть то, какие из них более значимы, а какие — менее.

Основной принцип формирования социальной иерархии общества заключается в определенной зависимости прогнозируемой жизненной социальной траектории индивида от его места в иерархиях потенциалов социального статуса членов данного общества.

теристик (происхождение и формируемые им связи). Традиционное значение унаследованного культурного капитала, семейного интеллектуального воспитания; социальных, культурных, языковых, профессиональных традиций в эпоху Интернета и свободного доступа к информации теряет свое значение. Для того чтобы приобретать определенные культурные навыки, уже не обязательно выслушивать лекции отца-интеллектуала, пользоваться фамильной библиотекой, совершать экскурсии в исторические и профессиональные центры. Все это можно в значительной степени компенсировать с помощью общедоступного Интернета.

Понятие габитус (стабильной системы ценностей, психологии и стиля жизни наследственных социо-культурных групп), введенное П. Бурдьё [5], который оказал определяющее влияние на антропонимические концепции, также, по нашему мнению, принадлежит уходящей общественной реальности. Дальнейшая рационализация общества, подготовленная развитием творческого процесса, потребует не группового многообразия, а унификации социальной психологии и поведения на принципах рациональности. В более рациональном интернет-обществе влияние унаследованного культурного капитала на неравенство начальных условий для социальной реализации еще в большей степени должно компенсироваться равными для всех возможностями получения информации и образования.

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Со времени начала социальной жизни индивида потенциалы перманентно превращаются в источники его социального статуса. Источники социального статуса — потенциалы социального статуса на данный момент социальной жизни индивида. В каждый момент времени место индивидов в социальной иерархии определяется требованиями общества к источникам его социального статуса, являющимся производными от соответствующих потенциалов. Сочетание их значений в каждый момент социальной жизни индивида определяет его положение в социальной иерархии общества.

Если потенциалы фиксируют социальные перспективы индивида на момент начала социальной деятельности и потому неизменны, то показатели источников социального статуса — переменная величина. Каждый источник восстановит производный от определенного потенциала социального статуса и изменяется под воздействием их взаимовлияния. Это изменение происходит в направлении сближения между собой на протяжении всей социальной жизни индивида показателей разных источников статуса.

Тем не менее в рамках стабильной социальной системы (стабильных требований общества к качествам индивида) источники социального статуса не меняются радикально.

Индивид получает образование, навыки, опыт, занимает место в профессионально-статусной группе, в результате его изначальное место в иерархии функционального потенциала реализуется как новая позиция в иерархии функционального источника социального статуса. Параллельно индивид обрастает новыми приписанными социальными характеристиками, следовательно, его место в иерархии социального потенциала изменяет его положение в иерархии социального источника статуса.

Если индивид обладает высоким социальным и скромным функциональным потенциалами, у него есть возможность получить хорошее образование и повысить значение своего функционального источника социального статуса. В результате, достигнув более высокого уровня функционального со-

ответствия требованиям общества, индивид получает возможность обзавестись лучшими приписанными социальными характеристиками, в свою очередь повысить значение социального источника (получить собственность, сословный чин, обзавестись социальными связями).

Возможен и противоположный вариант развития событий. Обладая высокими позициями функционального потенциала при предельно низких позициях социального, индивид не может получить адекватное его способностям образование и успешно профессионально реализоваться. Как следствие, его функциональный источник социального статуса падает до положения, близко к изначально низкому значению его социального потенциала.

Другой вариант — индивид с высокими позициями социального и очень низкими позициями функционального потенциалов. Из-за недостатка способностей он имеет мало шансов добиться успешной профессиональной реализации. В результате может произойти его социальная деградация, потеря приписанных социальных характеристик. В таком случае социальный источник статуса индивида изменится по направлению к низкому значению его функционального потенциала.

Таким образом, социальный и функциональный потенциалы, преобразаясь в источники социального статуса, в течение жизни индивида имеют тенденцию к сближению. В зависимости от специфики данной социальной ситуации они или растут, как бы подтягивая друг друга до более высокого уровня, или падают до уровня потенциала с более низким значением. Изменения показателей социального и функционального источников социального статуса множества индивидов происходит также и при изменении специфики требований общества к их функциональным способностям и социальным ресурсам (в результате реформ и революций).

Только динамический потенциал на протяжении социальной жизни сохраняющего дееспособность индивида как источник социального статуса существенно не изменяется. Динамический потенциал (источник) является отражением специфической структуры личности индивида и, в отличие от функционального источника, не зависит от приобретенного профессионального

опыта и образования. Также на него в противоположность социальному источнику не влияет приобретение или потеря различных социальных ресурсов и характеристик. Структура личности индивидов на протяжении жизни меняется мало, поэтому место индивида в иерархии динамического источника социального статуса в обществе достаточно статично.

При этом значение динамического потенциала также влияет на динамику социального и функционального источников статуса. Под влиянием высокого динамического потенциала амбициозный, деятельный индивид получает трудоемкое образование, добивается признания обществом приписанных социальных характеристик, таким образом преодолевая низкий социальный статус и компенсируя скромный функциональный источник статуса социального.

Итак, функциональный потенциал индивида превращается в функциональный источник социального статуса под влиянием и сближаясь со значением динамического и социального потенциалов данного индивида. В свою очередь социальный потенциал индивида превращается в социальный источник под влиянием и приближаясь к значению функционального и динамического потенциалов.

Сущность и критерии оценки потенциалов и источников социального статуса

Потенциалы социального статуса На момент вхождения в социальную жизнь.	Источники социального статуса На текущий момент социальной жизни.
Функциональный потенциал	Функциональный источник
<p><i>Сущность</i> Соответствие структуры личности индивида требованиям существующей социальной системы к осуществлению той или иной функциональной (профессиональной) деятельности.</p> <p><i>Критерии оценки</i> Место, которое занял бы индивид в социальной иерархии данного общества при распределении позиций социального статуса в условиях свободной конкуренции, учитывающей только значение его функционального потенциала.</p>	<p><i>Сущность</i> Соответствие структуры личности индивида требованиям существующей социальной системы к осуществлению профессиональной деятельности, которая является источником его социального статуса с учетом полученного социального опыта (образования, знания, опыта, уровня профессиональной подготовки).</p>

Социальный потенциал	Социальный источник
<p><i>Сущность</i></p> <p>Соответствие приписанных социальных характеристик, которые переданы или будут переданы по существующей традиции по наследству индивиду, требованиям существующей социальной системы к осуществлению той или иной функциональной (профессиональной) деятельности.</p> <p><i>Критерии оценки</i></p> <p>Место, которое занял бы индивид в социальной иерархии данного общества при распределении позиций социального статуса в условиях свободной конкуренции, учитывающей только значение его социального потенциала.</p>	<p><i>Сущность</i></p> <p>Соответствие приписанных социальных характеристик индивида, полученных им по наследству и в ходе социальной деятельности на данный момент времени, требованиям существующей социальной системы к осуществлению той или иной функциональной (профессиональной) деятельности.</p>
Динамический потенциал = источник	
<p><i>Сущность</i></p> <p>Соответствие волевых ресурсов социального роста требованиям социальной системы к осуществлению той или иной функциональной (профессиональной) деятельности. Пропорционален месту индивида в иерархии общества по силе основного (активного) социального инстинкта, обратно пропорционален его месту в иерархии по силе сберегающего социального инстинкта.</p> <p><i>Критерий оценки</i></p> <p>Место, которое занял бы индивид в социальной иерархии данного общества при распределении позиций социального статуса в условиях свободной конкуренции, учитывающей только значение динамического потенциала. Не изменяется в течение жизни.</p>	
Коэффициент социальной рациональности	
<p>При оценке потенциалов социального статуса учитывается та профессиональная деятельность индивида, которую он был бы склонен выбрать исходя из своего уровня социальной рациональности (в рамках социальных возможностей, предоставленных ему данным обществом). Коэффициент социальной рациональности — степень социальной рациональности индивида при выборе им вида функциональной (профессиональной) деятельности. Определяет то, насколько выбор индивида близок к социально рациональному, то есть к такому, который дал бы ему в данном обществе наиболее высокую социальную траекторию.</p>	

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛОВ В ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИНДИВИДОВ

Преобразование потенциалов под воздействием их взаимовлияния в источники социального статуса индивидов можно описать следующими формулами:

Ay_1 — место в иерархии функционального источника социального статуса на данный момент времени;

Bu_2 — место в иерархии социального источника социального статуса на данный момент времени;

где:

$y_1 = ((BN_2 + CN_3 + AN_1)/3AN_1)kt$ — коэффициент, описывающий превращение функционального потенциала в источник социального статуса за данную единицу времени;

$y_2 = ((BN_2 + CN_3 + AN_1)/3BN_2)kt$ — коэффициент, описывающий превращение социального потенциала в источник социального статуса за данную единицу времени;

A — место в иерархии функционального потенциала при условии идеальной социальной рациональности индивида;

B — место в иерархии социального потенциала при условии идеальной социальной рациональности индивида;

C — место в иерархии динамического потенциала (равен динамическому источнику социального статуса);

N_1, N_2, N_3 — коэффициенты, характеризующие веса потенциалов (функционального, социального и динамического соответственно) в данной социальной системе.

k — коэффициент социальной рациональности. Определяет степень рациональности выбора индивидом сферы профессиональной деятельности (профессионально-статусной группы) в данной социальной системе. $k = 1/X$, где величина X пропорциональна степени отклонения индивида от рационального выбора. При выборе, наиболее рациональном с точки зрения получения позиций социального статуса, $X = 1$. При любых других вариантах выбора X на столько больше 1, насколько велико отклонение предполагаемого выбора индивида от наиболее рационального.

t — первый переменный коэффициент, отражающий объем времени, прошедшего с начала социальной жизни индивида. В точке начала социальной жизни (в современном обществе — начало базового образования): для y_1 коэффициент $t = 3AN_1/(BN_2 + CN_3 + AN_1)1/k$, для y_2 коэффициент $t = 3BN_2/(BN_2 + CN_3 + AN_1)1/k$. В течение социальной жизни оба коэффициента равномерно трендируют, стремясь к 1. Соответственно, они максимально приближаются к этому значению в конце социальной жизни (сегодня в развитых странах средняя продолжительность социальной жизни около 45–50 лет).

Таким образом, значение y_1, y_2 и k в точке начала социальной жизни, при $t = 3AN_1/(BN_2 + CN_3 + AN_1)1/k$ для y_1 и $t = 3BN_2/(BN_2 + CN_3 + AN_1)1/k$

для y_2 равно единице (сближение потенциалов еще не началось, а коэффициент социальной рациональности еще не начал оказывать свое влияние). Соответственно в этот момент времени значение источников равно значению потенциалов социального статуса.

На протяжении всей социальной жизни индивидов происходит изменение значения источников социального статуса от первоначального (равного потенциалам) в направлении взаимного сближения, максимальный уровень которого достигается к ее финалу.

Итак, на момент окончания активной социальной жизни средней для данного общества продолжительности, значение y_1 и y_2 приближается к следующему:

$$y_1 = ((AN_1 + BN_2 + CN_3)/3AN_1)kt,$$

$$y_2 = ((AN_1 + BN_2 + CN_3)/3BN_2)kt.$$

Где $t = 1$

Значения функционального и социального источника социального статуса соответственно максимально приближается к следующему:

$$Ay_1 = ((AN_1 + BN_2 + CN_3)/3N_1)k,$$

$$By_2 = ((AN_1 + BN_2 + CN_3)/3N_2)k.$$

Примечание: В расчетах не учитывалось значение фактора социальной случайности и коэффициента социальных возможностей жизненного цикла.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСТОЧНИК СТАТУСА

Социальный потенциал характеризует соответствие приписанных социальных характеристик, которые переданы или будут переданы согласно существующей традиции индивиду по наследству, требованиям существующей социальной системы, предъявляемым к осуществлению того или иного вида функциональной деятельности. Динамический и функциональный потенциалы социального статуса становятся его источником только в процессе социальной деятельности. Показатели соци-

ального потенциала наряду с коэффициентом возможностей жизненного цикла определяют статус индивида на момент вхождения в социальную жизнь. Только затем в процессе социальной деятельности проявляются и начинают влиять на позицию индивида в статусной иерархии индивидуальные качества, заложенные в динамическом и функциональном потенциалах. Они же воздействуют на динамику показателей производного от потенциала социального источника статуса.

Социальный источник статуса видоизменяется под влиянием на базовый социальный потенциал приобретения и потери индивидом приписанных социальных характеристик вследствие самостоятельной деятельности. Социальный источник определяет объем социальных ресурсов, контролируемых индивидом, которые позволяют замещать жизненные ресурсы в процессе социальной деятельности. Социальные ресурсы позволяют индивиду получать первичные ценности, экономя жизненные ресурсы. Крайний случай использования социальных ресурсов — получение первичных ценностей вообще без осуществления каких бы то ни было социальных действий (рантье, помещик или большинство членов современных королевских домов Европы).

Индивид, входящий в сознательную жизнь, неизбежно сталкивается с проблемой соответствия наследованных приписанных социальных характеристик требованиям системы. Любая иерархия подобных социальных предпочтений предполагает социальную дискриминацию. Индивид, не находящийся на самой вершине иерархии приписанных социальных характеристик, дискриминирован. Он имеет меньше возможностей для социальной реализации, чем стоящий в этой иерархии выше него.

Специфические свойства социальной системы определяют, какие приписанные социальные характеристики, в какой степени и для каких групп являются причиной социальной привилегированности и дискриминации.

В процессе рационализации влияние социального потенциала на социальную судьбу индивида неуклонно падает.

Тем не менее и в современном западном обществе он продолжает иметь значительный вес, по крайней мере для стратуправления. Очевидно, что данное обстоятельство противоречит основному принципу демократии — свободной конкуренции индивидов за социальные позиции.

Виды приписанных социальных характеристик*

Социальный потенциал индивида в каждом обществе складывается из принадлежности к множеству приписанных (передаваемых по наследству) социальных характеристик. Среди них можно выделить основные:

- принадлежность к наследственно-функциональным группам (касты, сословия);
- владение частной собственностью (в марксистской терминологии — классовая принадлежность);
- социальные связи, сформированные социальным происхождением;
- тип поселения;
- вероисповедание;
- раса;
- национальность;
- пол.

Причем значение социального потенциала описывает не объективно имеющиеся гендерные, этнические, культурно-религиозные, сословные или расовые специфические особенности личности и профессиональные возможности (они относятся к функциональному потенциалу индивида), а ту оценку, которую социальная система дает формальной принадлежности к определенному полу, национальности, религии, сословию или расе.

* Данная работа не ставит задачу дать развернутый социологический очерк исторической эволюции и типологии приписанных социальных характеристик, ее цель — обозначить основные типы этих характеристик и показать их эволюцию на исторических примерах.

СТРУКТУРА ТРЕБОВАНИЙ ОБЩЕСТВА К ПРИПИСАННЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ

Приписанные социальные характеристики в обществе можно подразделить на группы:

- основные и вторичные;
- дискриминирующие меньшинство или большинство, членов общества;
- распространяющиеся только на высшие (отдельные) страты или на большую часть социального поля;
- сильно и слабо внутренне дифференцированные;
- сильно и слабо подверженные изменениям в ходе социальной жизни.

Основные и вторичные

Наиболее значимая дифференциация приписанных социальных характеристик. Принадлежность приписанных характеристик к основным или вторичным определяет степень влияния данных характеристик на социальный потенциал индивида. В каждой социальной системе существуют основные приписанные социальные характеристики, которые обладают наиболее сильным влиянием на максимальное число индивидов по наибольшему сегменту социального поля (по числу страт и профессиональных групп), и вторичные — имеющие менее сильное или менее глобальное влияние.

Основные приписанные социальные характеристики определяют характер социально-экономической системы. В большинстве докапиталистических обществ это были сакрально освященные наследственно-функциональные группы (касты, сословия), чье положение не объяснялось рационально, а рассматривалось как данность, отражение воли высших сил. При переходе к капитализму в Европе Нового времени значение этих групп резко сократилось, в стратах экономического, а затем и политического управления их вытеснили группы, объединенные отношением к владению частной собственностью.

Надо отметить, что история античности во многом предвосхитила процессы, происходившие в Европе в Новое время. Борьба между сторонниками олигархии демократии в Афинах, между оптиматами и популярами в республиканском Риме являлась в значительной степени отражением противостояния сакрально-функциональных и имущественно-собственнических наследственных групп.

В капиталистическом обществе основная приписанная социальная характеристика — частная собственность на средства производства. В СССР поначалу ее заменяло социальное происхождение, а затем социальные связи и тип поселения. Сегодня в современном западном обществе благодаря большей доступности образования отношение к собственности перестало быть фактором, определяющим социальное продвижение для страт интеллектуального труда. Однако в сферах экономического и политического управления ее значение все еще очень велико.

Вторичные характеристики часто носят реликтовый характер (отмирающее наследие старых систем) — как, например, сословные привилегии при раннем капитализме или, наоборот, несут в себе зародыш новой системы — как частная собственность при феодализме.

Другие вторичные приписанные социальные характеристики являются продолжением, дополнением основных. Например, социальные связи при капитализме чаще всего — следствие обладания частной собственностью, а в сословном обществе — сословного происхождения. И, наконец, вторичной социальной характеристикой можно назвать ту, которая дискриминирует меньшинство населения (например, гражданство в современной Прибалтике — вторичная характеристика при первичной — отношению к частной собственности). При этом последнее утверждение не относится к тем случаям, когда дискриминация меньшинств становится основой идеологии и подтверждением легитимности режима.

Каждый индивид одновременно обладает определенным набором основных и вторичных приписанных социальных характеристик. Место индивида в иерархии социального потенциала за-

висит от всего их комплекса. Сильные позиции в иерархии вторичных характеристик могут компенсировать отставание по основной. Например, в России середины XIX века сын купца первой гильдии — еврей превосходил по комплексу приписанных социальных характеристик русского обедневшего дворянина (несмотря на то что сословная принадлежность в данном обществе была основной, а собственность — вторичной характеристикой).

Дискриминирующие большинство или меньшинство членов общества

К приписанным социальным характеристикам, дискриминирующим большинство общества, относятся кастовая и сословная принадлежность в Индии и феодальной Европе, обладание собственностью при капитализме, национальность и гражданство в колониальных империях, раса в ЮАР времен апартеида, социальные связи и тип поселения в СССР и т. д.

Характеристики дискриминирующих меньшинств — принадлежность к евреям в гитлеровской Германии, нехристианам в средневековой Европе, неграм в южных штатах США до конца 1960-х годов, негражданам в современной Прибалтике, немусульманам в ряде исламистских государств и т. д. Чаще всего основными приписанными характеристиками являются те, что дискриминируют большинство членов общества. Однако бывают и исключения. Например, до начала Второй мировой войны в достаточно эгалитарном обществе нацистской Германии дискриминация единственного крупного национального меньшинства — евреев имела беспрецедентно важное идеологическое значение. Поэтому национальность в данном обществе можно отнести к основным приписанным характеристикам.

Распространяющиеся только на высшие (отдельные) страты или на большую часть социального поля

Дискриминация и меньшинств, и большинства может распространяться как на отдельные, чаще всего высшие, страты, так и на большинство страт или даже все, кроме предписан-

ной для дискриминируемой группы (в основном той, к которой принадлежали родители индивида). Наиболее характерный пример дискриминации, распространяющейся на большинство страт, — кастовая система Древней Индии. Индивид там подвергался жесткой дискриминации, предельно затрудняющей его возможность заниматься практически всеми видами профессиональной деятельности, кроме того, который был закреплен за кастой происхождения.

Часто дискриминация по приписанным социальным характеристикам распространяется только на участие в высших стратах (управления и творческого труда). Примером дискриминации большинства для высших страт является обладание частной собственностью при капитализме. Не получившие по наследству таковой при капитализме дискриминированы по отношению к ее обладателям для социальной реализации в стратах управления и в меньшей степени — творческого труда (во втором случае — через неравный доступ к образованию). В сословных монархиях для участия в функциональной деятельности в стратах управления было дискриминировано «третье сословие», составлявшее подавляющее большинство населения.

В большинстве рабовладельческих республик античности (кроме Спарты) при сложной социальной структуре рабы (во многих обществах составлявшие большинство населения) были депривилегированы для участия по крайней мере в стратах управления (кроме наиболее низких позиций). В спартанском обществе система доступа к функциональной деятельности напоминала кастовую Индию. Война и управление были привилегией лакедемонян, торговля — функцией перизков, физический труд — участью илотов.

Приписанные социальные характеристики, дискриминирующие меньшинство индивидов, также могут иметь значение как для большинства, так и только для высших страт. Так, евреи в царской России не допускались в страты управления и в меньшей степени — для страт интеллектуального труда, а в гитлеровской Германии — во всех стратах, кроме самой низшей — подневольного физического труда.

Профиль иерархии соответствия каждой из приписанных социальных характеристик требованиям общества представляет собой плато с разным уровнем наклона — от почти горизонтального у слабо дифференцированных до близкого к вертикальному у сильно дифференцированных групп.

Члены слабо дифференцированных групп приписанных социальных характеристик примерно одинаково соответствуют требованиям общества (касты, низшие сословия, национальности или расы в условиях дискриминации). Другие группы индивидов, объединенных общей приписанной социальной характеристикой, внутренне сильно дифференцированы по степени соответствия индивидуального значения этой характеристики требованиям общества (к примеру, буржуазия — по размеру собственности, дворянство — по степени родовитости).

Внутри сильно дифференцированных групп существует собственная внутригрупповая иерархия приписанных характеристик. В этих группах относительно тех, кто стоит выше по приписанным социальным характеристикам, дискриминированы все индивиды, кроме стоящего на самом вершине иерархии (самого состоятельного буржуа в группе собственников или монарха среди дворян). Недифференцированные группы, наоборот, предполагают равенство индивидов по их приписанным социальным характеристикам.

Сильно и слабо подверженные изменениям в ходе социальной жизни

Изменение некоторых приписанных социальных характеристик в течение социальной жизни индивида возможно только в исключительных случаях. Такими характеристиками, например, являются пол, нация, каста в кастовом обществе.

Другие характеристики, в частности собственность, социальные связи, тип поселения, подвержены динамике. Социальный источник статуса индивидов в обществах, где данные

характеристики преобладают, также подвержен частым изменениям. Так, индивид может приобретать собственность или ее лишаться, переезжать из провинции в столицу, заводить новые социальные связи. Под влиянием этих перемен меняется его место в иерархии приписанных социальных характеристик, то есть социальный источник его статуса.

В консервативных социальных системах, где социальный потенциал является основным источником социального статуса, господствуют неизменные приписанные социальные характеристики, которые полностью определяют значения статичного социального источника статуса индивида. Пример — кастовые системы.

В более динамичных современных социальных системах на жизненную социальную траекторию индивида, помимо социального, сильно влияют функциональный и динамический потенциалы. Под их влиянием эволюционируют показатели социального источника статуса индивида. В этих обществах наибольшим значением обладают легко меняющиеся приписанные характеристики — собственность, связи и т. д. Так происходит, в частности, в индустриальных и постиндустриальных обществах.

СПЕЦИФИКА ПРИПИСАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Историческое общество	Основные и вторичные характеристики	Страты					
		дискриминированная по данной характеристике часть общества	политического управления	экономического управления	управления идеологией	интеллектуального труда	механического (физического) труда
Традиционная Индия	Осн.	Большинство	к.	к.	к.	к.	к.
		Меньшинство					
СССР	Осн.	Большинство	с. с.	с. с.	с. с.	с. с.	
		Меньшинство					
	Вт.	Большинство	т. п.	т. п.	т. п.	т. п.	
		Меньшинство	н.	н.	н.		

См. окончание табл.

Историческое общество	Основные и вторичные характеристики	Страты					
		дискриминированная по данной характеристике часть общества	политического управления	экономического управления	управления идеологией	интеллектуального труда	механического (физического) труда
Феодальная Европа	Осн.	Большинство	с. п.	с. п.	с. п.	с. п.	с. п.
		Меньшинство					
	Вт.	Большинство	ч. с.	ч. с.	ч. с.	ч. с.	
		Меньшинство					
Раннекапиталистическая Европа	Осн.	Большинство	ч. с.	ч. с.	ч. с.	ч. с.	
		Меньшинство					
	Вт.	Большинство	с. п. с. с.	с. п. с. с.	с. с.		
		Меньшинство	в.				
Современный Запад	Осн.	Большинство	ч. с.	ч. с.	ч. с.		
		Меньшинство					
	Вт.	Большинство	с. с.	с. с.	с. с.		
		Меньшинство					
Переход от феодализма к капитализму в Европе XVI—XIX вв.	Осн.	Большинство	с. п.	ч. с.	с. п.	ч. с.	
		Меньшинство					
	Вт.	Большинство	ч. с. с. с.	с. п. с. с.	ч. с. с. с.	с. п.	
		Меньшинство					

Приписанные социальные характеристики, определяющие социальный потенциал индивида, основание для привилегий и дискриминации:

- к. — кастовая принадлежность (1);
- с. с. — социальные связи (2);
- т. п. — тип поселения (1);
- н. — национальность (1);
- с. п. — сословная принадлежность (2);
- ч. с. — частная собственность (2);
- в. — вероисповедание (1).

Цифры в скобках:

- 1 — слабая дифференциация дискриминации внутри группы, объединенной одной характеристикой (одной касты, нации и т. д.).
- 2 — сильная дифференциация дискриминации внутри группы (сословия, классы).

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Динамический потенциал характеризует соответствие волевых ресурсов индивида требованиям социальной системы, предъявляемым к осуществлению различного рода функциональной (профессиональной) деятельности.

Динамический потенциал — личностные волевые ресурсы социального роста (повышения социального статуса). Он пропорционален силе его основного социального инстинкта и обратно пропорционален степени подверженности индивида инстинкту сохранения жизненных ресурсов и определяется соотношением силы присущего ему стремления к повышению социального статуса и степени мотивации к самосохранению, экономии интеллектуальных, физических, эмоциональных ресурсов. Таким образом, сила динамического потенциала определяется тем, насколько индивид готов расставаться со своими жизненными ресурсами под воздействием социальных амбиций. Этот показатель генетически обусловлен и проявляется у индивидов в разной мере.

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ИНДИВИДА И СИЛА ДИНАМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

С точки зрения индивида, ценность жизненных ресурсов определяется тем, насколько от обладания ими зависит возможность получения других первичных ценностей в процессе социального обмена. Поэтому жизнь и здоровье, бесспорно, наиболее ценные жизненные ресурсы, без них невозможно достижение каких-либо первичных ценностей. Другая ценность (ресурс), расставание с которым для индивида чрезвычайно болезненно, — эмоциональный покой. Его утрата препятствует возможности нормального потребления индивидом других ценностей.

Менее проблематично с этой точки зрения использование времени жизни на физический труд или интеллектуальную деятельность, то есть использование интеллектуальных и физических ресурсов. Однако процесс физического труда редко приносит удовлетворение вне контекста его социального результата. Вряд ли найдется множество индивидов, склонных рассматривать тяжелую или механическую физическую работу как приятные спортивные упражнения; скорее, это вынужденная жертва ради достижения социальных целей.

Только использование интеллектуальных ресурсов в творческой деятельности может представлять для индивида самостоятельную ценность. Сбережение интеллектуальных ресурсов (ресурсов времени, потраченного на интеллектуальную деятельность) является ценностью только в случае их расходования в процессе манипулятивной деятельности. В творчестве, наоборот, ценность — не сохранение, а использование интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, жизненные ресурсы выстраиваются в иерархию по ценности их сбережения для рационального индивида:

- 1) жизнь и здоровье;
- 2) эмоциональный покой (комфорт);
- 3) время жизни, потраченное на:
 - физический труд (физические ресурсы),
 - манипулятивную деятельность,
 - творческую деятельность (творческие ресурсы).

Значение динамического потенциала индивида определяется степенью готовности расставаться (рисковать) с потерей жизненных ресурсов пропорционально ценности их сбережения.

Таким образом, высокие показатели динамическому потенциалу индивида придает готовность рисковать жизнью и здоровьем. Затем по степени позитивного влияния на силу потенциала следует готовность жертвовать эмоциональным покоем, далее — умение расставаться со временем, потраченным на физический труд и интеллектуальную деятельность.

Самой незначительной для определения силы динамического потенциала индивида является психологическая возможность тратить время жизни на интеллектуальную творческую деятельность (обусловленная органически присущим индивидам творческим инстинктом).

Кроме того, от силы динамического потенциала зависит степень готовности индивидов расставаться не только с жизненными, но и с социальными ресурсами (как с накопленными жизненными). Их ценность определяется влиянием, которое они оказывают на возможности индивида сохранять свои жизненные ресурсы и получать первичные ценности в процессе социальной деятельности.

Характерно, что, как отмечают психологи, чаще всего индивиды, готовые легко рисковать своими жизненными ресурсами, также готовы идти на риск потери и социальных ресурсов. Такова психология политических авантюристов, предпринимателей периода начального накопления, биржевых игроков, финансовых аферистов.

ОЦЕНКА ОТДАВАЕМЫХ ЖИЗНЕННЫХ РЕСУРСОВ ОБЩЕСТВОМ

В реальности общество оценивает и требует у индивидов их жизненные ресурсы исходя из существующей в нем субъективной системы ценностей, а не рациональной мотивации индивидов. Эта оценка подвержена эволюции в ходе развития процесса рационализации. Ее направление — более высокая оценка обществом эксплуатации тех ресурсов, на расставание с которыми индивид внутренне мотивирован (или не имеет выраженной мотивации к их сбережению), то есть более полное удовлетворение инстинкта сохранения жизненных ресурсов индивидов. Гипотетическая иерархия оценки расходования жизненных ресурсов индивидов в идеально-рациональном обществе представляет собой перевернутую иерархию ценности их сохранения для индивида. В процессе рационализации все более высокую оценку общества получает расхода-

ние времени жизни на интеллектуальную творческую деятельность, становится невозможным социальное мотивирование индивида на расставание с жизнью и здоровьем.

Таким образом, в ходе развития общества высокие показатели динамического потенциала, определенные исходя из готовности индивида расставаться с наиболее ценными жизненными ресурсами, теряют значение для получения позиций социального статуса.

ДИНАМИКА ОЦЕНКИ В ОБЩЕСТВЕ

Разные исторические общества предъявляют различные требования к тому, какими жизненными ресурсами должен быть готов пожертвовать или рисковать индивид для продвижения вверх по социальной лестнице. По этой причине меняется значение силы динамического потенциала для формирования социального статуса.

В военных, переходных, революционных обществах (они существовали в большинстве европейских стран значительную часть эпохи античности, Средневековья и Нового времени) имело место высокое значение показателей динамического потенциала для формирования социальной иерархии. Для получения высоких позиций в обществе большую роль играла готовность рисковать жизнью, здоровьем, эмоциональным покоем; гораздо меньшее значение имела способность расходовать интеллектуальные и еще меньшее — физические ресурсы.

В Древнем Китае во время мирных передышек между нашествиями и переворотами существовала другая иерархия жизненных ресурсов. Для социальной реализации от индивидов не требовалось обладание высокими позициями динамического потенциала. Для управляющих страт и страт интеллектуального труда возможность и умение отдавать интеллектуальные ресурсы имели наибольшее значение (именно на проверку этого качества были направлены, на-

пример, экзамены чиновников по гуманитарным дисциплинам в Китае).

В современных западных странах для получения высоких социальных позиций уже не требуется расставаться с жизнью и здоровьем или рисковать ими. Индивиды с наиболее слабым инстинктом сохранения жизненных ресурсов и высоким динамическим потенциалом концентрируются в маргинальных стратах (преступный мир, международные авантюристы, биржевые спекулянты, спортсмены, экстремалы) и в стратах обороны и правопорядка (полицейские, военные, пожарные, спасатели). Перечисленные профессии редко дают своим членам высокие позиции в социальной иерархии.

Расставание с физическими ресурсами также становится все менее значимо в функционально-профессиональной структуре современного западного общества. Физический труд вытеснен из большинства страт рода деятельности. Наибольшее значение для получения социальных преференций приобрело использование интеллектуальных ресурсов в манипулятивной и творческой деятельности.

Таким образом, влияние показателей динамического потенциала на статус индивидов снизилось, но продолжает сохранять определенное значение для социальной реализации. Одна из причин этого — необходимость для многих амбициозных индивидов прилагать сверхусилия для преодоления своей социальной депривилегированности. Это обстоятельство вызвано сохраняющимся существенным значением социального потенциала для карьерного продвижения.

Другая причина востребованности индивидов, обладающих высокими показателями динамического потенциала, в том, что способность жертвовать эмоциональным комфортом еще достаточно важна, особенно в стратах экономического управления. Это качество, а также умение индивидов, обладающих высоким динамическим потенциалом, рисковать своими социальными ресурсами необходимо для самостоятельного продвижения на рынке, ведения собственного бизнеса.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Функциональный потенциал характеризует степень соответствия структуры личности индивида требованиям социальной системы к осуществлению того или иного вида профессиональной (функциональной) деятельности. Причем требования социальной системы можно условно разделить на объективные и субъективные. Объективные (идеальные) требования оценивают способности индивида к осуществлению функциональной (профессиональной) деятельности по ее идеальной (творческой) мотивации. Субъективные — способности индивида к осуществлению функциональной (профессиональной) деятельности по социальной мотивации, которые не имеют отношения к декларируемым целям функциональной деятельности, но необходимы для конкуренции за высокие места в социальной иерархии. Соответствие объективным требованиям системы (назовем его «идеальное соответствие») и соответствие ее субъективным требованиям (социальное соответствие) требуют от индивида разных, порой противоположных качеств и способностей.

В реальности оценка системой функционального потенциала всегда представляет собой сумму субъективного и объективного. Для различных обществ и функциональных страт различается только соотношение веса субъективных и объективных требований. Причем общей закономерностью для всех обществ является сравнительно больший вес объективного для страт интеллектуального и механического труда, чем для управляющей страты. Это связано с тем, что функция управляющих страт — перераспределение позиций социального статуса, а страт интеллектуального и механического труда — создание интеллектуальных и материальных благ. Управляющие страты как потребители этих благ заинтересованы в успешной деятельности других страт по идеальной мотивации (то есть созданию благ) и соответственно стремятся исходя из этого распределять в них пози-

ции социального статуса. Сами же они имеют возможность провозглашать и изменять идеальные цели общества и соответственно субъективно, в собственных социальных интересах, определять критерии функционального соответствия для своей страты.

Специфика субъективных и объективных требований социальной системы к функциональному потенциалу индивидов зависит от мировоззренческого, научно-технического, социально-экономического уровней развития общества. Эта специфика под влиянием различных флуктуаций процесса рационализации перманентно претерпевает изменения.

По мере развития творческого процесса и процесса рационализации, соотношение субъективного и объективного в требованиях общества смещается в сторону объективной составляющей.

Первостепенное значение в процессе реализации функционального потенциала в качестве источника статуса имеет профессиональное образование. При этом необходимо различать влияние на социальный статус индивидов знаний и навыков, приобретаемых в процессе образования, и собственно официально документированного факта его получения (дипломов, аттестатов и т. д.). Первое — следствие реализации функционального потенциала, второе — скорее, форма ненаследственных приписанных социальных характеристик, которые воздействуют на получение позиций в иерархии общества как социальный источник статуса индивидов.

ДИНАМИКА ОЦЕНКИ В ОБЩЕСТВЕ

Как уже было сказано, идеальная цель страт интеллектуального и механического труда неизменна и рациональна — это наилучшее обеспечение общества тем, что декларируется как продукт профессиональной деятельности. Социальные отношения, господствующие в обществе, хранителем

которых является правящая элита, накладывают отпечаток на деятельность и организацию всех страт. Тем не менее идеальные цели и объективные требования социума для всех страт, кроме управляющих, остаются достаточно стабильными.

Содержание и характер идеальных целей общества, достижение которых является функцией управляющих страт, на практике радикально меняются под воздействием развития или флуктуаций творческого процесса. А значит, изменяются не только субъективные, но и объективные (идеальные) требования к функциональной деятельности представителей этих страт. Таким образом, показатели их функционального потенциала наиболее динамичны и зависимы от социальных процессов внутри общества.

ИДЕАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ОБЩЕСТВА, УПРАВЛЯЮЩИХ СТРАТ, ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

В исторических обществах идеальные цели определяются религиозными и социокультурными традициями.

Идеальными целями общества и, следовательно, функцией управляющих страт и правящей элиты в доиндустриальном мире могли быть поддержание сакрального социального порядка (ярко выражено в Древнем Китае, Индии, средневековой Европе), религиозный мессианизм (в ранних христианских и мусульманских обществах того времени), внешнее самоутверждение социума (Римская империя, эллинистические государства; греческие полисы времен античности или национальные государства Нового времени). При всем разнообразии эти цели объединяла иррациональность с точки зрения подлинных интересов индивидов, составлявших данные общества.

Новое время дало рациональные формулировки идеальных целей общества. Например, утилитаризм (И. Бентам) определил их как достижение наибольшего счастья для наибольшего числа его граждан. Рациональные задачи общества

были приняты на вооружение наиболее передовыми элитами развитых стран.

Вместе с тем в ходе флуктуации творческого процесса в эпоху просвещения появились и новые мниморациональные цели. Суть их в сочетании рациональной цели — благоденствия общества и его граждан — с иррациональным пониманием средств и социальных институтов, с помощью которых ее можно достичь.

В XIX веке стали наиболее популярными идеологии, провозглашающие эти цели, такие, как национализм (благоденствие через усиление национального государства) и коммунизм (благоденствие через утверждение эгалитарного, коллективистского общества). Первый, родившись во времена великой Французской революции и сформулированный аббатом Сийесом, дошел до своей крайней формы в нацистской Германии, второй через социалистов-утопистов и Маркса проник в Россию и нашел наиболее последовательное воплощение в СССР и странах советского блока.

Основанное на рационализме и утилитаризме современное западное общество отказалось от сакрального понимания своего блага и сформулировало достижение наибольшего уровня благосостояния и комфорта для его членов как свою рациональную цель. Однако со временем консервация устаревших социальных институтов, пренебрегавших возможностями для рационализации, появившимися в результате развития творческого процесса, сделала идеальные цели западных обществ в значительной степени мниморациональными (об этом подробнее в следующих разделах).

Итак, приведем основные типы идеальных целей общества, управляющих старт и правящей элиты:

1. *Внутренние иррациональные цели* — поддержание сакрального порядка, предполагающего безусловное подчинение членов общества правящей наследственно-сакральной элите.
2. *Внешние иррациональные цели:*
 - религиозный и идеологический мессианизм и прозелитизм, предполагающий распространение господствующей в общест-

ве религии или идеологии и сакрального порядка на другие общества (исламистские государства, Европа времен Крестовых походов, СССР);

- внешнее самоутверждение общества (в том числе через возвышение его вождя), предполагающее военные победы, рост территории и населения, подчинение других обществ (античные и средневековые империи Запада и Востока, Запад Нового времени). Кстати, сегодня общества стремятся найти варианты иррационального внешнего самоутверждения, не связанные с угрозой потери безвозвратных жизненных ресурсов, такие как спорт, различные дипломатические шоу типа саммитов «большой восьмерки» и т. д.

3. *Внутренние мниморациональные цели* — поддержание социального порядка, имеющего целью обеспечение возможностей для достижения членами общества своих рациональных целей, но предполагающего ложные способы или недостаточно эффективные инструменты решения этой задачи (фашистские и социалистические государства, современный Запад).

4. *Внешние мниморациональные цели* — достижение членами данного общества первичных ценностей за счет эксплуатации других обществ (от военного ограбления до экономической эксплуатации). Практиковались на протяжении всей истории человечества — от набегов первобытных племен до эпохи колониализма и мировых войн. Ярко проявились в политике нацистской Германии и ее союзников во Второй мировой войне. В скрытой форме присутствуют и сегодня, реализуясь через неэквивалентный обмен первичными ценностями между развитыми странами и остальным миром, деятельность международных финансовых институтов, транснациональных корпораций и т. д.

5. *Внутренние и внешние рациональные цели* — создание условий для максимально полной реализации мотивации всех членов общества и их будущих поколений к получению первичных ценностей, в том числе к удовлетворению:

- материальных и интеллектуально-эстетических потребностей,
- потребностей в свободе,
- творческой самореализации,
- сбережению жизненных ресурсов (прежде всего жизни и здоровья).

Предполагают сочетание рационального понимания блага общества с осознанием необходимости перманентной рационализации социальных инструментов его достижения (целе- и инструментальную рациональность).

ЭТАПЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИДЕАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Первый этап — преобладание иррациональных целей (для большинства стран, принадлежащих к европейской цивилизации, закончился в конце XVIII–XIX веках).

Второй этап — преобладание того или иного соотношения мниморациональных и рациональных целей (в странах, принадлежащих к европейской цивилизации, продолжается с XIX века, в большей части остального мира идет со второй половины XX столетия, исключая исламистские и патриархальные общества в некоторых странах Африки и Азии, которые находятся на первом этапе рационализации).

Третий этап — утверждение рациональных целей, предполагающих оптимальное согласование социальных мотивов деятельности всех членов общества, различных обществ, нынешних и будущих поколений (задача европейской цивилизации на первую половину XXI века).

Какой бы ни была формулировка идеальных целей, не являющихся абсолютно рациональными, их социальная роль всегда в большей степени отвечает интересам элиты, нежели интересам общества. Иррациональные или мниморациональные для общества цели могут быть рациональны для его элиты (на современном этапе ситуация меняется, но об этом см. ниже). И поддержание данного иррационального прядка, и внешнее самоутверждение путем территориальных захватов, и эксплуатация других обществ в той или иной степени соответствуют рациональным целям элиты. В результате достижения данных целей элита реализует свой основной социальный инстинкт — сохраняет или делает еще более высоким свое место в социальной иерархии.

Последнее обстоятельство имеет следующее объяснение. В принципе, свойство стран стремиться к расширению путем внешней экспансии разумнее объяснить не с точки зрения геополитики (мотивацией страны к росту ее территории), как это принято сегодня, а как следствие осуществления основного социального инстинкта элиты расширяющихся обществ. Ведь на практике в результате экспансии растет не только контролируемая территория, но и чаще всего увеличивается численность населения, подвластного элите. Социальные амбиции ее членов в этом случае удовлетворяются за счет приобретения новых подданных, стоящих ниже в иерархии и увеличивающих высоту социальной пирамиды.

Иррациональные идеальные цели ни в качестве декларации, ни по сути не имеют ничего общего с рациональными интересами большинства членов общества (в отличие от его элиты). Достижение мниморациональных целей предполагает расширения доступа к первичным ценностям для большинства членов общества. Однако на практике действия по их достижению грозят потерей ценностей, зачастую более важных, чем искомые. К таким последствиям, например, ведут действия, направленные на удовлетворение материальных потребностей одного общества за счет эксплуатации ресурсов других обществ. При внешней рациональности решение этой задачи чаще всего в перспективе приводит к сокращению, а не к увеличению объема первичных ценностей, потребляемых большинством общества. Как показывает история, любые внешние материальные приобретения становятся по преимуществу достоянием правящей элиты. Большинство же населения в результате экспансионистских действий по достижению внешних целей обрекается на риск лишения и угрозу преждевременной смерти в результате войн и восстаний покоренных, не получая взамен какой-либо существенной социальной компенсации, например, в виде резкого повышения социального статуса (если даже завоевания даются легко, расплачиваться за них зачастую приходится потомкам — так 1-я и 2-я мировые войны, повлекшие огромные жертвы, были в значительной степени результатом

предшествующих «легких» колониальных компаний европейских стран).

Кроме того, результаты внешней экспансии всегда недолговечны. Если не это, то последующие поколения общество-эксплуататоров встают перед необходимостью расплачиваться с идущими по их пути более удачливыми экспансионистами, которые сами в прошлом являлись жертвами экспансии данного общества. Так происходит, например, в современной Европе, которая сегодня расплачивается за свое имперское прошлое «нашествием» жителей бывших колоний на свои культурно-исторические центры.

Таким образом, ограбление других обществ может дать определенные ценности членам обществ-эксплуататоров (по преимуществу их правящей элите), однако грозит большинству потерей не менее важных ресурсов и ставит под сомнение благополучную жизнь новых поколений этих обществ (то есть противоречит реализации инстинкта наследования).

ИДЕАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И ДИНАМИКА СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЛЕНОВ УПРАВЛЯЮЩИХ СТРАТ И ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Идеальная (декларируемая) цель общества требует от управляющих страт определенных действий, подтверждающих их легитимность. Успешность этих действий в значительной степени определяется структурой личности индивида, осуществляющего функциональную деятельность, то есть спецификой его функционального потенциала. Как мы уже писали, соответствие личности и действий индивида возложенным на него социальным функциям, то есть объективным требованиям общества (идеальное соответствие), только одна из составляющих функционального потенциала. Другая составляющая — способность побеждать в конкурентной борьбе за право осуществлять эти функции, то есть соответствие субъективным требованиям общества (социальное соответствие). Чем выше страта, тем сильнее конкурентная борьба, тем важнее вторая составляющая.

Приведем примеры личностных качеств, отвечающих объективным и субъективным требованиям системы, определяющих специфику оценки функционального потенциала индивидов в различных исторических обществах.

Итак, в императорском Риме идеальной целью было достижение славы и благоденствия империи. От членов правящей элиты соответственно требовались военные победы, разумное управление, масштабное строительство, «хлеб и зрелища» для масс. Достижение этих задач требовало от них талантов полководца и управленца, храбрости, щедрости, хорошего эстетического вкуса, мудрости, высоких этических качеств и т. д. Одновременно с этим для решения личных социальных задач претенденты на высокие позиции в обществе должны были обладать жестокостью, хитростью, коварством, талантом демагога. Без этих качеств было невозможно победить в конкурентной борьбе за позиции в управляющих стратах.

В реальности римские политические деятели эпохи империи зачастую имитировали отсутствующие у них качества первого порядка за счет использования вторых. Благодаря демагогии и лицемерию имитировалась мудрость. Иллюзия щедрости создавалась за счет жестокости и коварства, позволявшего сконцентрировать большие финансовые ресурсы, а затем раздать их ничтожную часть беднякам. Труднее всего было имитировать военные победы, хотя и такие попытки предпринимались (Нерон и Калигула).

Другой пример. Задача поддержания сакрального порядка, основанного на конфуцианской системе ценностей, требовала от чиновников средневекового Китая качеств идеального соответствия — скромности, покорности, подчинения старшим, высокого эстетического развития, знания поэзии и каллиграфии. Однако и в Древнем Китае по-настоящему скромный, нечестолюбивый человек имел мало шансов составить конкуренцию амбициозному и целеустремленному. Реальные перспективы могли дать качества социального соответствия функционального потенциала в китайском обществе — то есть умение имитировать конфуцианские добро-

детели за счет скрытности, лицемерия, лживости, умения притворяться.

Реестр качеств, необходимых для осуществления функциональной деятельности по идеальной мотивации, знаком и советскому человеку. По формулировкам официальных характеристик он должен был быть «морально устойчив, самоотвержен в работе, уважаем в коллективе и т. д.». Не секрет, что в действительности никак не меньшее значение, чем декларируемый аскетизм, коллективизм и т. д., имели другие качества руководителя. Для успешной карьеры советскому аппаратчику требовалось умение войти в доверие к начальству, создать видимость трудовых побед, лицемерие, бюрократический склад мышления и т. п.

Нетрудно заметить, что все эти качества социального соответствия функционального потенциала, необходимые для успешной карьеры, не имели ничего общего с декларируемой целью советского общества — поддержанием эгалитарного социального устройства, массового благосостояния, статуса мировой сверхдержавы.

Успешность общества с точки зрения достижения его идеальных целей зависит от того, насколько его элита и лидер (в авторитарных странах) способны осуществлять свои функции по идеальной мотивации. Однако для успешного социального функционирования самих членов элиты и лидеров общества, как уже говорилось, не менее важно социальное соответствие их функционального потенциала. Чаще всего наиболее сильные позиции и оптимистичные перспективы у лидеров и членов элиты, обладающих сильными позициями как идеального, так и социального соответствия. Наиболее слабы те, кто совмещает слабые позиции идеального и социального соответствия. Индивиды с высоким уровнем социального соответствия и низким — идеального, чаще всего успешнее, чем те, чье идеальное соответствие высоко, а социальное — несущественно. Идеально ориентированные лидеры выигрывают у социально ориентированных преимущественно в памяти благодарных потомков.

В связи с этим практически неизбежен процесс вытеснения из элиты людьми с высокими позициями социаль-

ного соответствия индивидов, обладающих способностями осуществлять свою деятельность в соответствии только с ее идеальными целями. В результате любая элита со временем перестает выполнять свои идеальные функции и, как следствие, теряет легитимность и власть. Последний яркий пример подобного явления в мировой истории — крах СССР.

КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Идеальное соответствие (соответствие объективным требованиям) — и. с.

Социальное соответствие (соответствие субъективным требованиям) — с. с.

Императорский Рим

1. Сильное и. с. при сильном с. с. — Цезарь, Август, Траян, Диокле-тиан.
2. Слабое и. с. при сильном с. с. — Калигула, Нерон, Тиберий.
3. Слабое с. с. при сильном и. с. — Марк Аврелий.
4. Слабые и. с. и с. с. — Гелиогабал, Гальба, Оттон.

Россия

1. Сильное и. с. при сильном с. с. — Петр I, Екатерина II, Александр II.
2. Слабое и. с. при сильном с. с. — Николай I, Александр III.
3. Слабое с. с. при сильном и. с. — Павел I.
4. Слабые и. с. и с. с. — Николай II, Петр III.

США

1. Сильные и. с. и с. с. — Э. Джексон, А. Линкольн, Ф. Рузвельт, Р. Рейган.
2. Слабое и. с. при сильном с. с. — Б. Клинтон, Дж. Буш-младший.
3. Слабое и. с. и с. с. — А. Грант, У. Тафт, К. Кулидж, Р. Никсон.
4. Слабое с. с. и сильное и. с. — Т. Джефферсон, Т. Рузвельт, В. Вильсон, Дж. Картер.

**КАЧЕСТВА ИДЕАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО
СООТВЕТСТВИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ИНДИВИДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ**

Историческое общество	Идеальные цели общества, элиты, управляющих страт. Достижение необходимо для сохранения легитимности власти правящей элиты	Качества идеального функционального соответствия (необходимые для осуществления функциональной деятельности по идеальной мотивации). Для управляющих страт и правящей элиты	Качества социального функционального соответствия (необходимые для успеха в конкуренции за социальные позиции). Для всех страт, но в большей степени для управляющих страт и правящей элиты
Древний Восток	Поддержание сакрально обоснованного социального порядка, внешнее самоутверждение, эксплуатация других обществ	Талант военачальника, верность традиции, мудрость в управлении подданными, чувство справедливости, взвешенность в принятии решений, разумная суровость (умение держать поданных в повиновении и не провоцировать их на бунт)	Коварство, жесткость, лицемерие, хитроумие
Современный Запад	Поддержание рационально обоснованного социального порядка, внешнее самоутверждение	Аналитические способности, чувство ответственности, способности к рациональному управлению людьми и процессами (умение сочетать собственную выгоду и пользу для всех задействованных в процессе), динамичность, способность к усвоению новой информации и знаний, компетентность, ответственность	Талант манипулятора и демагога, артистические способности. Способность использовать других индивидов в своих целях. Умение навязывать свою волю и интересы окружающим
СССР	Поддержание мниморационально обоснованного эгалитарного социального порядка, внешнее самоутверждение, идеологический мессианизм	Способность к авторитарному рациональному управлению (заставлять людей трудиться в их собственных долгосрочных интересах), аскетизм, коллективизм, преданность идеологии и интересам общества, способность к самопожертвованию	Умение приспособляться и имитировать результаты работы, лицемерие, холуйство, интеллектуальная ограниченность, корпоративность, безынициативность, жестокость

ВЕС ПОТЕНЦИАЛОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Значения различных потенциалов социального статуса для формирования социальной иерархии, их влияние на достижение индивидами факторов социального статуса и их жизненную социальную траекторию в социальных системах различаются.

Традиционные сословно-сакральные консервативные общества, где границы наследственных каст, сословий, цехов, династий фактически непроницаемы, дают основной вес (значение) социальному потенциалу индивида. Переходные, военные, революционные общества с высокой социальной мобильностью, с большими рисками для жизненных ресурсов, требующихся для социального продвижения, придают решающее значение динамическому потенциалу. Общества, заинтересованные прежде всего в качественном выполнении индивидами своих социальных функций, дают наибольший вес их функциональному потенциалу.

Правящая элита общества формируется прежде всего из индивидов, обладающих высокими значениями доминантного потенциала (принадлежащих к его имманентной виртуальной элите) при участии членов виртуальных элит потенциалов, имеющих для данной системы средний и иногда низкий вес.

Тем не менее еще ни одно общество в истории не определяло социальный статус своих членов, в том числе дающий принадлежность к правящей элите, только по значению одного функционального, или социального, или динамического потенциала. В социальном продвижении индивида в той или иной мере играют роль все потенциалы социального статуса. Это обстоятельство проявляется в том, что правящая элита обществ формируется не только из обладателей высоких позиций доминантного в данном обществе потенциала. В ее состав практически всегда прорываются и индивиды с низкими позициями потенциалов социального статуса, имеющего в данном обществе наибольший вес. Необходимое условие для этого — обладание данными индивидами высоких позиций недоминантных социальных потенциалов.

В обществах с преобладающим весом функционального потенциала социальный потенциал также имеет определенное значение. Так, социальное происхождение и наследственный статус имели реальный вес и в классических Афинах, и в Китае времен господства чиновников-ученых, и в СССР, и сегодня в странах Запада. Даже в средневековом Китае во времена, когда сдача экзаменов была необходимым условием поступления на государственную службу и продвижения в качестве чиновника, большое значение для социальной карьеры сохраняли тип поселения и происхождение из зажиточной семьи. «Традиционно в Китае большинство чиновников были родом из нескольких определенных частей страны. Так, при династиях Мин и Цинь они происходили из регионов нижнего течения Янцзы, района Кантона и провинции Сычуань. Высокий уровень жизни в этих районах позволял оплачивать многолетнее и дорогостоящее образование» [3].

В обществах, где наибольшим весом обладал социальный потенциал, у обладателей высоких позиций функционального и динамического потенциалов также существовал шанс преодолеть свою социальную депривилегированность и стать обладателем высоких позиций в общественной иерархии. Так было и в странах Древнего Востока, и в феодальной Европе, и в государствах доколумбовой Америки, и даже в кастовой Индии. Например, в государстве древних ацтеков, социальная система которого носила в целом сословно-аристократический характер, тем не менее «...правлящий класс постоянно обновлялся, вбирая в себя представителей основной массы населения... Любой воин, сумевший захватить в плен четырех человек... попадал в высший класс независимо от своего происхождения. Более того, император заполнял вакансии в более высоких эшелонах власти путем выдвижения достойных людей, и часто в конце сражения или военной кампании он выдвигал на высшие посты целую группу людей» [6]. Аналогичная практика существовала во многих других аристократических обществах. Даже в кастовой Индии у социально депривилегированных, но высокодинамичных и функциональных индивидов была возможность преодолеть кастовые перегородки и занять высокое положение в обществе [7].

В обществах, где господствовали сильные позиции динамического потенциала, имели также определенное значение и функциональные способности, и приписанные социальные характеристики индивидов. Так, высокое значение функционального потенциала позволяло, например, в раннем СССР социально реализоваться так называемым буржуазным специалистам. Даже в раннесредневековых обществах военной демократии приписанные социальные характеристики зачастую обеспечивали принадлежность к племенной аристократии.

Близость общества к рациональному идеалу определяется тем, насколько высоко значение функционального потенциала по его соответствию идеальной мотивации профессиональной деятельности как источника социального статуса. В гипотетическом идеально-рациональном обществе только функциональный потенциал сможет определять социальный статус индивида, причем общество оценивает этот потенциал, исходя из возможности идеального (творческого) исполнения профессиональных функций.

ВЕС (ЗНАЧЕНИЕ) ПОТЕНЦИАЛОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Историческое общество	Общество социального потенциала	Общество динамического потенциала	Общество функционального потенциала	Общество функционального потенциала по идеальному соответствию
Восточные деспотии, раннефеодальная Европа, кастовая Индия	Доминантный	Низкий	Низкий	Низкий
Античные Афины классического периода	Средний	Высокий	Высокий	Средний
Императорский Рим	Средний	Доминантный	Низкий	Низкий
Конфуцианский Китай	Средний	Низкий	Доминантный	Средний
Ранний капитализм	Доминантный	Средний	Средний	Низкий
Поздний СССР	Средний	Низкий	Средний	Низкий
Современная Россия	Высокий	Высокий	Средний	Низкий
Современная Европа	Средний	Низкий	Доминантный	Средний
Идеально-рациональное общество	Нет	Нет	Доминантный	Доминантный

ПРИМЕЧАНИЕ. Данный обзор не учитывает того, что для творческих страт значение функционального потенциала и его идеального соответствия всегда более значительно, чем для страт управления.

КОЭФФИЦИЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Наряду с потенциалами социального статуса на социальную траекторию индивида влияет степень его социальной рациональности. Мы исходим из представления о рациональной природе человеческого поведения, из того, что все здоровые индивиды от природы ориентированы на принятие рациональных решений. Их различает только социальная рациональность, то есть степень устойчивости к манипуляции, умение принимать при недостатке информации и внешнем негативном воздействии рациональные решения, способные обеспечить наиболее эффективный обмен жизненных ресурсов на другие первичные ценности. В предложенной схеме социальная рациональность рассматривается только в контексте выбора индивидом путей профессиональной реализации. Проявление социальной рациональности в процессе текущей профессиональной деятельности не рассматривается отдельно от функционального потенциала индивида, проявлением которого она является.

Социальная рациональность индивида всегда существует в контексте тех возможностей, которые предоставляет ему система. В системах, в которых направление социальной реализации предопределяется спецификой социального потенциала индивидов (например, в кастовых или сословных обществах), поле для проявления социальной рациональности индивида предельно узко. В рыночных обществах социальная рациональность определяет степень оптимальности выбора направления профессиональной реализации из множества предоставленных системой возможностей.

Социальная рациональность имеет определяющее значение не только для выбора профессиональной деятельности, но и для действий, направленных на изменение существующего порядка формирования социальной иерархии, в нашей терминологии они обозначены как социальные действия второго типа в противоположность действиям первого типа — функционально-профессиональной деятельности. Этот аспект социальной рациональности будет рассмотрен в соответствующем разделе книги.

КОЭФФИЦИЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Влияние возраста индивидов на их социальную траекторию основано на естественных преимуществах и слабостях, которые дают индивиду его физиологический возраст и социальный опыт. В этом критерии необходимо выделить объективную и субъективную сторону.

Для человека со средним уровнем здоровья — жителя развитой страны объективное позитивное значение этого коэффициента повышается с момента вступления в социальную жизнь (16–20 лет) до наступления зрелости (30–35 лет). Этот процесс происходит за счет приобретения социального опыта и профессиональных навыков. Затем индивид вступает в пору максимума социальных и профессиональных возможностей. Этот период продолжается с 30–35 до 55–65 лет. Далее интеллектуальные и физические возможности индивида уменьшаются, и коэффициент социальных возможностей жизненного цикла начинает объективно снижаться.

Для профессиональных групп физического труда данный цикл сдвигается примерно на 10 лет к началу социальной жизни. Период социальной зрелости (не связанный с необходимостью получения сложного образования) и начало сокращения возможностей для успешной профессиональной деятельности (физические ресурсы индивида исчерпываются раньше, чем интеллектуальные) наступают раньше. Объективное значение и коэффициент социальных возможностей жизненного цикла совпадают с динамикой возможностей индивида осуществлять профессиональные функции по идеальной мотивации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В различных исторических обществах на объективное значение коэффициента социальных возможностей жизненного цикла накладывается субъективное влияние культурных традиций, таких, как, например, высокий социальный статус стариков в традиционном социуме (пережитки геронтократии в восточных об-

щества существуют до сих пор). Причем особенности передачи наследственных социальных характеристик в сословных обществах иногда приводят и к противоположному результату, когда совсем юный наследник высоких статусных позиций родителей получает социальное положение, не соответствующее его личностной состоятельности и опыту. Однако такая ситуация скорее исключение из правил, и ее следует рассматривать как проявление фактора социальной случайности.

Консервативные общества, например традиционный протестантский капитализм, чаще всего (исключая удачливых наследников) требуют длительного накопления социальных ресурсов (собственности, социальных связей) и потому отодвигают социальный расцвет к старости. Наоборот, в молодых, революционных обществах приобретение новых социальных навыков, приписанных социальных характеристик происходит чрезвычайно быстро. Поэтому в этих обществах молодым индивидам, обладающим высоким динамическим потенциалом, обеспечен быстрый социальный рост. Чрезвычайно медленная социальная мобильность, предполагающая очередность занятия тех или иных постов от старших претендентов к младшим, в бюрократических иерархических обществах, таких, как брежневский СССР, наоборот, ведет к геронтократии.

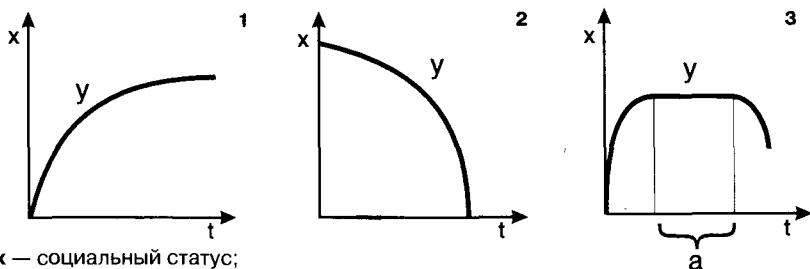
Социальные возможности жизненного цикла в исторических обществах представляют собой сочетание объективных и субъективных факторов.

Социальные возможности жизненного цикла в рациональном обществе могут основываться только на объективных, обусловленных возрастными особенностями возможностях осуществлять профессиональную деятельность по идеальной мотивации. То есть значение данного коэффициента в таком обществе может изменяться только за счет приобретения знаний и квалификации, развития профессиональных способностей и возрастной динамики интеллектуальных и физических возможностей индивида.

Идеальное сочетание высокого уровня опыта и знаний с наиболее продуктивным состоянием здоровья можно обозначить как возрастное плато социальной реализации, приходящееся на годы, дающие индивиду наиболее высокий уровень социального статуса.

ГРАФИКИ ОБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОЭФФИЦИЕНТА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

1. Жизненная динамика опыта, навыков, знаний.
2. Жизненная динамика интеллектуальных и физических возможностей.
3. Жизненная динамика коэффициента социальных возможностей жизненного цикла (при объективной оценке обществом), складывающаяся из графиков 1 и 2.

x — социальный статус;

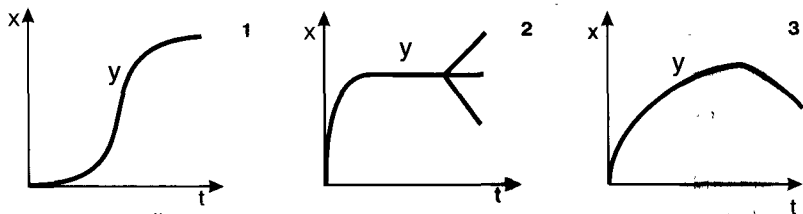
t — жизненный цикл (время социальной жизни);

y — жизненная социальная траектория.

Отрезок а — социальный рассвет — максимальное сочетание суммы значений траектории 1 и 2 — возрастное плато социальной реализации.

КОЭФФИЦИЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

1. Геронтократическое общество.
2. Революционные общества.
3. Современное постиндустриальное общество.

x — социальный статус;

t — время социальной жизни;

y — жизненная социальная траектория.

Математическая модель зависимости формирования жизненной социальной траектории индивида от его потенциалов социального статуса

Отталкиваясь от значения потенциалов социального статуса, можно математически описать принцип формирования социальной траектории после начала самостоятельной социальной жизни индивида. Говоря о начале социальной жизни, автор имеет в виду начало самостоятельного социального функционирования:

$$Y = ((Ay_1t_2 + By_2t_1 + CN_3t_1)/3)wz,$$

где:

Y — социальный статус (место в социальной иерархии) индивида в данный момент времени;

Ay_1 — место в иерархии функционального источника социального статуса в данный момент времени;

By_2 — место в иерархии социального источника социального статуса в данный момент времени;

CN_3 — место в иерархии динамического потенциала (равного динамическому источнику) с учетом его веса в данной социальной системе;

t_1 — второй переменный коэффициент, характеризующий объем прошедшего времени социальной жизни индивида. В начале жизни его значение равно 0, соответственно нулю равно и значение функционального и динамического источников социального статуса, статус определяется только социальным источником.

Значение коэффициента t_1 растет равномерно по мере увеличения объема прожитого времени социальной жизни от 0 в ее начале, приближаясь к 1 в конце (сегодня в развитых странах средняя продолжительность социальной жизни около 45–50 лет).

Соответственно на протяжении социальной жизни значение динамического и функционального источников для формирования социального статуса увеличивается, а социального снижается пропорционально увеличению показателя t , то есть объему прожитого времени социальной жизни индивида.

t_2 — третий переменный коэффициент. В начале социальной жизни его значение равно 3, в ее конце равно 1.

w — коэффициент фактора социальной случайности;

z — коэффициент социальных возможностей жизненного цикла.

Во время нахождения индивида на плато социальной реализации = 1. До и после этого — больше 1;

A_{y_1} — место в иерархии функционального источника социального статуса на данный момент времени;

B_{y_2} — место в иерархии социального источника социального статуса на данный момент времени;

где:

$y_1 = ((BN_2 + CN_3 + AN_1)/3AN_1)kt$ — коэффициент, описывающий превращение функционального потенциала в источник социального статуса за данную единицу времени;

$y_2 = ((BN_2 + CN_3 + AN_1)/3BN_2)kt$ — коэффициент, описывающий превращение социального потенциала в источник социального статуса за данную единицу времени;

N_1, N_2, N_3 — коэффициенты, характеризующие веса потенциалов (функционального, социального и динамического соответственно) в данной социальной системе;

k — коэффициент социальной рациональности;

t — первый переменный коэффициент, отражающий объем времени, прошедшего с начала социальной жизни индивида.

(См. подраздел «Превращение потенциалов в источники социального статуса индивидов»).

Физическая модель зависимости формирования социальной траектории индивида от его потенциалов социального статуса

«Мы не выброшены в мир, как пуля из ружья, которая летит по точно предначертанной траектории. Совсем наоборот: выбрасывая нас в этот мир, судьба дает нам на выбор несколько траекторий и тем заставляет нас выбирать одну из них», — писал Ортега-и-Гассет [8]. Сравнение социальной судьбы с траекторией полета физического объекта очень точно раскрывает суть взаимодействия между индивидом и обществом, в процессе которого она формируется. Однако вопреки мнению великого испанца индивид не может свободно выбирать вариант своей жизненной социальной траектории индивида. По нашему мнению, ее профиль жестко предопределен имманентными индивиду качествами и способностями (в том числе степенью его социальной рациио-

нальности), социальными характеристиками, переданными ему родителями, и тем, как данные свойства оцениваются, какие возможности они дают для самореализации в той или иной общественной системе.

По аналогии с метафорой Ортеги-и-Гассета рассмотрим индивида, начинающего социальную жизнь, как *некий физический объект, с определенной силой брошенный в среду*, которая обладает различной силой сопротивления на разных участках. Данная среда представляет собой аналогию *социального поля*, а ее сегменты с разным сопротивлением являются аналогом различных функциональных страт и социально-профессиональных групп. Причем у данной среды существуют два вида сопротивления. Первый вид — универсальное сопротивление, которое увеличивается по мере приближения к ее высоким слоям (то есть высшим точкам социальной иерархии). Второй вид — специфическое сопротивление различных сегментов среды (профессионально-статусных групп).

Социальную траекторию индивида можно рассматривать как траекторию движения объекта в данной среде. Тогда:

- *сила, с которой объект брошен в среду*, определяющая его возможности преодолевать универсальное сопротивление среды, является его динамическим потенциалом;
- *расположение относительно среды точки, из которой в нее был брошен объекта, в разной степени благоприятное для продвижения в плотные (высокие) социальные слои*, представляет собой его социальный потенциал;
- *способность объекта преодолевать специфическое сопротивление среды в разных ее сегментах* (функционально-профессиональных группах) является его функциональным потенциалом. Специфика функционального потенциала определяет силу специфического сопротивления данного сегмента среды (социального поля) продвижению объекта. Чем выше функциональное соответствие качеств объекта требованиям данного сегмента среды (то есть чем выше способности индивида к данному виду деятельности), тем меньше специфическое сопротивление, чем ниже это соответствие, тем большее сопротивление объекту оказывает данный сегмент среды;
- *направление вхождения и движения объекта в среде* определяется коэффициентом его социальной рациональности, помогающим находить наиболее легкие пути для продвижения в верхние,

наиболее плотные слои среды (в верхние сегменты социального поля, на высокие места в социальной иерархии).

Таким образом, потенциалы социального статуса и коэффициент социальной рациональности предопределяют жизненную траекторию индивида. Если они слабы, его траектория представляет собой ровную линию внизу социальной иерархии; если их значение высоко, траектория проходит по высоким сегментам социального поля, индивид добивается высоких позиций социального статуса и соответствующего уровня потребления первичных ценностей.

Что касается ассортимента выбора жизненной траектории, который дает индивиду судьба, о чем писал испанский мыслитель, то у рационального индивида нет альтернативы, он движется в те участки среды, которые дают ему соотношение наименьшего сопротивления и наилучших социальных позиций, то есть наибольшее количество первичных ценностей. Отклонения от рациональной траектории движения отражают невысокие показатели социальной рациональности данного индивида. Подобные отклонения всегда следствие манипуляции со стороны других индивидов или системной манипуляцией в данном обществе, и основаны они на недостатке адекватной информации индивида о собственных рациональных мотивах и оптимальных путях их удовлетворения.

ГРАФИКИ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЗАВИСИМОСТЬ РАСЧЕТНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ ОТ ПОТЕНЦИАЛОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Зависимость жизненной социальной траектории от потенциалов социального статуса можно также описать в виде условных графиков. Несмотря на то что данный метод описания является крайне приблизительным, он способен отобразить некоторые закономерности того, как складывается социальная жизнь людей при различных исходных условиях.

По аналогии с приведенными ниже графиками читатель может сам оценить свои потенциалы социального статуса, их значение в обществе и на основании этого примерно спрогнозировать то, как будет развиваться его социальная судьба (нарисовать свою жизненную социальную траекторию).

Рассмотрим четыре варианта различных заданных условий:

Вариант 1. Индивид функционирует в обществе, где вес всех потенциалов социального статуса равен.

Вариант 2. Индивид функционирует в обществе, имеющем доминантный потенциал социального статуса.

Вариант 3. Индивид функционирует в обществе, переживающем фундаментальные социальные преобразования.

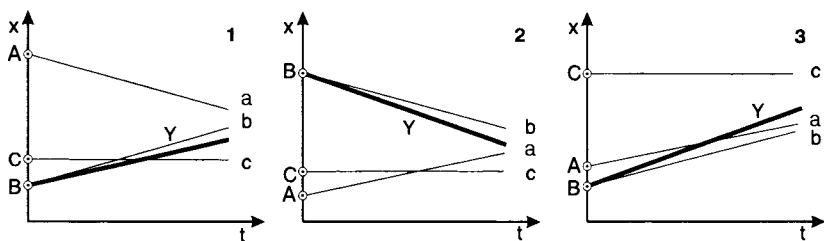
Вариант 4. Индивид меняет вид функциональной деятельности на более (или менее) для него социально рациональный.

Социальная траектория на графиках определяется без учета коэффициента жизненного цикла, фактора социальной случайности и коэффициента социальной рациональности.

Вариант 1

Условные графики социальной траектории индивидов строятся исходя из заданной ситуации равенства в обществе весов различных потенциалов социального статуса (близкая ситуация в современных демократических странах).

1. Социальная траектория индивида с низким социальным и динамическим и высоким функциональным потенциалом.
2. Социальная траектория индивида с низким динамическим и функциональным и высоким социальным потенциалом.
3. Социальная траектория индивида с высоким динамическим, низким функциональным и социальными потенциалами.

Обозначения на графиках для вариантов 1 и 2:

x — место индивида в иерархии;

t — время его социальной жизни.

Точки:

A — функциональный потенциал индивида;

В — социальный потенциал индивида;

С — динамический потенциал индивида.

Линии:

а — функциональный источник статуса (Ay_1);

б — социальный источник статуса (By_2);

с — динамический источник статуса ($constant$);

Y — расчетная социальная траектория (жизненная динамика социального статуса) без учета коэффициента жизненного цикла и фактора социальной случайности.

Начальная точка траектории **Y** совпадает с **В**, конечная близка к

$$Y = ((Ay_1 t_2 + By_2 t_1 + CN_3 t_1)/3).$$

На момент окончания активной социальной жизни коэффициенты

t_1 и t_2 близки к 1, поэтому:

$$Y = ((Ay_1 + By_2 + CN_3)/3).$$

На момент окончания активной социальной жизни значения

y_1 и y_2 максимально приближаются к значениям:

$$y_1 = (BN_2 + CN_3 + AN_1)/3AN_1;$$

$$y_2 = (AN_1 + CN_3 + BN_2)/3BN_2.$$

Коэффициенты N_1, N_2, N_3 , то есть веса потенциалов социального статуса, по условиям, заданным для данных графиков, равны.

Таким образом, при данных условиях значения y_1 и y_2 максимально приближаются к:

$$y_1 = (B + C + A)/3A;$$

$$y_2 = (A + C + B)/3B.$$

Итак, для данных графиков **конечные точки траекторий близки к** следующим:

Траектории **а**:

$$Ay_1 = (B + C + A)/3;$$

Траектории **б**:

$$By_2 = (B + C + A)/3.$$

Социальной траектории **Y**:

$$Y = (2(B + C + A)/3 + C)/3.$$

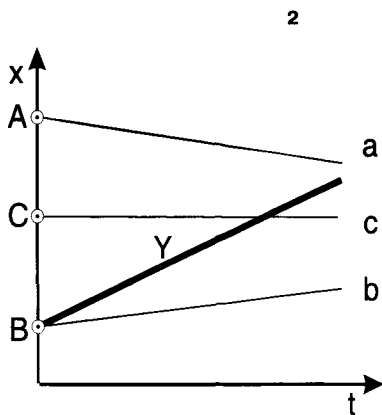
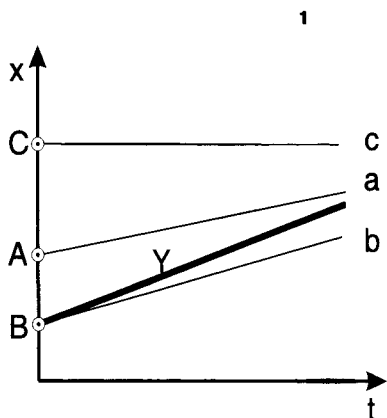
Вариант 2

В обществе, где один из потенциалов социального статуса является доминантным, во все моменты жизни статус индивидов близок к показателю доминантного потенциала.

1. Социальная траектория индивида в обществах с доминантным социальным потенциалом.

В этом типе общества социальный статус индивида во все моменты жизни близок к показателю его доминантного социального потенциала (кастовое, сословное общество).

Рассмотрим случай индивида, имеющего низкий социальный, высокие динамический и функциональный потенциалы.

2. Социальная траектория индивида в обществах с доминантным функциональным потенциалом.

В этом типе общества социальный статус индивида стремится к показателю его доминантного функционального потенциала (более рациональное общество будущего).

Рассмотрим случай индивида, имеющего высокий функциональный, низкий социальный и динамический потенциалы.

Начальная точка траектории Y совпадает с B, конечная близка к $Y = ((Ay_1t_2 + By_2t_1 + CN_3t_1)/3)$.

На момент окончания активной социальной жизни коэффициенты t_1 и t_2 близки к 1, поэтому:

$$Y = ((Ay_1 + By_2 + CN_3)/3).$$

На момент окончания активной социальной жизни значения y_1 и y_2 максимально приближаются к:

$$y_1 = (BN_2 + CN_3 + AN_1)/3AN_1;$$

$$y_2 = (AN_1 + CN_3 + BN_2)/3BN_2.$$

Таким образом, для данных графиков конечные точки траекторий близки к:

Траектории а:

$$Ay_1 = (CN_3 + BN_2 + AN_1)/3N_1;$$

Траектории б:

$$By_2 = (CN_3 + BN_2 + AN_1)/3N_2.$$

По условиям, заданным для данных графиков, коэффициенты N_3 , N_2 , N_1 , то есть веса потенциалов социального статуса, соотносятся следующим образом:

В графике 1 N_2 существенно больше, чем N_3 и N_1 .

В графике 2 N_1 существенно больше, чем N_2 и N_3 .

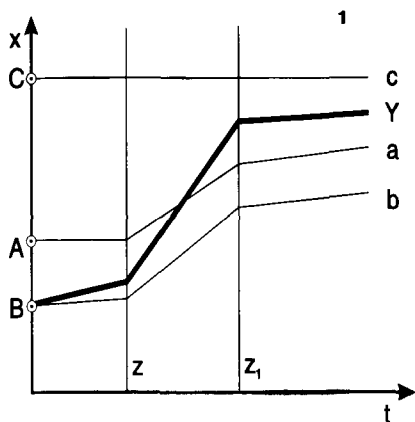
Вариант 3

Социальные преобразования приводят к повышению социального статуса индивидов:

- имеющих высокие значения потенциалов, вес которых в результате этих преобразований увеличивается;
- получающих в процессе преобразований в результате изменения требований, предъявляемых обществом к свойствам потенциалов, более высокие их показатели.

1. Социальная траектория индивида с высоким динамическим потенциалом в условиях преобразований, резко повышающих роль этого потенциала, а также дающих лучшую оценку функциональному и социальному потенциалу данного индивида (судьба победившей контрэлиты до момента нового социального переворота — большевики, мексиканские, китайские или кубинские революционеры).
2. Социальная траектория индивида с высоким социальным потенциалом в условиях преобразований, резко меняющих требования общества к свойствам этого потенциала, а также повышающих роль функционального и динамического потенциала (участь наследственной аристократии в революциях нового времени).

По условиям, заданным для данных графиков, на отрезке $z-z_1$ резко меняются значения $A(y_1)$, $B(y_2)$ и коэффициентов N_1 , N_2 , N_3 (то есть источников социального статуса и их весов).

x — место индивида в иерархии;
 t — время его социальной жизни.

Точки:

A — функциональный потенциал индивида;

B — социальный потенциал индивида;

C — динамический потенциал индивида.

Линии:

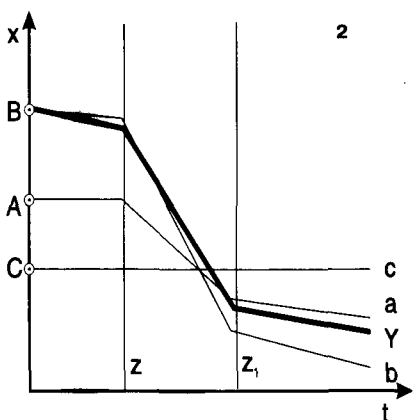
a — функциональный источник статуса (Ay_1);

b — социальный источник статуса (By_2);

c — динамический источник статуса (constanta);

Y — расчетная социальная траектория (жизненная динамика социального статуса);

z-z₁ — линии, фиксирующие начало и окончание социального переворота, меняющего значение и веса потенциалов социального статуса.

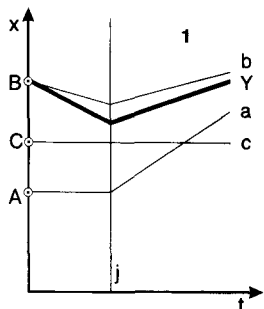

Вариант 4

Изменение вида функциональной (профессиональной) деятельности на более рациональный приводит к повышению социального статуса индивида. Переход к менее рациональному для него виду деятельности ведет к его социальной деградации.

1. Социальная траектория индивида, перешедшего к более социально рациональному виду функциональной (профессиональной) деятельности.

2. Социальная траектория индивида, перешедшего к менее социально рациональному виду функциональной (профессиональной) деятельности.

x — Место индивида в иерархии;
 t — время его социальной жизни.

Точки:

A — функциональный потенциал индивида;

B — социальный потенциал индивида;

C — динамический потенциал индивида.

Линии:

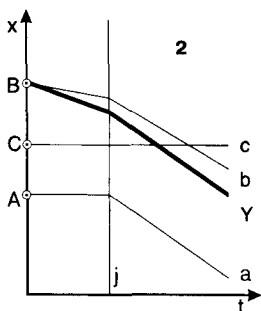
a — функциональный источник статуса (Ay_1);

b — социальный источник статуса ($B\bar{y}_2$);

c — динамический источник статуса (constant);

Y — расчетная социальная траектория (жизненная динамика социального статуса) без учета коэффициента жизненного цикла и фактора социальной случайности;

j — фиксирует момент перемены рода деятельности и значения функционального потенциала (A).

ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ

Ни одна социальная система не может полностью детерминировать социальную динамику своих членов их личностными качествами и социальными характеристиками. В ходе социальной жизни индивид постоянно сталкивается с ситуациями, вызванными случайными, не зависящими от его социальных и индивидуальных качеств и способностей обстоятельствами, так или иначе влияющими на позиции его социального статуса. Эти ситуации — социальные слу-

чайности. В результате их воздействия происходят флуктуации социальной траектории, не связанные с социальной рациональностью, возрастными особенностями, значением потенциалов социального статуса индивида и изменениями их оценки социумом (то есть социальными переменами). Социальные случайности для одних индивидов означают социальную удачу, а для других, наоборот, потерю социальных предпочтений.

Социальную траекторию индивида, предопределенную соотношением объективных качеств индивида и требований к ним данной системы (см. подраздел «Математическая модель зависимости формирования жизненной социальной траектории индивида от его потенциалов социального статуса»), можно определить как наиболее вероятный вариант развития событий в его жизни.

Отклонения от расчетной траектории являются проявлением социальной случайности. Вероятность отклонения от расчетной траектории обратно пропорциональна его величине: чем сильнее отклонение, тем меньше его вероятность. Влияние фактора социальной случайности не беспредельно. В каждом обществе существует определенный предел границы случайного отклонения позиций социального статуса от тех, которые предопределены личными и социальными характеристиками индивида. Границы допустимого отклонения определяются спецификой данной социальной системы. Можно выделить два вида пределов влияния случайности: предел влияния социальной случайности на текущий социальный статус (краткосрочное влияние) и на средний уровень жизненной социальной траектории индивида (долгосрочное влияние). При этом предел долгосрочного влияния случайностей существенно меньше, чем границы их краткосрочного влияния.

Виды социальных случайностей

По объему создаваемых ими флуктуаций социальной траектории индивида можно выделить два варианта социальных

случайностей — редкие масштабные и частые локальные случайности.

1. *Редкие масштабные случайности и их границы.* Как показывает историческая практика, при определенных обстоятельствах индивид может получить социальный статус, существенно отличающийся от того, на который ему позволяют претендовать показатели потенциалов его социального статуса для данной социальной системы: ефрейтор становится диктатором, бедняк — миллионером, человек, мало способный к научной деятельности, — профессором престижного университета. Тем не менее такое несовпадение объективно обоснованного и реального социального статуса индивида не может быть абсолютным.

Даже в краткосрочной перспективе у влияния социальной случайности существуют определенные границы, за которые оно выйти не может. Поэтому никакое случайное стечение обстоятельств не сможет сделать трусливого и нехаризматичного ефрейтора диктатором, ленивого и инертного бедняка — миллионером, бездарного и нечестолюбивого ученого — нобелевским лауреатом, чернокожего или китайца — президентом современных США.

Резкие случайные перемены (быстрый немотивированный рост социального статуса или его падение) с индивидами обычно происходят редко. Вероятность их повторения в жизни одного индивида, за исключением редких периодов разбалансированности социальной системы — социальных катаклизмов, революций, гражданских войн, — очень невелика.

По сути, эти случайности являются мгновенным сбоем механизма формирования социальной иерархии, который влечет за собой резкое немотивированное изменение позиций индивида в социальной иерархии. По прошествии определенного времени действие механизма восстанавливается, на социальный статус снова начинают влиять присущие индивиду потенциалы социального статуса. Поэтому социальная случайность может оказать значительное влияние на социальный статус лишь временно, создавая ограниченную флук-

туацию социальной траектории. Позиции социального статуса индивида после резкого случайного скачка со временем возвращаются в положение, близкое к предопределенному его личностным и социальным потенциалом (в долгосрочный предел случайности). Средний уровень жизненной социальной траектории не претерпевает в результате резкого изменения.

Амбициозный и талантливый раб при большем социальном везении теоретически может стать тираном, но узурпатору сложнее удержаться у власти, чем законному наследнику; неталантливый, но обладающий способностями к социальной манипуляции ученый может присвоить чужую идею и на какое-то время стать знаменитым, но поддержать свой статус дальнейшей эффективной работой сумеет вряд ли; бездарный политик может случайно выиграть выборы, но только один раз.

Индивиду, пережившему редкую удачу, со временем приходится подтверждать свой новый статус выполнением функциональных обязанностей, а их успешность предопределена значением потенциалов социального статуса в данном обществе. По тем же причинам у индивида, которому крупно не повезло, есть потенциальная возможность возвратить утраченное социальное положение в ходе функциональной деятельности в обществе. Таким образом, долгосрочное влияние социальных случайностей достаточно ограничено.

2. Частые локальные социальные случайности и их границы. Вся социальная жизнь индивида — череда локальных социальных случайностей. В реальной жизни крупные случайные социальные выигрыши и проигрыши крайне редки, индивиды постоянно сталкиваются не с крупными удачами или проигрышами, а со случайными стечениями обстоятельств, способными оказать ограниченное благоприятное или неблагоприятное воздействие на их социальный статус.

В ходе социальной жизни индивида благоприятные и неблагоприятные ситуации в большинстве случаев встречаются в одинаковой пропорции и уравновешивают друг друга. Боль-

шинство случайных отклонений происходит в узкой полосе вокруг объективно predetermined социальной траектории индивида. Даже после редких резких отклонений реальная социальная траектория с неизбежностью возвращается в полосу локальных случайных отклонений вокруг наиболее вероятной социальной траектории.

ПРИМЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ,
СВЯЗАННЫХ С ВЫБОРОМ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕМ СФЕРЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Случайность при выборе рода профессиональной
деятельности*

В кастовых и сословных обществах вероятность этого вида социальных случайностей очень низка (выбор рода деятельности детерминирован наследственными социальными характеристиками). В системах, где наследственные приписанные характеристики не являются определяющими для выбора рода деятельности, эта вероятность ограничена фактором социальной рациональности. Обладающие высокими показателями этого фактора в конечном итоге выбирают профессию, дающую им наиболее высокий социальный статус; имеющие низкую социальную рациональность под воздействием внешней манипуляции зачастую уходят в род деятельности, ведущий к их социальной деградации.

*Случайности, ведущие к смене
профессионально-статусной группы*

Масштабные случайности, не связанные с профессиональной деятельностью индивида (выигрыш/проигрыш в казино или лотерее, обнаружение клада, брак на аферистке и т. д.), часто ведут к изменению его профессионально-статусной группы (например, проигравшийся бизнесмен становится рабочим, выигравший рабочий — рантье и т. д.). Далее в дело вступает механизм дрейфа реального статуса

индивида к уровню объективно обоснованного. Новоявленный рантье, бывший рабочий, если он бездарен как бизнесмен, скорее всего, разорется или теряет часть капитала, не умея его выгодно вложить; разоренный бизнесмен в случае, если потеря состояния была случайностью, не связанной с его функциональными и динамическими способностями, может снова начать новое дело и получить возможность вернуть себе прежний статус.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ

Наиболее высокое значение фактор случайности имеет в переходных, революционных обществах. Наименьшее его значение наблюдается в традиционных, иерархических, сословных, кастовых обществах. Средний уровень значения фактора существует в рыночной демократии, причем он снижается по мере старения этой социальной системы. В рациональном обществе, где социальный статус жестко определялся бы способностями к осуществлению профессиональных функций по идеальной мотивации, значение фактора случайности не могло быть существенным.

СЛУЧАЙНОСТЬ В КАРЬЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

В обществах, основанных на социальном насилии (военные, революционные, террористические), резкий случайный скачок социального статуса зачастую ведет к насильственному лишению жизни или последующей социальной депривации (Лжедмитрии, Робеспьер, Муссолини, Троцкий, Гитлер, Анвар Садат, Садам Хусейн и др.). В этих случаях насильственная смерть — форма компенсации завышенного социального статуса (несоответствия характеристик и качеств индивида занимаемому им положению). Такая же ситуация наблюдается и тогда, когда чрезвычайно высокое положение,

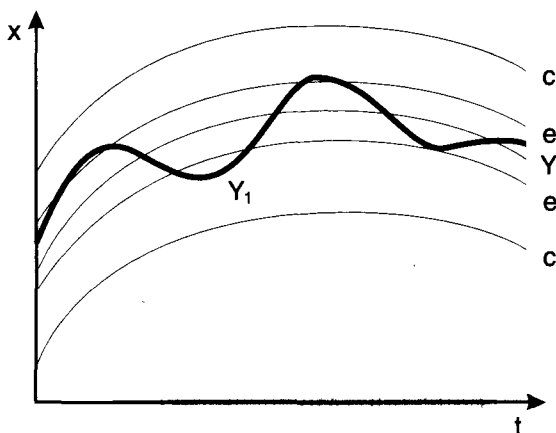
которое дает индивиду наследственный статус, сочетается с предельно низкими показателями других потенциалов. В этой ситуации, которая является частным случаем социальной случайности, индивид не в состоянии продолжить в долгосрочной перспективе высокую социальную траекторию, и его жизнь так же часто прерывается в результате актов насилия (Павел I, Петр III, Карл I, Людовик XVI, Николай II).

При этом следует подчеркнуть, что насильственная смерть политического деятеля отнюдь не всегда является формой компенсации его случайного выдвижения на вверх социальной иерархии (достаточно примеров гибели в результате покушений лидеров, ставших таковыми вполне обоснованно с точки зрения их личных и социальных характеристик). Однако у тех лидеров, которые обязаны своей карьерой по преимуществу случайности, шанс подвергнуться насильственной смерти или остракизму значительно выше.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФАКТОРА СЛУЧАЙНОСТИ

1. Случайности, имеющие положительное и отрицательное влияние на позиции социального статуса большинства индивидов, происходят примерно с равной частотой. Таким образом, социальные случайности не имеют господствующего влияния на жизненную социальную траекторию индивидов.
2. Чем сильнее степень отклонения показателя социального статуса в результате случайности, тем меньше ее вероятность.
3. Предел случайного единовременного изменения социального статуса существенно выше, чем предел долгосрочного влияния социальной случайности на средний уровень жизненной траектории индивида.
4. Предел влияния случайностей на средний уровень социальной траектории на протяжении жизни индивида представляет собой ограниченную полосу вокруг траектории, прогнозируемой исходя из показателей потенциалов социального статуса, социальной рациональности и коэффициента жизненного цикла в условиях существующей социальной системы.

ГРАФИК, ОПИСЫВАЮЩИЙ ЗАВИСИМОСТЬ ЖИЗНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ (С УЧЕТОМ КОЭФФИЦИЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА)

x — социальный статус;

t — время;

Y — расчетная социальная траектория;

Y_1 — реальная социальная траектория;

e — возможные границы долговременного случайного отклонения социальной траектории (предел долгосрочного влияния случайности);

c — возможные границы (предел) единовременной случайности.

СМЕНА ВЕСА И СПЕЦИФИКИ ПОТЕНЦИАЛОВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА, ЦИКЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ЦИРКУЛЯЦИЯ ЭЛИТ

Динамика оценки обществом потенциалов социального статуса лежит в основе социальных преобразований и циркуляции элит.

Родоначальник теории циркуляции элит В. Парето, определив процесс возникновения правящих элит, их деградации и замены контрэлитами, не дал описания механизма, лежащего в основе этого процесса. Наша версия базируется на общих представлениях о принципах формирования социальной иерархии на основе значений потенциалов социального статуса индивидов. Правящая элита как верхний слой социальной иерархии формируется по правилам, общим с другими сегментами иерархии. А значит, смена элит может происходить только в рамках изменения общих принципов формирования социальной иерархии.

Творческий процесс ведет к появлению новых знаний и связанных с ними идеологических представлений, которые вступают в противоречие с прежними идеальными целями общества, отставшими от нового уровня общественного сознания. Источником происхождения этих знаний являются страты творческого труда (данного и других обществ). От макростраты творческого труда знания и связанные с ними представления проникают в правящую элиту.

В результате правящая элита и общество в целом теряют консенсус по отношению к существующим идеальным целям. Идеологическое влияние, сакральное значение прежних идеальных целей нивелируется. Соответственно значение прежнего идеального функционального соответствия для вхождения в элиту начинает падать. В результате для вхождения в элиту определяющим становится значение социального соответствия функционального потенциала, элита формируется из числа обладателей его высоких показателей.

Как следствие, правящая элита теряет способность поддерживать существующий социальный порядок, осуществляя декларируемые идеальные цели общества. В обществе начинаются социальные преобразования и идеологические перемены, появляются новые институты и соответствующие социальные лифты. Это обстоятельство имеет два основных последствия:

- нарушается легитимность существующей элиты в обществе;
- нарушаются принципы формирования социальной иерархии (меняется оценка обществом потенциалов социального статуса индивидов).

В результате параллельно существующей элите, рекрутируемой по старым соответствиям функционального и социального потенциала, возникает контрэлита, занимающая высокое место в социальной иерархии на ближних подступах к позициям правящей элиты (на незлитных позициях в управляющих стратах и элитных в стратах интеллектуального труда). Контрэлита, как правило, объединена новыми качествами функционального (соответствующими требованиям другой, чаемой социальной системы), низким социальным и высоким динамическим потенциалом. Контрэлита формирует альтернативные идеальные цели и предлагает новую социальную организацию общества, дающую высокую оценку качествам потенциалов ее членов. Далее она популяризирует новые идеальные цели среди широких слоев населения. Распропагандированные народные массы под флагом борьбы за их достижение привлекаются к деятельности по осуществлению социальных целей членов контрэлиты.

Затем происходит столкновение между старой элитой и контрэлитой с привлечением значительной части населения, которое можно охарактеризовать как «спор об идеальных целях». По форме этот спор может вылиться в гражданскую войну, революцию, переворот или борьбу за власть в рамках легитимных политических институтов. В результате контрэлита побеждает и создает новую систему формирования социальной иерархии под свой тип функционального соответствия и социальных характеристик. Затем происходит консервация элиты, выражающаяся в удалении из нее беспокойных обладателей высокого значения динамического потенциала и усилении веса социального потенциала ее членов, передаваемого их наследникам. Далее наступает период деградации данной элиты, появление контрэлиты и новый цикл социальных преобразований, лежащих в основе циркуляции элит. Такова наиболее характерная модель смены идеальных целей общества, механизма формирования социальной иерархии и правящей элиты.

Данная модель наиболее четко описывает механизм циркуляции элит в закрытых авторитарных обществах. В демократических странах циркуляция элит проходит через постоянное обновление правящей элиты. Основные этапы цикла смены элиты проходят

постепенно и не сопряжены с резкими социальными потрясениями. Они размыты по времени и не носят характера жесткой конфронтации правящей элиты и консолидированной контрэлиты. Эти этапы соответствуют периодам социальных реформ, таких, как Новый курс Рузвельта (смена элиты); застоя и консервативной политики, например время президентства Буша-младшего (консервация и деградация элиты). Циркуляция элит происходит как постепенное замещение в правящей элите в процессе социальных преобразований представителей одних качеств потенциалов социального статуса на носителей других его свойств.

Полный цикл социальных преобразований и циркуляции элит

Итак, законченный цикл социальных преобразований выглядит так:

1. Дискредитация идеальных целей общества под воздействием развития или флуктуации творческого процесса.
2. Нарушение в элите баланса социального и идеального соответствия функционального потенциала в пользу социального.
3. Нарушение консенсуса в правящей элите по поводу задачи поддержания социального порядка.
4. Начало социальных перемен, ведущих к нарушению старых принципов формирования социальной иерархии и элит.
5. Нарушение легитимности элиты в сознании общества.
6. Формирование на ближних подступах к элите контрэлиты, чаще всего объединенной невысоким социальным, высоким динамическим и иным, чем у старой элиты, функциональным потенциалом, соответствующим требованиям новой социальной системы.
7. Спор об идеальных целях, столкновение элиты и контрэлиты с участием широких слоев общества.
8. Победа контрэлиты, изменение принципов формирования социальной иерархии под соответствие высокой оценке потенциалов социального статуса членов новой элиты.
9. Консервация новой правящей элиты. Нерадикальная смена идеальных целей (расстановка новых приоритетов). Падение значения динамического потенциала, торжество носителей высокого значения функционального потенциала, формирование новой иерархии приписанных (наследственных) социальных характеристик, повышение значения социального потенциала.
10. Дискредитация идеальных целей... и так по кругу (см. пп. 1–9).

Циркуляция элит (упрощенная схема)

Этапы цикла	Утверждение новой элиты	Консервация элиты	Деградация элиты. Формирование контрэлиты	Спор о целях. Крах старой элиты, победа контрэлиты	Утверждение новой элиты
Свойства элиты	Высокий динамический и функциональный потенциалы (идеальное и социальное соответствие)	Высокий функциональный (идеальное и социальное соответствие) и социальный потенциалы	Высокий функциональный (социальное соответствие) и социальный потенциалы	Высокий функциональный (социальное соответствие) и социальный потенциалы	Высокий динамический и функциональный потенциалы (идеальное и социальное соответствие)
Свойства контрэлиты	—	—	Высокий динамический потенциал, новые качества функционального потенциала	Высокий динамический потенциал, новые качества функционального потенциала	—

Циклы социальных преобразований и смены элит в новой и новейшей истории России (краткий обзор)

Со времени реформ Петра I по сегодняшний день в России прошли два полных цикла социальных преобразований.

Первый цикл: реформы Петра I (конец XVII — начало XVIII века) — Февральская революция 1917 года.

Второй цикл: февральская революция 1917-го — августовский путч 1991 года.

Первый цикл. Утверждение и крах новой аристократической элиты

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ.

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА

К началу революционных Петровских реформ развитие мирового творческого процесса, приведшего к проникновению из стран Запада в Россию новых идей, научно-технических знаний, носителей другой, более сложной материальной культуры, быта, нравов, поставило под сомнение сакральную легитимность существующего порядка. Одновременно усиление Запада под влиянием достижений творческого процесса поставило под угрозу внешние идеальные цели.

Проникновение западного влияния в элиту началось в середине XVII века.

Появились предвестники будущей вестернизации — Ордын-Нащокин, Василий Голицын, Симеон Полоцкий. Собственно петровский этап вестернизации начался с того, что молодой Петр сформировал из иностранцев и русских, принадлежавших к разным социальным группам (кончено, по преимуществу все же наследственной аристократии, но отнюдь не всегда самой родовитой), но объединенных общими функциональными и динамическими качествами, контрэли-ту. Была выдвинута новая главная идеальная цель — создание великой империи. После непродолжительной схватки со старой элитой (стрелецкие бунты, противодействие Софьи) контрэлита (вобрав в себя большую часть традиционной аристократии) стала правящей элитой. Кроме появления новых качеств функционального потенциала членов правящей элиты (обучаемость, адаптируемость к западным культурным достижениям, военно-технические способности, высокий интеллект и манипуляционные способности), произошло увеличение веса функционального и динамического потенциалов по отношению к социальному потенциалу и незначительное изменение последнего (привилегии иностранцам, меньшее значение родовитости дворянских семей и т. д.).

Консервация элиты

Процесс консервации элиты длился большую часть XVIII века и окончательно завершился во второй половине XVIII столетия изданием Петром III «Манифеста о вольности дворянства» (1762), а затем Екатериной II «Жалованной грамоты дворянству» (1785), которые отменили для дворян обязательную гражданскую и военную службу, расширили и окончательно закрепили за ними их наследственные социальные привилегии. В результате этого члены правящей элиты не должны были больше подтверждать свое положение высокими качествами функционального потенциала, отсутствие которого в большой степени компенсировалось наличием высокого социального потенциала.

Деградация и крах старой аристократической элиты

Социальный переворот 1917 года имел гораздо более длительную предысторию, чем Петровские реформы. В конце XVIII — нача-

ле XIX века началось проникновение и адаптация в российском обществе и элите идей просвещения, утилитаризма, рационализма, гуманизма, атеизма, социализма. В результате идеальная цель сохранения существующего порядка стала дезавуироваться. Крестьянская реформа 1861 года подорвала основы социальной системы общества. Как итог при формировании социальной иерархии все меньшее значение стало иметь происхождение, то есть социальный потенциал индивида. Началась эпоха социального продвижения разночинцев, пошел процесс обуржуазивания, размывания дворянства. Элита, не сумевшая сохранить сакральный социальный порядок, начала терять легитимность. Наиболее умные ее представители (К. Леонтьев, К. Победоносцев) понимали, что радикальные перемены для правящей элиты — всегда отступничество от ее идеальных целей, путь к краху и революции, но не могли надолго затормозить развитие ситуации. Призыв К. Леонтьева «Россию надо подморозить» был реализован лишь во время царствования Александра III, но затем необратимый процесс социальных преобразований продолжился.

Параллельно на ближних подступах к правящей верхушке — в творческой элите (интеллигенция) и неэлитных группах управляющих страт (земство, буржуазия) — начала формироваться контрэлита. Ее составили либералы, западники, народники, социалисты, выдвигавшие идеальную цель утверждения более рационального общества в его разных (в том числе и утопических) вариантах. Контрэлита требовала реформирования социального порядка в соответствии с собственными функциональными и социальными качествами и вступила в затяжной конфликт с правящей элитой. Конфликт, начатый общественным движением 60-х годов XIX века и приобретший особую остроту во время террористической войны, которую вели против режима народовольцы, продолжил свое развитие в правление Николая II. Его отступление под давлением революционных событий 1905 года (Октябрьский манифест, созыв Государственной думы) не удовлетворило контрэлиту, но окончательно сломало идеологические основы старого социального строя. Под влиянием внешних вызовов в результате разгрома России в русско-японской, а затем неудачного участия в Первой мировой войне бы-

ла окончательно утеряна легитимность правящей элиты, неспособной осуществлять внешнюю идеальную мотивацию общества.

Второй цикл. 1917–1991 гг. Утверждение, консервация и крах большевистской элиты

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

В результате Февральской революции 1917 года произошло разрешение спора между элитой и контрэлитой о целях в пользу определения направления движения к более рациональному, вестернизированному, демократическому обществу.

После Февральской революции победившая контрэлита (поначалу не только умеренные социалисты, но и большинство большевиков выступали за широкую коалицию с участием буржуазных либералов) раскололась, давние разногласия между ее группировками переросли в открытое столкновение. В ходе Гражданской войны 1917–1921 годов был разрешен новый спор об идеальных целях, на этот раз между умеренными социалистами и либералами, адекватно оценивавшими возможности для социальной рационализации, существовавшие на тогдашнем уровне развития общества, и большевиками — сторонниками эгалитарной утопии. В результате большевики победили (не будем останавливаться на роли в этих событиях консервативной, реставраторской части старой элиты, которая объективно помогла им победить), провозгласили новые идеальные задачи, новую систему формирования социальной иерархии, соответствующую их функциональным качествам.

Консервация большевистской элиты. УТВЕРЖДЕНИЕ СТАЛИНИЗМА

В конце 1920-х — начале 1930-х годов произошла смена главной идеальной цели большевистской элиты. Внешняя идеальная цель (мировая революция) перестала быть главной, на первый план вышла задача поддержания эгалитарного (социалистического) порядка внутри страны. Эта перемена сопровождалась изменением специфики функционального соответствия членов управляющей макростраты и резким снижением веса высокого динамического потенциала для получения позиций социального статуса. В результате

интеллигентов-революционеров в элите сменили новые выдвиженцы, по типу близкие к российской традиционной бюрократии. Данный процесс соответствовал общей исторической закономерности. Имманентная элита иерархии обладателей высоких значений динамического потенциала всегда является мотором революционных событий. Как следствие, ее представители — основа любой контрэлиты. Однако через некоторое время после социального переворота во время стабилизации ее представители опасны уже новой системе. Рамки возможностей стабильной системы становятся им тесными, высокие амбиции и низкий уровень самосохранения заставляют требовать новых перемен, способных дать еще более высокий социальный статус. Дальнейшее развитие событий предполагает удаление представителей высоких значений динамического потенциала из правящей элиты обладателями высокого уровня соответствия функционального и нового социального потенциалов.

ДЕГРАДАЦИЯ И КРАХ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

Реставрация капитализма в России. В 1950–1980-е годы под влиянием развития творческого процесса внутри страны и вызовов мирового творческого процесса произошло постепенное ослабление идеального функционального соответствия элиты и ее приверженности декларируемым идеальным целям. Деградирующая элита ослабила контроль над стратами творческого труда, над неэлитной частью правящих страт. Внутри системы начала складываться тайная квазирыночная экономика. Правящая элита обуржуазилась, стала рекрутировать новых членов исходя из их чисто социального функционального соответствия, потеряла способность осуществлять свою идеальную мотивацию. Эгалитаризм стал фикцией, возросло социальное расслоение, мнимость поддержания идеального порядка стала очевидной.

Успехи творческого процесса на Западе воспрепятствовали осуществлению внешних экспансионистских идеальных целей. Эти же успехи, вылившиеся в усиление западного блока, вошли в противоречие с задачей сохранения существующего порядка. Гонка вооружений, заставлявшая идти на уступки творческим стратам, и международная кампания в защиту прав человека помешали радикально пода-

вить складывающуюся контрэлиту. В нее вошли многие представители элиты творческих страт, новые экономические элитные группы, связанные с теневой экономикой, неэлитные группы в структурах управления (так называемые прогрессивные хозяйственники).

Далее, после прихода к власти М. Горбачева, правящая элита в стремлении спасти свое положение, пойдя на радикальные реформы, названные «перестройкой», ускорила неизбежную развязку. В результате этих реформ социальный порядок и правящая элита окончательно потеряли легитимность. Контрэлита выдвинула новую идеальную цель — создание рационального общества по западному образцу. Короткая схватка в августе 1991 года, показавшая полное функциональное вырождение советской элиты, закончилась победой контрэлиты и установлением нового порядка формирования социальной иерархии. В результате этого произошло определенное нерадикальное изменение требований к социальному и функциональному потенциалу и кратковременное повышение веса динамического потенциала. Эта нерадикальность изменения социального порядка явилась причиной того, что сформировавшаяся новая «демократическая» власть в значительной мере вобрала в себя советскую элиту (как во время Петровских реформ новая элита инкорпорировала в себя старую боярскую аристократию). Так начался новый, третий со времен Петра цикл социальных преобразований, в начале которого мы сегодня находимся.

Спор о целях перед революцией 1991 года в России

Характерным примером спора о целях была многолетняя общественная дискуссия в России о главных приоритетах ее развития, предшествующая краху коммунизма. Дискуссию вели, с одной стороны, западники-либералы (многие из которых поначалу стояли на либерально-коммунистических позициях) и патриоты-государственники — сторонники национального пути развития России (от монархистов до сталинистов). Так как неизбежность краха коммунизма в 1970–1980-е годы становилась все очевиднее, различные представители интеллектуальной элиты предложили два разных варианта дальнейшего развития России. Если предельно

упростить предмет дискуссии, с одной стороны, отстаивалось копирование западной модели демократии и рынка, с другой — создание авторитарного государства, опирающегося на архаические национальные традиции (приоритет общественного над частным, государственных интересов над личными, общинный коллективизм, нравственный консерватизм, православная этика).

Дискуссия началась и долгое время шла по преимуществу среди представителей страты творческого труда. Причем обе противостоящие стороны активно пытались привлечь на свою сторону представителей правящей элиты. Между западниками и патриотами велась перманентная борьба за поддержку различных коммунистических чиновников. Так, западники имели сильные позиции в окружении Андропова (Бовин, Арбатов), патриоты — в окружении М. Сулова, в аппарате ЦК ВЛКСМ и т. д. (подробнее см. [9]). Различные события в культурной жизни, например выход серии статей «патриота» М. Лобанова в журнале «Молодая гвардия», статья противника «патриотов» А. Яковлева в «Литературной газете», издание альманаха западников «Метрополь» в американском издательстве «Ардис» вызывали всплеск активности представителей обоих лагерей, причем и те, и другие не стеснялись апеллировать к партийному начальству (см., например, письмо «патриота» Ст. Куняева в ЦК КПСС в связи с выходом альманаха «Метрополь»).

В конце концов либералам удалось заполучить себе в союзники значительную часть помощников и референтов высших партийных руководителей, а также некоторых идеологических работников ЦК (Бовин, Бурлацкий, Арбатов, Черноуцан, Александров-Агентов, Иноземцев, Черняев, Шахназаров, Медведев и др.). Эти люди стали посредниками, которые скрыто продвигали либеральную идеологию среди высшего руководства СССР. Возможно, в результате этих усилий Андропов, конечно же не превратившись в либерала, ослабил политические репрессии (количество осужденных по политическим статьям при его руководстве КГБ было на порядок меньше, чем в считающиеся либеральными хрущевские времена). Затем эти же люди, их единомышленники и ученики сформировали мировоззрение лидеров перестройки, таких, как Горбачев, Яковлев, Ельцин. Причем последний, по-видимому, долго колебался между либералами

и «патриотами» (еще в 1987 году он благожелательно встречался с представителями общества «Память»).

После начала перестройки борьба, ранее тлевшая на страницах толстых литературных журналов, вышла за пределы элиты. Ее объектом стало сознание большинства общества. Итог этой борьбы известен. Западники, победив на выборах в ВС РСФСР в 1990-м и в противостоянии с «красно-коричневыми» в 1991–1993 годах, утвердились у власти и осуществили свой проект установления в России многопартийной демократии, частной собственности и рынка.

Что определило подобный исход противостояния? По нашему мнению, решающую роль сыграло то, что западники одержали победу в борьбе за поддержку большинства интеллектуальной и правящей элиты. Причем для этого были объективные основания. Дело в том, что западнический проект больше отвечал рациональным интересам элиты, чем патриотический. Интеллектуальной элите он давал свободу творчества и контактов с миром вместо неблагодарного служения «высшим» интересам Родины и народа, которое предлагалось ей «патриотами». Представителям правящей элиты реализация этого проекта сулила возможность стать собственниками, резко увеличить уровень потребления и передать его наследникам вместо нервной работы (а в худшем случае репрессий за коррупцию) под авторитарным руководством будущего патриотического вождя. Элиты, как и всегда в социальной истории, с помощью манипуляции навязали свое мнение большинству народа (часть которого была также объективно заинтересована в победе западнического сценария, но в любом случае принимала решения не в процессе рационального анализа альтернатив, а под влиянием манипуляции со стороны элит). По этой причине провалился путч 1991 года, когда никто, кроме кучки недееспособных чиновников, не стал защищать старую систему ради реализации патриотического проекта.

Утвердившись у власти, новая правящая элита, поддерживаемая получившей свободу самовыражения и определенные социальные преференции творческой элитой, защитила западнический сценарий развития (в том числе во время переизбрания Ельцина в 1996 году и обеспечения передачи власти его «наследнику» — Путину) и может отказаться от него только в случае новой революции, объективных причин для которой нет.

ИММАНЕНТНЫЕ ЭЛИТЫ — ФУНКЦИОНАЛЫ, ДИНАМИСТИКИ, СОЦИАЛЫ

Наряду со статусной иерархией и элитой в обществе можно выделить имманентные иерархии и элиты потенциалов социального статуса. Меньшинство, находящееся на самом верху в иерархии значения каждого потенциала социального статуса, можно обозначить как имманентную элиту этого потенциала.

Все индивиды могут быть разделены на три группы по признаку того, значение какого потенциала социального статуса у них выше. У членов каждой из трех групп место в виртуальной иерархии, построенной на основании значения данного потенциала, выше, чем в двух других иерархиях потенциалов социального статуса. Назовем эти группы индивидов соответственно иерархии, дающей наивысшие значения их потенциалов, *социалами* (с преобладающим социальным потенциалом), *функционалами* (функциональным потенциалом) и *динамистиками* (динамическим потенциалом).

Итак, элита по значению социального потенциала (совпадает с элитой социалов), элита по силе динамического потенциала (совпадает с элитой динамистиков), элита функционального потенциала (совпадает с элитой функционалов).

К элите социалов принадлежат те, кого принято называть наследственной аристократией, то есть отпрыски богатых, образованных, высокопоставленных семей.

К элите динамистиков относятся смелые активные карьеристы и авантюристы, готовые ради достижения своих социальных целей на риски и отдачу ресурсов. Их характеристики в какой-то мере схожи с определением пассионариев у Льва Гумилева. «Пассионарии — особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения» [10]. Это определение можно отнести к динамистикам, если в нем пассионарный импульс поведения, который, по Гумилеву, направлен прежде всего на достижение иллюзорных целей, заменить основным социальным инстинктом, то есть мотивацией индивида к повыше-

нию своего социального статуса. (Следует отметить, что автор в целом не разделяет теорию пассионарности и пассионарного толчка Гумилева.)

К имманентной элите функционалов принадлежат индивиды, наделенные максимальными способностями к осуществлению профессиональной деятельности в высших стратах управления и творческого труда. При изменении требований системы к осуществлению профессиональной деятельности меняется персональный состав элиты функционалов.

Правящая элита обычно включает представителей нескольких или всех имманентных элит потенциалов социального статуса. Вероятность принадлежности членов имманентных элит к статусной (правлящей) зависит от веса соответствующего потенциала социального статуса в данной системе. Методы управления и тип социальной системы напрямую зависят от того, какой потенциал является в данной системе доминантным и соответственно какая из имманентных элит преобладает в правящей элите.

В отличие от статусной элиты, элиты обладателей недоминантных потенциалов в стабильной социальной ситуации внутренне не консолидированны. Их консолидация происходит при превращении в контрэлиты в периоды социальных катаклизмов.

Элита обладателей доминантного для данного общества потенциала в основном совпадает с правящей элитой. Члены элит обладателей потенциалов социального статуса, не имеющих в данном обществе большого веса, чаще всего лишены элитных социальных позиций. Эти элиты — потенциальная основа для образования контрэлиты, борющейся за изменение порядка формирования социальной иерархии. Обладая высокими показателями хотя бы одного из потенциалов социального статуса, члены недоминантных имманентных элит могут рассчитывать на резкое повышение своих позиций при увеличении оценки этого потенциала социальной системой.

Динамистики (элита динамического потенциала) всегда составляют основу контрэлиты и соответственно новой правящей

элиты любого молодого революционного общества. Участие в контрэлите требует высоких социальных амбиций и умения рисковать, поэтому даже те ее участники, которые не принадлежат к элите динамистиков, также должны обладать достаточно высокими показателями динамического потенциала.

Функциональная имманентная элита участвует в контрэлитах только в тех обществах, где значение функционального потенциала ниже, чем социального. В таких обществах профессионалы, в том числе и профессиональные управленцы, противостоят представителям правящей аристократии (революции Нового времени, модернизация традиционных восточных стран).

При фундаментальных социальных переворотах в контрэлите объединяются также индивиды, чей функциональный потенциал не дает элитных позиций в данном обществе, но в случае его переустройства способен дать высокое положение в социуме, образованном на его развалинах. Их функциональный потенциал соответствует требованиям уже будущего, постреволюционного общества. При этом данная часть контрэлиты не совпадает с имманентной элитой функционалов в данном обществе, дабы избежать путаницы, назовем таких функционалов фьючерсными.

В обществах, где правящая элита состоит из имманентной элиты социального потенциала, контрэлита формируется из представителей динамической, функциональной и фьючерсной функциональной имманентных элит. Так было во время всех европейских революций Нового и Новейшего времени, когда контрэлите формировали выдающиеся функционалы — ученые, адвокаты, журналисты и пламенные динамистики — люди без определенных занятий, происходящие из низов общества.

Правящей элите, состоящей из представителей социалов и функционалов, в случае нарушения ее легитимности противостоит контрэлита динамистиков и фьючерсных функционалов. Например, большевистская контрэлита профессиональных революционеров-недоучек против февральской элиты профессоров, предпринимателей и юристов в России

1917 года, нацистская контрэлита маргиналов, психопатов и преступников против правящей элиты профессиональных бюрократов, предпринимателей, аристократов и военных в веймарской Германии (скрытое противостояние продолжалось и после прихода к власти нацистов внутри новой правящей элиты вплоть до покушения на Гитлера в 1944 году), студенческая контрэлита против буржуазно-бюрократической элиты во Франции в мае 1968 года.

Социалы, заинтересованные в сохранении своих социальных привилегий, практически всегда являются консервативной, реакционной силой, ведущей борьбу за сохранение или реставрацию старых, дореволюционных порядков. Контрэлита социалов формируется на основе обладателей, отвергнутых данным обществом социальных характеристик из старой элиты социалов (не путать с новой элитой социалов в данном обществе).

Бывшие обладатели высоких приписанных социальных характеристик объединяются для того, чтобы восстановить старую социальную систему, вернуть прежние социальные привилегии. Данный процесс лежит в основе реставраций, например, во Франции и Англии после великих революций, победы франкистов в гражданской войне в Испании и т. д.

При локальных социальных переворотах, не носящих глобального характера, контрэлита формируется внутри элиты доминантного потенциала социального статуса. Так, в сословном обществе все перевороты происходят внутри элиты социалов (правящей аристократии), причем контрэлитой являются элиты функционалов и динамистиков, обладающих одновременно высокими позициями социального потенциала.

При любом радикальном социальном преобразовании после стабилизации ситуации падает значение динамического потенциала, растет значение нового функционального, а затем и социального потенциала. Из новой элиты удаляются беспокойные и амбициозные динамистики, затем утвердившиеся у власти функционалы начинают обеспечивать своих наследников приписанными характеристиками, повышая значение социального потенциала.

Исторические общества	Тип, преобладающий в правящей элите
Восточные деспотии, раннефеодальная Европа, кастовая Индия	Социалы
Античные Афины классического периода, республиканский Рим	Функционалы
Древняя Спарта, Македония времен Филиппа и Александра, эллинистический мир первого поколения диадохов, императорский Рим	Динамистики
Общества племенной военной демократии (древние кельты, германцы, гунны, монголы)	Динамистики
Империи доколумбовой Америки	Социалы
Классический конфуцианский Китай	Функционалы
Ранний капитализм	Социалы
Ранний СССР, нацистская Германия	Динамистики
Поздний СССР	Функционалы
Большинство современных развивающихся стран Латинской Америки, Азии и Африки	Социалы
Современный Запад	Функционалы
Идеально-рациональное общество	Функционалы (по объективным (идеальным) критериям функционального соответствия)

Зачастую контрэлиты в исторических обществах формируются внутри определенных, чаще всего дискриминируемых социальных или профессиональных групп на основе их динамических и функциональных элит. Например:

- из динамистиков и функционалов (в том числе фьючерсных) внутри социально дискриминируемых групп. Например, третьего сословия во времена великой Французской революции, евреев и социальных маргиналов во время большевистского переворота, в социальных слоях, не принадлежащих к аристократии, во время большинства революций XIX — начала XX века в Европе;
- из динамистиков и функционалов внутри дискриминированных профессиональных групп, чей функциональный потенциал неадекватно низко оценивается системой. Например, в стратах творческого (интеллектуального) труда в процессе разрушения СССР;
- из динамистиков внутри прежней, свергнутой с пьедестала имманентной элиты социалов (по прошлым, преодоленным общественным социальным нормам). Например, во время реставрации после великой Французской и Английской революций.

Виды социальных преобразований

Степень радикальности социальных перемен зависит от того, насколько кардинально меняются требования к потенциалам социального статуса. Перечислим варианты преобразований от менее к более радикальным.

1. Локальное изменение требований к качествам потенциалов социального статуса. Веса потенциалов сохраняются, ограниченно меняются критерии их оценки. Например, изменяется иерархия социальных потенциалов аристократических семей (перемены происходят внутри аристократической элиты: дворцовые перевороты в России, Славная революция в Англии, противостояние карлистов и их конкурентов в Испании и т. п.). В других случаях при смене руководства страны в результате выборов в западных демократиях локально изменяются требования системы к качествам функционального потенциала представителей новой власти (профессионалы приходят на смену популистам, сторонники авторитарного стиля сменяют демократов и т. д.).
2. Изменение профиля иерархии оценки потенциалов социального статуса, ведущее к изменению профиля социальной иерархии элиты и (или) общества в целом. Основные, известные с древности формы правления — автократия, олигархия, демократия — характеризуются прежде всего разным профилем иерархии правящей элиты (то есть профилем распределения позиций социального статуса, прежде всего власти–свободы среди ее членов, от близкого к вертикальному в автократии до более плоского в демократии). Таким образом, изменение профиля иерархии оценки потенциалов социального статуса означает переход данного общества от автократии к демократии, от олигархии к автократии, от демократии к олигархии и прочее. Изменения могут проходить только внутри элиты (например, олигархия сменяет автократию в России после смерти Петра I и Сталина) или затрагивать все общество (демократизация профиля иерархии общества, выравнивание социального положения его членов во время Нового курса в США, реформ социал-демократических правительств в Европе).

2. Нерадикальное изменение веса и требований системы к качествам потенциалов при сохранении доминантного потенциала (происходят перемены внутри элиты, из элиты уходит часть ее членов, в элиту приходит часть контрэлиты). Примеры (в скобках указаны потенциалы, сохраняющиеся в качестве доминантных): реформы Петра I (социальный потенциал) и 1991 год (функциональный потенциал) в России; Германия, 1933 и 1945 (функциональный потенциал) годы; Франция, революции 1834, 1848, 1870 годов (социальный и функциональный потенциал); США после гражданской войны или Англия во времена Кромвеля (социальный и функциональный потенциалы).
3. Радикальное изменение иерархии весов потенциалов, смена доминантного потенциала социального статуса (элита уходит практически в полном составе, ее заменяет контрэлита). Во время наиболее радикальных перемен социальный потенциал сменяют в качестве доминантного функциональный и динамический потенциалы (Франция 1889 года, Россия 1917-го, Китай 1948 года).

Раздел 4. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПОДДЕРЖАНИЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВТОРОГО ТИПА)

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И МАНИПУЛЯЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОГО ТИПА

До этого момента мы рассматривали только основной вид социальных действий — функционально-профессиональную деятельность. Существует и другая важная форма социальной деятельности, направленная на поддержание или изменение существующего социального порядка. Обозначим ее как социальную деятельность второго типа (в противоположность функционально-профессиональной деятельности — деятельности первого типа).

Действия по поддержанию или изменению социального порядка характеризуются определенной общей декларируемой идеальной целью и индивидуальными социальными целями индивидов, в них участвующих. Как и идеальные цели общества, декларируемые цели социальных действий второго типа могут быть рациональными и иррациональными.

Рациональная цель группы участников предполагает, что в результате действия у всех составляющих ее индивидов затраты жизненных и социальных ресурсов будут как минимум эквивалентны полученным первичным ценностям. Рациональность индивидуального поведения каждого конкретного участника действия предполагает оптимизацию его личного баланса затрат и приобретения первичных ценностей.

Коллективные действия, вне зависимости от декларируемой цели, всегда производятся в большей степени в интересах инициаторов (так, как они себе их представляют), то есть представителей элиты и (или) лидера данной группы. Иными

словами, участие в действии элиты группы всегда более рационально, чем действия ее рядовых участников, часто вовлекаемых в него путем манипуляции.

Кроме представителей элиты группы, ее интересами манипулируют так называемые свободные всадники (термин Манкура Олсона. [1]). Не занимая лидирующего положения в группе, они впитывают коллективные усилия других, уклоняясь от соответствующих затрат и рисков. При этом их поведение, так же как и поведение представителей элиты, ближе к рациональному, чем у большинства группы. «Свободные всадники» делают выбор между целями группы и собственными рациональными интересами в пользу последних.

При этом поведение «свободного всадника» требует определенного набора неординарных личных качеств (устойчивость к манипуляции, умение использовать усилия окружающих), и, следовательно, эта категория индивидов всегда составляет меньшинство группы.

Таким образом, разрешается так называемая дилемма свободного всадника, основанная на том, что, с одной стороны, данный актер заинтересован в достижении групповой цели, а с другой — стремится минимизировать свои затраты в ходе коллективной деятельности. «Свободный всадник» может свести к минимуму участие в том или ином действии, даже будучи заинтересован в позитивном его исходе. Причина этого в том, что с большой долей вероятности активное большинство своими усилиями компенсирует образовавшийся в результате действий «свободного всадника» дефицит жизненных ресурсов, затрачиваемых членами группы.

Итак, при осуществлении действий по изменению (сохранению) социальной системы, помимо манипуляции со стороны элиты, возможна и манипуляция группой со стороны индивидов — «свободных всадников». При этом элита может манипулировать группой, не только навязывая ей свои цели, но и предлагая выгодные для себя инструменты их реализации. «Свободным всадникам» доступны только средства не-системной, «бытовой» манипуляции. На практике при совершении социальных действий второго вида интересы всех

участников группы редко бывают рационально согласованы. В этой ситуации рациональными могут быть только действия элиты и «свободных всадников», остальные участники служат объектом манипуляции.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ВОЙН — УКЛОНИСТЫ И НАЧАЛЬНИКИ

Участие представителей славянских народов в Великой Отечественной войне было рационально как групповая цель, так как нацистское завоевание грозило этим народам истреблением и рабством. При этом участие каждого конкретного солдата (в том числе славянина) в войне было нерационально, так как с большой вероятностью могло привести его к потере жизни. Человек, сумевший безболезненно уклониться от участия в войне, таким образом, становился рациональным «свободным всадником», манипулирующим группой, члены которой вопреки собственным рациональным интересам защищали его, так же как и себя, от худших социальных альтернатив. Причем количество таких людей было заведомо ограничено, так как решить сложнейшую социальную задачу уклонения от фронта при условии всеобщей мобилизации могли немногие, особо способные к решению подобных задач люди. Таким образом, их отказ жертвовать собой ради осуществления общей рациональной цели заведомо компенсировался усилиями и жертвами других членов группы. Итак, поведение индивидов, адекватно оценивших свои высокие шансы уклониться от участия в войне, избежав при этом репрессий, было рациональным поведением «свободных всадников», даже в том случае, если они, будучи славянами или евреями, были кровно заинтересованы в победе.

Другая группа рациональных манипуляторов — советская элита. Ее члены, с одной стороны, гораздо меньше рисковала жизнью в ходе войны — процент убитых среди генералов был неизмеримо меньше доли погибших среди солдат (чем выше было положение, тем меньше риск). С другой стороны, представители советской элиты получили максимум социальных предпочтений

от победы (от так называемого трофейного имущества до высокого социального положения в послевоенном советском обществе), тогда как рядовых солдат в большинстве случаев ждала послевоенная нищая барачная жизнь. В силу этих обстоятельств участие в войне представителей элиты было более рационально, чем большинства участников, и носило характер манипуляции ими.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ УЧАСТИЯ ИНДИВИДОВ В ДЕЙСТВИЯХ ВТОРОГО ТИПА

1. Участие в действии по изменению (сохранению) социальной системы является абсолютно рациональным (соответствует задаче удовлетворения всех внутренних мотивов), если:
 - участие в данном действии дает лучший баланс (в том числе и в долгосрочной жизненной перспективе) потраченных жизненных и социальных ресурсов, с одной стороны, и приобретенных первичных ценностей — с другой, чем альтернативные варианты социального поведения;
 - вероятность достижения данного результата близка к 100 %, то есть оценка последствий действия совпадает с его практическим результатом.
2. Участие в действии по изменению (сохранению) социальной системы является относительно рациональным (соответствует задаче удовлетворения только основного социального инстинкта), если:
 - участие в данном действии дает индивиду более высокую оценку потенциалов социального статуса и соответственно более высокую жизненную социальную траекторию, чем альтернативные варианты социального поведения;
 - вероятность достижения этого результата относительно высока (выше, чем при участии в других действиях или при бездействии);
 - участие в действии с большой вероятностью не угрожает потерей невозстановимых жизненных ресурсов (жизни и здоровья).

Примечание. В случае относительной рациональности интересами индивида манипулируют только те участники действия, чье

участие ближе к абсолютно рациональному (если таковые имеются).

3. Участие индивида в социальном действии абсолютно иррационально (не соответствует задаче удовлетворения внутренних мотивов) и заведомо является результатом манипуляции со стороны тех, чье участие в данном действии ближе к рациональному, если:

- существует низкая вероятность достижения абсолютного или относительно рационального результата участия в действии (ниже, чем при участии в других действиях или при бездействии)

или (и)

- существует высокая вероятность потери невозстановимых жизненных ресурсов (жизни и здоровья) в процессе действия.

Примечание. Индивиды, у которых вероятность достижения рационального результата выше, втягивая в социальное действие тех, у кого эта вероятность ниже, манипулируют их выбором.

Участники социальных действий второго типа

Среди участников социальных действий можно выделить следующие подгруппы.

Инициаторы (элита или контрэлита). Рационально (абсолютно или относительно) заинтересованы в совершении действия. Имеют основания рассчитывать, что их нынешний уровень потребления первичных ценностей ниже того, которого они достигнут в результате данного действия. Напрямую манипулируют группой в своих интересах.

«Свободные всадники». Не являясь инициатором действия, рационально заинтересованы в его совершении, так как в силу личных или социальных качеств имеют высокие шансы уклониться от существенных затрат жизненных или социальных ресурсов и при этом условии получить позитивный баланс затраченных и полученных первичных ценностей. Косвенно манипулируют группой в своих интересах.

Привлеченные участники. Рационально не заинтересованы в том, чтобы действие произошло. Определяют, что уровень потребле-

ния первичных ценностей, который они достигнут в случае участия в данном действии, будет выше, чем тот, который ждет их, если они в действии участвовать не будут (в том числе в результате санкций со стороны элиты за отказ от участия). Привлеченные участники могут также втягиваться в действие под воздействием целе- и инструментальной манипуляции со стороны элиты или контрэлиты.

Рациональные участники-неманипуляторы. Не манипулируют другими и сами не подвержены манипуляции. Данный идеально-типический вариант возможен только в процессе рационализации общества при участии в рациональных по целям и форме преобразованиях (об этом см. ниже).

МЕТОДЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕННЫХ УЧАСТНИКОВ

Круг индивидов, которые в результате социальной деятельности второго вида могут рассчитывать на получение позитивного баланса потраченных и приобретенных первичных ценностей, чаще всего очень узок. Как показывает историческая практика, любые социальные катаклизмы (и революции, и консервативная реакция) приводят к временному ухудшению положения большинства неэлитной части общества. В этой ситуации сыграть роль «свободных всадников» и, не напрягаясь, выиграть от изменения или насильственного сохранения социального порядка удастся лишь немногим.

Чаще всего львиную долю предпочтений от социальных перемен делят между собой представители новой элиты, а также те бывшие «свободные всадники», которые благодаря своим социальным и личностным характеристикам со временем попадают в их число. При этом «свободные всадники» впоследствии зачастую замещают в правящей элите инициаторов перемен из бывшей контрэлиты (характерный пример — формирование элиты постсоветской России).

Радикальные насильственные социальные изменения (или борьба с их угрозой) обычно связаны со строгим,

основанным на угрозе репрессий, контролем со стороны элиты или контрэлиты за полноценным участием в них других обществ. В этой ситуации только немногим индивидам удастся гарантированно избежать угрозы существенных потерь жизненных ресурсов и стать «свободными всадниками».

Инициаторы склоняют индивидов к иррациональным действиям не только с помощью репрессий. Для того чтобы контролировать действия большинства, не дать ему выйти из повиновения, одних репрессий недостаточно. Большинство, если не создать у него внутренний настрой на повиновение и следование за меньшинством, не может быть управляемо силой. Насилие, чтобы быть эффективным, всегда сочетается с манипуляцией.

Инициаторы социального действия привлекают к участию в нем других индивидов следующими способами:

- с помощью насилия создается ситуация, когда последствия всех альтернативных вариантов социального поведения оказываются для индивида еще хуже, чем те, которые наступят, если он примет участие в действии, в котором заинтересованы инициаторы. Таким образом, потенциальные участники действия ставятся перед искусственным выбором — между плохим и ужасным, между двумя вариантами иррационального поведения. То есть между участием в действии (например, в войне) и отказом участвовать в нем, ведущим к репрессиям — насильственному лишению жизненных ресурсов. Так, несмотря на иррациональность участия в любой войне, большинство индивидов безропотно идет на бойню, так как общество, по выражению Льва Троцкого, «ставит солдата перед альтернативой возможной смерти впереди и неизбежной смерти позади окопов».

- с помощью создания ложных ценностей, ради которых совершаются данные социальные действия. Созданные ложные ценности не имеют отношения к рациональным мотивам индивидов. Среди них — религиозные, традиционные, патриотические, идеологические ценности и т. д. Крайняя форма результатов такой манипуляции — действия камикад-

зе по поддержанию величия японской империи, террористические акты шахидов, направленные на разрушение обществ, являющихся для них религиозными антагонистами, — США, Израиля или России.

- с помощью создания ложных представлений о результатах, которые ожидают индивида благодаря участию в данном действии. Пример такой манипуляции — «великая американская мечта», являющаяся едва ли не основным фактором поддержания лояльности американского общества к существующей там социальной системе. Даже такой апологетически настроенный к американскому обществу автор, как Збигнев Бжезинский, пишет: «Стремление к личному богатству — сильнейший социальный импульс в американской жизни и основа американского мифа... Число неудачников неизбежно превышает число добившихся успеха, но именно последних пропаганда популяризирует, фокусируя мечты миллионов на заманчивой Америке» [2]. То есть миллионам американцев внушается вера в высокую вероятность выдающегося социального успеха, при том что для большинства из них, не обладающих выдающимися личными и социальными качествами, данная вероятность близка к нулю. Тем не менее большинство американцев, уверенных в том, что существующий порядок способен принести им крупный социальный выигрыш, привлекается к действиям по его поддержанию.

Этот вариант манипуляции также распространен при контрсистемных действиях, когда контрэлита внушает неэлитному большинству, что в результате перемен его жизнь изменится к лучшему (на этом мифе были основаны практически все революции Нового и Новейшего времени).

- с помощью рационального согласования интересов инициаторов действия и его привлеченных участников. При этом следует учитывать, что рациональное согласование интересов членов группы — идеально-типическая модель, в чистом виде нереализуемая, можно говорить только о движении к ней (см. подраздел «Рациональность формы проведения социальных преобразований»).

ВИДЫ ДЕЙСТВИЙ ВТОРОГО ТИПА И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Социальные действия второго типа по их результату можно разделить на ведущие к перераспределению первичных ценностей и позиций социального статуса в обществе в пользу:

- правящей элиты — действия по поддержанию социального порядка;
- отдельных социальных групп — действия по локальному изменению социального порядка;
- контрэлиты — действия по радикальному изменению социального порядка.

Действия по поддержанию социального порядка

Любая социальная система требует от индивидов действий, направленных на поддержание ее существования. Индивид платит налоги, участвует в выборах, служит в армии — то есть осуществляет так называемые гражданские обязанности. При этом, чем бы ни объяснял сам индивид цель своих действий — «долгом перед Родиной» или «патриотическим рвением» — подлинный их смысл в поддержании существующей социальной системы. Только в случае, если возможное изменение существующего социального порядка противоречит подлинным интересам индивида, у него может быть рациональная мотивация выполнять свой «гражданский долг».

То есть для индивида рационально поддерживать своими действиями только тот порядок, который дает ему наиболее полную возможность потреблять первичные ценности по сравнению со всеми возможными на данном этапе развития общества альтернативами. Все остальные мотивации к гражданской лояльности основаны на манипуляции или угрозе социальных репрессий и насилия со стороны государства.

Любые социальные перемены могут быть опасны прежде всего для элиты, ей есть что терять в отличие от непривилегированных граждан, которым, по меткому выражению Маркса, нечего терять, кроме своих цепей. Таким образом, деятель-

ность по поддержанию существующего порядка рациональна прежде всего для правящей элиты, в наибольшей степени пользующейся теми преимуществами, которые дает существующий в обществе порядок распределения первичных ценностей.

Поддержание социального порядка является для правящей элиты и страт управления функциональной деятельностью. Для остальной части общества это обязанности второго типа по сравнению с первым — функционально-профессиональной деятельностью.

Так как большинство индивидов рационально не заинтересовано выполнять свои обязанности, элита мотивирует их сочетанием насилия и манипуляции. В результате происходит манипулятивный обмен первичными ценностями между правящей элитой и обществом. Общество отдает свои жизненные и социальные ресурсы, получая взамен усилия элиты по организации поддержания существующего социального порядка, невыгодного значительной части общества. Только в случае, если элита поддерживает порядок, наиболее рациональный для данного уровня развития, ее деятельность перестает носить манипулятивный характер (об этих редких в истории случаях было написано выше).

Элита ставит индивидов в условия, когда отказ от действий по поддержанию социальной системы становится иррациональным, так как ведет к государственным репрессиям по отношению к отказавшемуся. Пассивный отказ от выполнения действий по поддержке социальной системы не может дать индивиду существенных социальных преференций. Напротив, отказ от таких повинностей, как налоговое бремя или обязательная военная служба, может повлечь за собой репрессии и потребовать от индивида потери еще больших ценностей. Отказ от повинностей рационален только относительно отдельных гражданских обязанностей, неисполнение которых не карается репрессиями со стороны государства. Например, сегодня большинству рядовых избирателей демократических стран рационально не участвовать в выборах, так как исход этих выборов в подавляющем большинстве случаев никак не влияет на жизнь избирателей. Однако при этом

участие в них требует отдачи, пусть минимальных жизненных ресурсов (время и усилия, затраченные на приход на участок и голосование) политикам, действительно социально заинтересованным в результатах выборов.

· ЛОКАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ИЗМЕНЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Действия, направленные на локальное перераспределение первичных ценностей и позиций социального статуса в пользу тех или иных гендерных, социальных, национальных и профессионально-функциональных групп, не преследуют цели радикального изменения социальной системы и смены правящей элиты. Более того, в условиях современной представительной демократии перманентный процесс локального перераспределения — важнейшее условие нормального функционирования социальной системы. Для осуществления этих действий работают различные социальные институты современного общества. Среди них — профсоюзы, ассоциации потребителей и предпринимателей, организации различных меньшинств, женские организации, политические партии и т. д. Задача этих организаций — повысить оценку общества определенных групп индивидов, сделать для них более выгодным социальный обмен.

Профсоюзы, организации предпринимателей, национальные и женские организации, союзы всевозможных меньшинств добиваются повышения общественной оценки соответствующих характеристик социальных потенциалов данной группы, данного пола, данного меньшинства, данной национальности. Отраслевые и профессиональные ассоциации радеют за социальные интересы соответствующей страты рода деятельности в целом или ее отдельных сегментов, то есть за повышение оценки обществом значения соответствующей профессиональной специфики функционального потенциала их членов. Ассоциации потребителей и производителей помогают индивидам в социальной роли потребителей или производителей избегать манипуляции в ходе процесса социального обмена.

Современные политические партии на Западе лоббируют интересы целого набора социальных, национальных, культурных, профессиональных, экономических групп, в том числе и вышеперечисленных. О том, что современные партии и политическая система в целом становятся заложниками интересов организованных меньшинств, которые благодаря своей организованности в значительной мере определяют исход выборов, сказано немало. Хотелось бы отметить другое: их деятельность, преследуя цели локального социального перераспределения, на практике поддерживает легитимность существующей социальной системы и правящей элиты. Зачастую политические партии добиваются перераспределения первичных ценностей в пользу отдельных организованных меньшинств в обмен на гарантии неизблемости системного перераспределения в пользу правящей элиты. В результате выигрывают меньшинства и элита и проигрывает большая часть общества.

Борьба за перераспределение в пользу социальных групп может предполагать манипуляцию обществом или, наоборот, борьбу с манипуляцией со стороны общества относительно данной приоритетной группы. Это зависит от того, насколько рациональна оценка социумом данной группы. Если цель — более рациональная, недискриминационная оценка группы социумом, более эквивалентный обмен между группой и обществом, тогда деятельность рациональна и для группы, и для общества. Если действия направлены на утверждение или сохранение иррациональных привилегий, на сохранение манипулятивных возможностей группы, тогда деятельность рациональна для группы, но носит характер манипуляции для общества.

На уровне каждого социального института можно выделить идеальные декларируемые цели защиты интересов тех или иных приоритетных групп и социальные цели бюрократии данного института. Любая организация порождает бюрократию, которая манипулирует рядовыми участниками движения. Соотношение идеального и социального в ее деятельности динамично и зависит от внешних и внутренних субъективных факторов.

ДЕЙСТВИЯ ПО РАДИКАЛЬНОМУ ИЗМЕНЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Рациональная цель действий индивида по радикальному изменению социального порядка — повышение жизненной социальной траектории по отношению к той, которая прогнозируется в существующей социальной системе исходя из существующей оценки его потенциалов социального статуса. Позитивное изменение социальной траектории индивида может произойти в результате реорганизации социальной системы, ведущей к повышению оценки его потенциалов.

Причина любых социальных преобразований — в стремлении индивидов полнее реализовать свой социальный инстинкт.

Индивиды зачастую сталкиваются с невозможностью реализовать в данном обществе свои социальные амбиции или с тем, что решение этой задачи требует неприемлемого для них объема расходуемых жизненных ресурсов. Иными словами, с тем, что данная система в силу специфики оценки личных и социальных характеристик (потенциалов социального статуса) не может дать данному индивиду чаемые перспективы. В таком случае индивиду остаются два варианта решения задачи: первый — смена страны проживания; второй — изменение социальной системы в стране.

Эмиграция далеко не всегда возможна и социально перспективна. «Если система не может оценить меня по достоинству, я изменю систему», — говорит амбициозный индивид и начинает работать на изменение существующего устройства общества. В этом выборе индивидов — единственное рациональное объяснение всех контрсистемных революционных и социально-протестных действий, какими бы красивыми словами и идеями они ни прикрывались.

Естественно, так поступают не все и не при любых обстоятельствах. Для того чтобы индивид начал бороться с системой в силу общей рациональной природы человеческого поведения, у него должна быть определенная, реальная или

внушенная манипуляцией надежда на реальность решения поставленной задачи.

В центре любых серьезных антисистемных движений стоит контрэлита, которая 1) сама верит в возможность успеха и 2) внушает эту уверенность массам. У среднего, ничем не выдающегося человека нет возможности даже в случае социальных изменений радикально и надолго повысить свой социальный статус. Это может произойти только в случае редкой социальной случайности, а, как мы уже писали, результаты подобных случайностей постепенно нивелируются. Напротив, участие в социальных переворотах часто требует даже от рядовых участников серьезного риска и траты жизненных ресурсов. Поэтому большинство рядовых участников процесса находится под воздействием социальной манипуляции.

Ее источник — контрэлита, члены которой действуют исходя из относительно рациональных соображений и поэтому имеют реальные возможности радикально, позитивно изменить свою социальную участь. Поэтому контрэлита формируется из представителей имманентных элит — обладателей высоких значений определенных потенциалов социального статуса, не включенных в правящую верхушку, которые в силу этого обстоятельства имеют шансы в случае перемены системы стать членами статусной элиты.

Контрэлита ориентируется на организацию социальной системы, дающую более высокие значения потенциалам социального статуса ее членов. Привлеченные участники социальных переворотов могут также быть заинтересованы в планируемом изменении системы, но в отличие от контрэлиты и «свободных всадников» вынуждены платить слишком высокую цену за свои ограниченные социальные достижения.

Например, во время утверждения власти большевиков в России жертвами манипуляции явились не только участники тех групп (часть дворян или казаков, которая поддерживала большевиков), которые заведомо не могли выиграть от новой социальной реальности. Большая часть индивидов (рабочие, бедные крестьяне или евреи), чей социальный потенциал в результате Октябрьского переворота вырос, также стали

объектом манипуляции. Только меньшинство из них, члены которого принадлежали к имманентной элите динамического и функционального (по новым требованиям большевистского общества) потенциала, смогло войти в новую правящую элиту и хотя бы на время резко улучшить свое социальное положение. Большинство представителей этих групп выиграло от нового строя ничтожно мало по сравнению с теми лишениями, которые требовала от них социальная деятельность по его утверждению.

Представители контрэлиты, так же как и привлеченные ими участники, в реальности не могут полностью адекватно оценить последствия своих действий для себя. Для точности такого анализа не может быть необходимой полноты информации. В условиях неполноты информации представления о последствиях действий могут основываться только на приблизительной оценке шансов на тот или иной исход ситуации.

У членов контрэлиты (состоящей из соответствующих имманентных элит потенциалов социального статуса) существуют реальные шансы на социальный выигрыш (то есть их действия относительно рациональны). Напротив, у других участников такие шансы крайне низки, соответственно они являются объектом манипуляции со стороны контрэлиты.

Известно, что члены антимоноархической контрэлиты революций 1917 года — лидеры эсеров, меньшевиков, кадетов — в подавляющем большинстве ничего не выиграли от революции и кончили эмиграцией или тюрьмой при большевиках. Их расчеты на социальное продвижение в силу неблагоприятного развития политических событий не реализовались. Однако у них, безусловно, были определенные шансы повернуть Россию на западноевропейский демократический путь развития и стать ее правящей элитой. У рядовых революционеров и оппозиционеров (обладателей низких значений потенциалов социального статуса) в принципе не было перспектив существенного социального роста.

Другой пример — победившая большевистская контрэлита. Большая ее часть тоже была обманута в своих ожиданиях (сознательных или неосознанных) на пожизненное пребывание у руля

страны. Все же на протяжении достаточно длительного периода времени (для одних — до конца 20-х, для других — до конца 30-х годов) их социальная траектория шла по восходящей. Напротив, у большинства красноармейцев и партактивистов, которые не принадлежали к имманентным элитам, но не меньше, чем большевистские вожди, рисковали жизнью и вкладывали свои жизненные ресурсы в общую победу, шанс хотя бы на временный существенный социальный выигрыш от революционных событий был крайне незначительным.

Таким образом, участие контрэлит (инициаторов) в действиях по радикальному изменению социального порядка практически всегда хотя бы относительно рационально и сопряжено с манипуляцией привлеченными участниками, к которым относится значительная часть общества.

Действия по радикальному изменению общественного порядка чаще всего связаны с низкой оценкой социального потенциала индивидов системой. Поэтому они чаще всего происходят в обществах, где социальный потенциал являлся доминантным. В обществах с высоким значением динамического потенциала его обладатели (которые вообще наиболее склонны к подобным действиям) имеют объективные основания рассчитывать на высокую социальную оценку. В обществах с высоким значением функционального потенциала индивиды могут строить иллюзии, что, получив образование, развив свои способности, они получают возможности реализовать социальные амбиции. В обществах с высоким значением фактора случайности индивиды могут надеяться на социальное везение. В консервативных обществах с определяющим значением наследственных социальных характеристик (социального потенциала) таких надежд быть не может. Дискриминируемый индивид в таких обществах знает, что социальные характеристики, доставшиеся ему от рождения, будут всю жизнь, как кандалы на ногах каторжника, препятствовать его социальному продвижению. Если человек родился евреем в царской России, или крестьянином в феодальной Европе, или рабом в Риме, единственная надежда на быстрое повышение социального статуса — революция, именно при таких

обстоятельствах индивиды готовы рисковать своими жизнями, участвуя в социальном насилии.

Таким образом, социально депривированные индивиды, лишенные обществом позитивных жизненных перспектив, являются наиболее удобным объектом для манипуляции со стороны контрэлит. В тех обществах, где такие индивиды составляют большинство населения, социальные потрясения неизбежны. Наоборот, в обществах, где социальный потенциал не определяет судьбу индивидов, человеческие ресурсы для действий по радикальному изменению системы недостаточны. Индивиды с помощью манипуляции со стороны элит (см. рассуждения Бжезинского о великой американской мечте) в большинстве своем сохраняют надежду на достижение успеха в рамках существующей системы и не готовы расходовать свои жизненные ресурсы для ее изменения. Этим надеждам трудно противопоставить убеждения контрэлиты.

Данная ситуация объясняет то, что контрсистемные мыслители последние полвека постоянно ищут социальные слои, способные стать новой революционной силой в обществе. Понятно, что пролетариат недостаточно дискриминируем обществом для того, чтобы стать революционной силой. Поэтому радикальные авторы, такие, как Маркузе, Фанон, Дебре и другие, ищут «подлинно революционную силу» среди разного рода маргинальных групп, безработных, студентов, расовых и национальных меньшинств, эмигрантов, «внешнего пролетариата в странах третьего мира и т. д. Однако в современном обществе и эти группы не настолько дискриминируемы, чтобы активно добиваться социальных перемен.

Отсутствие критической массы социально депривированных людей в значительной степени объясняет прекращение радикальных социальных изменений и массового политического насилия в современных развитых странах, после того как социальный потенциал перестал там быть доминантным (после крушения сословного устройства общества в XVIII — начале XX века).

Раздел 5. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ МАНИПУЛЯЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

СУЩНОСТЬ МАНИПУЛЯЦИИ

Причина нарушения естественной рациональности индивидов, возникновения иррационального социального обмена между ними — манипуляция одних индивидов другими.

Существует большое число определений манипуляции: «скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого» (Р. Гудин), «обманное косвенное воздействие в интересах манипуляторов» (О. Т. Йокояма), «побуждение поведения посредством обмана или игрой на предполагаемых слабостях другого», (Дж. Рудинов), «скрытое влияние на совершение выбора» (Л. Прото), «такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать» (У. Рикер), «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, установок, поведения» (Г. Шиллер), «управление и контроль, эксплуатация другого, использование в качестве объектов, вещей» (Э. Шостром) [1].

Как видим, в большинстве этих определений акцент делается на способы, технику манипуляций, а не на ее социальную суть. По нашему мнению, при множестве форм, психологических техник, институциональных основ манипуляция имеет один социальный результат. Этот результат — обеспечение иррационального социального выбора манипулируемого, его согласия (принятия им в качестве естественного или допустимого) на социальный обмен, невыгодный ему, но выгодный манипулятору (манипуляторам). То есть следствием манипуляции являются: манипулятивный социальный обмен между индивидами, основанный на нем иррациональная система распределения первичных ценностей в обществе и обеспечивающие ее социальные институты.

В основе конкуренции партий, фирм, товаров лежит соперничество между людьми. Выбирая товары или услуги, в том числе политиков (десакрализация и десимволизация их деятельности ведет к ее пониманию как одного из видов услуг на рынке), а также мнимые услуги священников или мошенников, потребители руководствуются своими представлениями об их полезности для себя. Как следствие этого, в обществе формируется представление о ценности деятельности тех индивидов, которые производят эти товары и услуги. В результате формируется иерархия стоимости тех или иных действий на рынке труда, а в более широком плане — социальная иерархия индивидов, позиции в которой распределяются в соответствии с представлениями о ценности деятельности индивидов (или самого факта их существования) для общества. Эта конструкция скрепляется государственным насилием, придающим ей устойчивость.

Как было отмечено выше, рациональное понимание индивидами своих интересов привело бы к такому положению дел, при котором социальная деятельность, в том числе по производству услуг (товаров), обменивалась бы на позиции социального статуса пропорционально ее ценности для удовлетворения рациональных потребностей индивидов. К такому положению дел ведет свободная конкуренция рациональных индивидов. Индивиды, рационально оценивая полезность результатов социальной деятельности других индивидов, сформировали бы рациональное общество, в котором место и функции индивидов определяются в соответствии с этим критерием оценки.

Рационально-согласованное распределение — идеально-типическая модель, от которой реальные общественные отношения удалены в большей или меньшей степени. В этой модели нет места манипуляции, использованию одних индивидов другими, то есть неэквивалентному социальному обмену, предполагающему, что доля одних индивидов в получаемых первичных ценностях меньше, а других — больше, чем значение затраченных ими жизненных ресурсов для воспроизводства этих ценностей. В реальных социальных системах всегда происходит использование индивидов и их групп

путем манипулятивного и (или) насильственного принуждения к заведомо невыгодному варианту выбора социального поведения, в том числе к согласию на социальный порядок, при котором их интересы априори ущемлены.

Коллективная социальная деятельность в исторических обществах зачастую предполагает такой вариант согласования интересов, который кому-то заведомо невыгоден, а кому-то, наоборот, заведомо выгоден. Человек изначально рационален, он склонен из всех имеющихся вариантов выбрать наиболее выгодный для себя. Поэтому индивид не может сознательно совершать действия или отказываться от их совершения, имея более выгодные альтернативы социального поведения. Почему же на практике индивиды постоянно делают иррациональный выбор, поддерживают паразитические, мешающие развитию социальные институты, позволяют жуликам и авантюристам эксплуатировать себя, покупают заведомо бесполезные товары и т. д. и т. п.?

К мотивам автоматически не прилагается знание о том, как их наилучшим образом реализовывать. Для этого в сознании всех индивидов должна существовать адекватная картина мира. Создание такой картины — цель всемирного творческого процесса. Человечество перманентно приближается к ней, однако этот ускользающий идеал априори недостижим.

Манипуляция возможна только за счет непонимания, недостаточно адекватного осознания индивидами их собственных рациональных интересов, внутренних мотивов и путей их реализации. Это незнание дает одним индивидам возможность использовать других с помощью манипуляции, создания иллюзорных целей и фиктивных методов их достижения. Иными словами, манипуляция понуждает индивидов делать выбор, невыгодный им, но выгодный манипуляторам.

Так как картина мира неполна, ее пробелы можно произвольно зарисовать, фальсифицировать. Индивид-манипулятор, движимый основным социальным инстинктом, не может пройти мимо возможности получить более выгодный для себя вариант распределения, причем делает он это порой неосознанно. В результате появляется искаженная картина реально-

сти, в которой создаются мнимые цели, ложные пути к реализации подлинных мотивов. Создавая или поддерживая веру индивидов в фальсифицированную картину мира, манипуляторы для того, чтобы претендовать на рационально необоснованную долю социальных предпочтений, отводят себе в ней принципиально важную роль. Манипулируемые принимают такую картину реальности, в результате происходит отчуждение их от их собственных мотивов, перенос социальной активности на иллюзорные цели. Точным образом манипулируемые дают использовать свои жизненные и социальные ресурсы для получения манипуляторами первичных ценностей.

Цель манипуляции состоит в том, чтобы побудить индивида сделать иррациональный выбор, согласиться на использование. Купи мои акции, и ты станешь богатым, говорит организатор финансовой пирамиды; помогай церкви и будешь счастлив в раю, вещает священник; проголосуй за меня, и я сделаю твою жизнь лучше, объясняет политик; жуй «Орбит», и твои зубы будут здоровы, твердит реклама. Все эти, на первый взгляд разные действия являются типичными примерами манипуляции с целью использования.

Любые социальные цели, выходящие за пределы мотива обладания первичными ценностями, с рациональной точки зрения мнимы, они реальны только как инструмент манипуляции. Признание иррациональных целей дает возможность для вольной трактовки интересов индивидов, создания множества мнимых ценностей и интересов (т. е. ложных сущностей, см. принцип бритвы Оккама). Как показывает историческая практика, подобная трактовка зачастую придает легитимность действиям, направленным против естественных базовых потребностей индивидов, в том числе самого их физического существования.

Вне рациональной парадигмы родилась и такая замечательная доктрина, как христианский гуманизм. Однако признание надрациональных целей часто приводит уверовавших в них к абсолютно противоположным выводам. Только в картинах мира, где помимо реальных, простых и понятных жизненных интересов индивидов существуют и другие, более

важные сакральные цели, может быть велик подвиг шахидов и камикадзе, почетен труд чекистов и эсэсовцев, прекрасен огонь священного джихада или пламя аутодафе.

Рациональный взгляд на мир жестко структурирует действия, отсекая все, что не соответствует рациональным интересам индивидов. Рациональная картина мира не оставляет места для иррациональных целей и действий, направленных против интересов человека. Наоборот, любые идеологические конструкции, находящиеся вне рациональной картины мира, дают простор для произвольного формулирования иррациональных целей и в экстремальном варианте ведут к человеконенавистническим действиям.

Помимо *цели-манипуляции* — создания иррациональных целей, существует и другой вид манипуляции, задача которой — формирование неверного представления о способе достижения вполне рациональных целей. Назовем его *средство-манипуляция*. Пример цели-манипуляции — религия — создает иррациональную цель исполнения сакральных предписаний. Реклама же зачастую, наоборот, является средством-манипуляцией и создает иллюзию достижения вполне рациональных потребительских целей через иррациональные, не ведущие к их достижению действия (например, достичь белизны зубов или приобрести уверенность в себе с помощью жевательной резинки).

Манипуляция часто подкрепляется насилием или его угрозой. Однако насилие — вторичный по отношению к манипуляции инструмент использования. Манипуляция как социальный инструмент может существовать без насилия, насилие без манипуляции — никогда. Использование, основанное по преимуществу на насилии, возможно только для небольших групп небольшое время, при этом оно всегда сдабривается хотя бы малой толикой манипуляции (даже для рабов в Риме или заключенных концлагерей). С прекращением манипуляции насильственное использование приводит к насильственному же отторжению использования (осуществлению рационального выбора используемых).

Чем выше степень использования, тем сложнее обходиться только манипуляцией, тем выше роль насилия. Если манипуляция перестает работать, насилие сталкивается со встречным насилием со стороны используемых — и система рушится.

ИНСТИТУТЫ МАНИПУЛЯЦИИ

Манипуляция возникла вместе с социальными отношениями в первобытном обществе как частный обман (иногда неосознанный) одних индивидов другими.

Предмет манипуляции — представления о том, что представляют собой подлинные интересы индивидов и как их наилучшим образом реализовать. Первые шаманы, маги, колдуны обещали дождь или успешную охоту. Если им везло и обстоятельства складывались благоприятным образом, шаманы принимались первобытным племенем на «повышенное довольствие», если нет — расставались с жизнью. Для того чтобы поставить обман на поток, требовались сакральные символы, атрибуты, обряды. Появилось тайное внутрикорпоративное знание о том, как их использовать для манипуляции. Инструменты обмана, ставшие институтами манипуляции, передавались из поколения в поколение, усложнялись и совершенствовались.

Первобытный человек, впервые заявивший соплеменникам, что их жизнь зависит от его общения с духами, Моисей, Христос, Мохаммед, ваш знакомый раввин или Папа Римский — звенья одной цепи, представляющие разные уровни развития и разный масштаб институтов манипуляции. Став частью социального мира, институты манипуляции начали жить собственной жизнью, не зависимой от их первоначального источника. В форме сложных идеологических, религиозных конструкций и социальных инструментов они сделались достоянием многих поколений манипуляторов.

Наиболее древняя и все еще распространенная форма манипуляции — религия сыграла огромную роль в становлении всех исторических обществ. Данная работа не ставит своей задачей пропаганду атеизма или ведение дискуссии о возможности существования сверхъестественных сил. Всем интересующимся данной проблематикой рекомендуем ознакомиться с блестящими публицистическими работами нобелевского лауреата по физике академика Виталия Гинзбурга и другими материалами, опубликованными на сайте www.atheism.ru. Мы ограничимся только одной цитатой из очень интересной полемики известного советского диссидента и ученого Крониды Любарского с отцом Сергеем Желудковым, в которой ученый раскрывает азы естественно-научного, атеистического мировоззрения в противоположность навязываемых ему священником позиций агностика:

«Со средневековья, со времени становления современной науки, ученые всех веков и народов в своей деятельности руководствуются принципом, известным под названием: бритва, или лезвие, Оккама. Он гласит: сущности не должны умножаться беспредельно. В расшифровке это означает — если факты не принуждают меня признать наличие некоей новой сущности, я не должен вводить ее в свои построения. В противном случае, если я без оснований ввожу в свои построения сущность А, то почему бы мне не ввести и сущности В, С, D и так далее до бесконечности. Есть ли у меня основание вводить в мою концепцию Мира сущность „Бог“? Таких оснований у меня нет... Вы предлагаете мне „остановиться перед тайной“, сказать „не знаю“. Верно. Действительно „не знаю“, ибо, с точки зрения ученого, не наблюдаю в Мире никаких проявлений Творца. Это не отрицает Творца, но и не доказывает Его существования. Но — внимание! — с той же степенью уверенности я могу сказать, что существует также и Икс, Игрек, Зет, и любая другая сущность, для которой у нас нет даже названия. Я действительно не знаю, существует ли Икс или Зет, но и не отрицаю их. Если агностик последователен, то он должен наравне с Творцом допустить и Икс, Игрек и Зет. (Вы спросите: что это такое? Не знаю, отвечу я, нечто

мне неизвестное. Может быть, оно тоже есть.) Вряд ли вас устроит такое „незнание“. Кто доказывает слишком многое, тот не доказывает ничего, гласит поговорка. Кто допускает существование слишком многого, тот не допускает ничего. Именно против такого беспредельного умножения сущностей и направлено лезвие Оккама» [2].

Проще говоря, допуская существование бога, не имеющее естественно-научных доказательств, мы должны также допустить существование снежного человека, летающих тарелок, маленьких синих человечков, хоббитов или кентавров. Напротив, оставаясь на рациональных позициях, мы отказываемся допускать или тем более признавать любые сущности и явления, не доказанные существующей на сегодняшний момент общепризнанной или, если хотите, официальной (в противоположность маргинальным лжеученым типа Нюсовского и Фоменко) наукой.

С этой точки зрения рассмотрим некоторые аспекты социальной роли религии как важнейшего института манипуляции.

Признание высших сил означает признание права одних людей выступать от имени и трактовать волю этих сил, побуждая других людей поступать вопреки своим рациональным интересам, то есть становиться объектом манипуляции. Эта манипуляция может восприниматься манипулируемыми, не осознающими свои рациональные интересы как благо. Индивид, подвергшийся манипуляции, может быть счастлив в своем заблуждении. Но это счастье дебила, эрзац-счастье, блаженный идиотизм. Человек может согласиться на него только в отсутствии альтернативы в виде реального удовлетворения от достижения осознанных рациональных целей. Кроме того, такое иллюзорное счастье, как и кайф наркомана, не может дать полного удовлетворения, за ним часто приходит разочарование, а с ним «похмелье».

С точки зрения морали религиозное влияние вопреки расхожему мнению чаще всего не имеет позитивного значения. Даже самые благие моральные религиозные предписания служат инструментом манипуляции. На практике одни люди (назовем их первыми) провозглашают некие моральные пра-

вила. Затем находятся те, кто этим правилам следуют (вторые), появляются и другие люди, которые этими правилами пренебрегают (третьи). Те, кто не связал себя моральными предписаниями (третьи), ставятся в заведомо более выгодное положение в конкурентной социальной борьбе по сравнению с теми, кто их соблюдает (вторыми). Таким образом, на практике третьи при посредничестве первых получают возможность манипулировать вторыми. Жизнеспособные правила общественного поведения могут быть основаны только на рациональном расчете, выгоде индивидов, любые сакрально обоснованные запреты и предписания неизбежно становятся лицемерным инструментом манипуляции.

Религия как главный институт идеологической манипуляции в западном обществе просуществовала до великих революций Нового времени. Затем большое значение приобрели нерелигиозные идеологические конструкции — патриотизм, национализм, либерализм, коммунизм. В дальневосточных обществах Китая и Японии традиционным инструментом идеологической манипуляции являлись гражданские квазирелигии (в форме конфуцианства, легизма или культа императора).

Развитие рыночной экономики создало набор институтов манипуляции с новой функцией — определять потребительское поведение индивидов. К этим институтам относятся реклама, маркетинг, брендинг, мерчендайзинг, пиар, корпоративная культура и т. д. Характерно, что эти экономические инструменты в последнее время приобретают характер квазирелигии с собственными пророками (типа Карнеги, Ли Якокки, Форда, Билла Гейтса и др.), священными книгами (см. книги «пророков»), обрядами (принятыми в корпоративной культуре) и главным идеологическим культом — денег и финансового успеха. Таким образом, проявляется генетическое родство всех инструментов манипуляции, будь то традиционные религии или новомодные инструменты ведения бизнеса.

Частная собственность на средства производства — базисный институт социальной манипуляции в современном обществе. Тем не менее деятельность каждого конкретного предпринимателя не всегда манипулятивна, то есть не все-

гда ведет к неэквивалентному социальному обмену. Когда предприниматель выступает в качестве эффективного менеджера, изобретателя, новатора или прогрессивного инвестора (вкладывает средства в ту или иную сферу экономики, обеспечивая ее эффективное развитие), получаемые им преференции можно обозначить как оценку его деятельности по идеальной мотивации. Однако это обстоятельство не отменяет манипулятивной сущности самого института частной собственности. Ведь возможность выполнять свои крайне важные функции экономического управления предприниматель получает чаще всего или по наследству, то есть без всякой связи со своими способностями, или в результате своего социального соответствия требованиям системы (алчности, авантюризма, таланта манипулятора). В силу этого, несмотря на известные редкие исключения (Генри Форд, Томас Эдисон, тот же Бил Гейтс), предприниматели в подавляющем большинстве случаев осуществляют свои функции экономического управления с точки зрения их идеальной мотивации (интересов общества) хуже, чем это сделали бы другие индивиды, более способные к осуществлению этих функций, но лишенные доступа к данному социальному институту. Таким образом, в большинстве своем предприниматели, получая рационально неоправданные социальные преференции, манипулируют обществом в процессе неэквивалентного социального обмена, обусловленного существованием манипулятивного института частной собственности.

О манипулятивном перерождении современных политических институтов, таких, как многопартийность, парламентаризм и т. д., подробно рассказано в следующих разделах исследования.

За религиями, идеологиями, политическими и экономическими манипулятивными институтами стоят социальные интересы элитных групп. Институты манипуляции (даже иррациональные по идеологии) не отменяют социальный инстинкт, а распределяют возможности его реализации в пользу статусной элиты.

Виды институтов манипуляции	Примеры современных институтов манипуляции	Функции институтов манипуляции
Идеологические инструменты манипуляции	Религии, иррациональные и мниморациональные идеологии (национализм, патриотизм, рыночный фундаментализм, коммунизм и т. п.), реклама, маркетинг, PR, брендинг и т. д.	Управление сознанием в интересах манипуляторов
Приписанные социальные характеристики	Частная собственность на средства производства (в том числе ценные бумаги, банковские счета и т. п.), принадлежность к определенному типу поселения, социальное происхождение, унаследованные социальные связи и т. д.	Манипулятивный обмен первичными ценностями в интересах обладателей этих характеристик
Социально-экономические и общественно-политические институты, отстающие от уровня рациональности, возможного на данном этапе развития творческого процесса	Частная собственность на средства производства, политические институты современной представительной демократии, фондовые рынки, рынки валют и т. д.	Манипулирование обществом со стороны правящей элиты, в интересах которой эти институты работают

СИСТЕМНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ

Обозначим манипуляцию обществом со стороны элиты как системную манипуляцию. В основе власти и привилегий элиты лежит манипуляция идеальными целями общества. Идеальные цели дают ответ на вопрос, зачем нужен данный порядок формирования социальной иерархии, легитимируют его. С ними связаны представления о необходимых инструментах формирования социальной иерархии, которые должны поддерживать этот порядок. Для достижения этих целей или его имитации создаются институты власти, такие, как органы государственного управления, армия, полиция. Используя идеальные цели как инструмент манипуляции, принуждающий общество к согласию на поддержание данно-

го социального порядка, правящая элита гарантирует себе возможность использовать его членов для реализации собственных социальных мотивов. Системная манипуляция прекращает работать только тогда, когда общество начинает понимать, что декларируемые идеальные цели не есть для него благо или что правящая элита не способна их достигать.

Степень интенсивности системной манипуляции (и соответствующего использования элитой неэлитной части общества) прямо пропорциональна тому, насколько цели поддержания или реформирования существующего порядка далеки от рациональных целей членов общества. Чем более рационален социальный порядок, предлагаемый элитой обществу, тем рациональнее идеальные цели этого общества, то есть ее объяснения того, зачем нужен этот порядок. Абсолютно нерациональный порядок соответствует абсолютно нерациональным объяснениям (религиозным, мистическим). Более рациональный порядок дает более рациональные объяснения (например, защита национальных интересов государства). Идеальные цели общества рационализируются в соответствии с развитием творческого процесса.

Абсолютная и относительная системная манипуляция

Любые неидеально-рациональные социальные системы создают условия для использования элитой основной массы населения и потому имеют манипулятивный характер. Тем не менее можно говорить *об абсолютно и относительно манипулятивных социальных институтах.*

Социальные институты, чья рациональность адекватна данному уровню развития творческого процесса, следует называть *относительно манипулятивными.*

Институты системной манипуляции в начальный период своего развития могут быть относительно манипулятивными и даже воздействовать на общество в направлении его рационализации. Цивилизация в принципе возникла под влиянием появления сложных инструментов манипуляции, которыми стали первые социальные системы (Древнего Египта и Меж-

дуречья). Хотя причиной их возникновения было стремление правящих групп закрепить власть и привилегии с помощью новых, более эффективных манипулятивных инструментов (правовых, управленческих, религиозно-идеологических). На практике появление этих сложных институтов стало шагом вперед по сравнению с первобытным хаосом и способствовало тогда рационализации общества. Так, социальные системы, стоявшие у истоков цивилизации, диалектически сочетали противоположные манипулятивное и рационализаторское начала. Затем эти системы, отстав от развития творческого процесса, которому они в свое время придали ускорение, потеряли рационализаторский потенциал и стали инструментами *абсолютной манипуляции*.

Такова судьба практически всех относительно манипулятивных социальных институтов.

В разное время относительно манипулятивными, способствующими рационализации общества были идеологии протестантизма, просвещения, французской и американской революций, марксизма; такие политические и социально-экономические институты, как многопартийность, представительная демократия, частная собственность и т. д.

Затем большинство из них превратилось в инструменты абсолютной системной манипуляции, то есть перестало соответствовать уровню рациональности, возможному на данный момент развития. Например, абсолютно манипулятивными стали такие некогда передовые социальные институты, как частная собственность на средства производства, представительная демократия, многопартийность.

Как абсолютно и относительно манипулятивную можно обозначить и политику элит по поддержке или реформированию социальной системы. Поддержание социального порядка *абсолютно манипулятивно* в случае, если этот порядок не соответствует возможностям рационализации, имеющимся на данном этапе творческого процесса. Проведение нерациональных по форме (см. подраздел «Условия проведения рациональных преобразований») реформ, воздействующих на социальную систему в направлении ее рационализации,

относительно манипулятивно. Единственная форма деятельности правящей элиты, не являющаяся абсолютно или *относительно манипулятивной*, — проведение социальных преобразований, рациональных и по содержанию, и по форме (в истории такие примеры встречались крайне редко).

СИСТЕМНАЯ, БЫТОВАЯ И КРИМИНАЛЬНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ

В обществе существует множество параллельных и пересекающихся манипулятивных цепочек, в которых задействованы индивиды и их группы, объединенные общими интересами.

Продавец манипулирует покупателями, священник — верующими, политик — избирателями, собственник — работниками, менеджер — собственником, брокер — владельцами акций и т. д. и т. п. Ежеминутно в обществе происходит множество процессов манипуляции: индивид манипулирует индивидом, индивид — группой, одна группа индивидов — другой, группа индивидов — обществом и проч. Более того, манипуляции накладываются друг на друга, их результатом может быть отказ от манипуляции или манипуляция манипуляторами (два торговца манипулируют друг другом, работник манипуляцией добивается у предпринимателя неоправданно выгодных условий). Пирамида манипуляции и соответствующая пирамида использования — реальность всех исторических обществ.

Тем не менее манипуляция не хаотична, она имеет свои законы, порядок применения в каждом конкретном обществе. В результате кажущегося хаотичным сплетения инструментов манипуляции правящая элита получает наибольшие результаты использования. Институты манипуляции служат ей прежде всего в целях эксплуатации большинства общества.

Функция правящей элиты — поддержание или реформирование существующего порядка, на словах — ради достижения идеальных целей, на практике — в собственных социальных интересах. Однако социальные интересы конкретных членов и групп внутри элиты предполагают возможность действий вне рамок общей задачи достижения или имитации

достижения идеальных целей. Их действия по использованию других индивидов для достижения их собственных социальных целей часто не имеют отношения или даже противостоят декларируемым идеальным целям. Как было отмечено выше, эти действия зачастую важнее для социального продвижения, чем идеально мотивированные.

Коллективная цель элиты — поддержание возможности манипуляции обществом — для многих ее представителей часто уходит на второй план по сравнению с решением их частных социальных задач. Пример идеально мотивированных действий: члены элиты борются с революционерами за сохранение существующего порядка, воюют с внешним врагом, управляют массами, получают законные дивиденды с собственности — в общем, исполняют свои функциональные обязанности по поддержанию существующего социального порядка.

Пример чисто социально мотивированной деятельности: члены элиты интригуют, натравливают своих клеветников друг на друга, превышают легитимные возможности использования своих подданных; ради достижения собственных частных целей уклоняются от исполнения своих функций, тем самым ставя под угрозу систему, которую должны поддерживать. Вторым вариантом социального поведения предполагает, что члены правящей элиты, как и рядовые граждане, могут стать жертвами манипуляции со стороны своих коллег по управлению обществом, когда, например, их обрекают на верную смерть на войне во благо достижения идеальных целей общества. В этом случае та часть элиты, которая сумела уклониться от риска, манипулирует теми, кто вынужден рисковать жизнью ради достижения общих целей.

В противоположность первому варианту действий по идеальной мотивации, являющихся *системной манипуляцией* элиты обществом, второй вариант деятельности членов элиты по социальной мотивации можно назвать *бытовой манипуляцией*.

Бытовая манипуляция — любая профессиональная деятельность по ее социальной (не идеальной) мотивации, направленная на получение социальных предпочтений безотно-

сительно достижения декларируемых целей данной функционально-профессиональной группы.

Системная манипуляция — социальная деятельность, идеальные цели которой носят манипулятивный характер. Это и манипулирование элитой обществом с целью поддержания архаичного социального порядка, и деятельность по осуществлению задач конкретных институтов манипуляции — работа служителя церкви, рекламиста или «строителя брендов».

Системная манипуляция — освященный обществом порядок, бытовая — формально осуждаемая, но воспринимаемая как неизбежное зло, данность.

Для элиты существуют два варианта манипулятивного использования — системная и бытовая манипуляции. Для неэлитной части общества, не получающей преференций от институтов системной манипуляции, бытовая манипуляция является единственной возможностью использования себе подобных (один работник, делающий карьеру за счет другого, нищий продавец, втирающий очки нищему покупателю) и даже иногда членов элиты (слуга, обманывающий господина, наемный работник, «разводящий» хозяина).

Примеры институциональной бытовой манипуляции — манипулятивные психологические технологии (например, НЛП), соответствующий жанр популярной литературы (от Карнеги до изданий вроде «Книги жизни деловой стервы»), а также многоуровневый маркетинг и полузаконные биржевые спекуляции.

В отличие от криминальной манипуляции (противозаконные формы присвоения результатов эксплуатации жизненных ресурсов других индивидов) бытовая манипуляция не посягает на основы существующего порядка и потому не противоречит интересам правящей элиты и не преследуется государством.

Используя унаследованные или создавая новые инструменты манипуляции и насилия, общество ставит определенные границы, правила их использования.

Манипулятивное использование:

- легитимно и считается общественно полезным, если оно осуществляется в интересах элиты (системная манипуляция);

- морально осуждаемо, но терпимо, если оно не противоречит интересам элиты (бытовая манипуляция);

- жестоко карается, если нарушает существующий социальный порядок и потому идет вразрез интересам элиты (криминальная или контрсистемная манипуляция).

Последний вид манипуляции представляет собой уголовно наказуемые деяния: криминальные финансовые аферы, преступления против собственности, а также деятельность революционеров, террористов.

Социальный порядок включает легальные правила манипуляции, что именно и каким категориям его членов предписывается, что допускается, а что строжайше запрещено. Ярким примером подобного своеобразного распределения квот на манипуляцию являются страны «дикого» капитализма, такие, как современная Россия, где представителям элит негласно дозволяется не только жестокое системное и бытовое манипулятивное использование общества, но и зачастую криминальная манипуляция.

Альтернатива манипуляции в социальной жизни — творческая деятельность, то есть профессиональная деятельность по достижению творческих целей. Цели творческой деятельности рациональны не только для самого творца, но и для потребителей результатов его труда, для всех находящихся в отношении социального обмена с ним. В результате творческой деятельности как сами творцы, так и потребители их достижений получают возможность успешно реализовывать имманентные мотивы своей социальной деятельности.

Подлинная творческая деятельность невозможна в рамках реализации функций институтов манипуляции. Поэтому интеллектуальные усилия в рамках создания рекламной или пиар-продукции, так же как и других инструментов манипуляции, не могут приносить того подлинного творческого удовлетворения их авторам и потребителям, которое несут в себе настоящие творческие свершения в науке или искусстве. Данное высказывание может показаться спорным только на первый взгляд. Не думаю, что кто-то, если он не совершенно свихнувшийся постмодернист или мистик, будет всерьез сравнивать эстетическую ценность

мировой литературы и индустрии создания рекламных текстов и клипов, современных достижений мировой науки и произведений клерикальной и оккультной мысли.

Есть только одна возможность для творческой деятельности в рамках страт управления, в том числе для правящей элиты, — это деятельность по рационализации социального устройства общества. Только действуя в этом направлении, члены правящей элиты не манипулируют обществом (по крайней мере абсолютно), а реализуют его рациональные цели.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ, САНКЦИИ И МАНИПУЛЯЦИЯ

В современной социологии имеют широкое распространение две противостоящие друг другу макромодели социального поведения индивидов, которые принято называть - Homo Sociologicus и Homo Oeconomicus (см. например [3]). При этом под Homo Sociologicus предполагается «...действующее лицо, которое изначально направляет свои действия на социальные нормы» (там же). А под Homo Oeconomicus — индивид, «который действует так, чтобы максимизировать свою собственную ожидаемую пользу при минимально возможных затратах».

Мы предполагаем такое противопоставление искусственным. В социальной реальности эти модели поведения пересекаются и дополняют друг друга. Однако в их основе все же лежат принципы поведения Homo Oeconomicus. Ведь все социальные нормы могут рассматриваться исходя из того, насколько их соблюдение или не соблюдение соответствует рациональным интересам каждого конкретного индивида.

Следование социальным нормам рационально в том случае, если оно соответствует интересам тех, кто их соблюдает. Сами социальные нормы, возможность определенных санкций за их нарушения рациональны, если соответствуют интересам всех, кому предписано им следовать. В этом случае они представляют собой результат согласования рациональных интересов этих индивидов.

В случае если отмена социальной нормы противоречит интересам индивидов, они заинтересованы в существовании санкций про-

тив ее нарушителей — «свободных всадников», действия которых ставят под угрозу получение преференций от существования этой нормы.

Возьмем в качестве примера нормы, запрещающие воровать книги из библиотек и определяющие необходимость платы за проезд в общественном транспорте. Если их отменить, книги из библиотек будут растащены, а общественный транспорт обанкротится и не будет работать. Таким образом, индивиды, заинтересованные в существовании библиотек и транспорта, потеряют необходимый им ресурс. Они рационально мотивированы на поддержание существования соответствующих норм.

Однако для них так же естественно поддаться искушению стать «свободным всадником» и тайно воровать книги или не платить за проезд. При отсутствии угрозы наказания так могут поступить многие индивиды. В результате этого полезные им институты деградируют и престанут существовать. Для того чтобы предотвратить подобное развитие событий, невыгодное всем участникам процесса, в т. ч. и потенциальным «свободным всадникам», существуют определенные санкции – штрафы, исключение из числа читателей и т. д.

В реальных, неидеально рациональных обществах социальные нормы зачастую существуют в интересах правящей элиты и служат задаче манипуляции населением. Причем именно эти иррациональные для большинства нормы легитимизируют основные социально-политические институты общества (частной собственности, наследования, продвижения товаров и т. д.). Их соблюдение для большинства индивидов в большинстве случаев нерационально. Соответственно те санкции, которыми общество грозит нарушителям, выполняют функцию обеспечения условий для эксплуатации.

Например, согласно существующим социальным нормам все индивиды должны уважать право частных собственников распоряжаться результатами их труда. Для самих наемных работников соблюдение такой нормы иррационально, так как означает согласие на эксплуатацию, отчуждение их жизненных ресурсов в пользу собственника. Для того чтобы заставить подчиняться нормам, элита применяет соответствующие санкции за их нарушение. Любой, кто попытается в этих условиях пренебрегать правилами господ-

ства собственников над наемными рабочими, будет подвергнут санкции увольнения, лишения работы и платы за труд.

Нормативное принуждение к участию в войнах также является инструментом манипуляции в руках элиты. Следовать ему и рисковать своей жизнью в интересах правящих групп большинство индивидов также рационально не мотивировано. Однако их заставляет это делать социальная санкция в виде уголовного преследования уклоняющихся от призыва или дезертиров.

Взаимоотношения правящей элиты и большинства общества предполагают определенное нормативное ограничение ее власти (степень этого ограничения зависит от уровня развития и рациональности общества). Представители элиты должны соблюдать при эксплуатации населения признанные обеими сторонами нормативные ограничения, гарантирующие неотчуждаемые универсальные права. Не соблюдение этих ограничений вызвало бы отказ членов общества от подчинения, ведущий к потере элитой власти. Среди подобных нормативов, существующих в развитых странах, например, ограничение прав собственников трудовым и профсоюзным законодательством, правовые гарантии личных прав и свобод граждан от произвола власти и т. д. Беспредельщики в элите — буржуи-кровососы, политики-коррупционеры, нарушающие нормы взаимоотношений с работниками и избирателями, фактически действуют против коллективных интересов элиты, подрывают ее власть и потому являются нарушителями социальных норм. К ним могут быть применены соответствующие санкции.

Еще одна функция социальных норм — регуляция правил поведения внутри элиты, которая необходима, чтобы ограничить возможность посягательства одних ее членов на интересы других. Такое нормативное ограничение также в коллективных интересах правящей элиты, так как сохраняет ее относительное единство и дееспособность.

В заключение необходимо отметить, что все вышесказанное относиться только к основным социальным нормам, регулирующим перераспределение первичных ценностей в обществе. Те нормы, которые относятся к бытовому поведению индивидов (правила поведения на дороге, ограничение курения и т. п.) — не являются предметом данного исследования.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ

НАЦИЯ КАК КОМАНДА

Социальную деятельность индивидов можно сравнить с участием в спортивных соревнованиях. И в спорте, и в социальной жизни индивиды расходуют жизненные ресурсы в конкурентной борьбе за высокое место на пьедестале (в социальной иерархии).

То, как видят социум наиболее популярные социальные теории, можно сравнить с разными видами спортивных соревнований. Либералы представляют социальную деятельность как индивидуальный забег, в котором сильнейшие бегуны закономерно добиваются успеха. Для марксистов социум — боксерский ринг, где в жестокой схватке сходятся эксплуататорский и эксплуатируемый класс. Причем бой там идет по модели фильма «Рокки» — злой и подлый эксплуататор в течение всего матча прессует эксплуатируемого, в финале эксплуатируемый поднимается с колен и тяжелым ударом революции отправляет своего обидчика в вечный нокаут.

Националисты воспринимают социальную деятельность, как чемпионат по командному виду спорта, где каждая нация представляет собой единую команду и ее цель — добиться победы над другими народами-конкурентами (в более мягкой форме защитить свои интересы от покушения с их стороны).

Нам представляется, что все эти подходы в той или иной степени адекватны реальности. В обществе есть и индивидуальные соревнования, и противостояние различных социальных команд, и дуальное противоборство привилегированных и депривированных слоев населения. Однако в центре этой многослойной конструкции находится все же межличностная конкуренция индивидов, которая определяет характер как коллективных действий, так и внутренней организации любой социальной «команды» — коллектива, нации, класса.

Национализм является разновидностью «командной идеологии», считающей командную борьбу более важной, чем личную конкуренцию. Не претендуя на полноту, попробуем остановить-

ся на некоторых распространенных определениях национальной идентичности, формирующей «нацию-команду» с точки зрения различных вариантов идеологии национализма.

1. Родовой национализм, воспринимающий нацию как набор людей, объединенных общими родовыми корнями, передающимися из поколения в поколения близкими психофизическими характеристиками.

2. Гражданский национализм (патриотизм), определяющий нацию как общность граждан того или иного государства.

3. Культурный национализм, трактующий принадлежность к нации как результат языковой и культурно-исторической общности.

4. Конфессиональный квазинационализм, воспринимающий нацию как общность людей, принадлежащих к одной религии.

Националистические, расистские, патриотические идеологии, чаще всего используют сочетание нескольких из приведенных подходов в разной степени акцентируя внимание на других вариантах «командной» идентификации. Попробуем разобраться насколько рациональны эти принципы «формирования национальных команд» и соответствующие им «командные действия».

Родоплеменной национализм

Родовое понимание национальной общности заведомо иррационально. Один из наиболее известных представителей этой версии национализма — Адольф Гитлер считал, что человечество разделено на нации, как животный мир на виды. Фюрер немецких националистов констатировал: «Следствием этой универсально признаваемой природы расовой чистоты является резкое разграничение отдельных рас между собой, но также их соразмерная собственная сущность. Лиса всегда есть лиса, гусь — всегда гусь, тигр — всегда тигр и т. д. . .». Наивный социал-дарвинист, он забывал, что гусь не может совокупляться с лисой; а немец с еврейкой, негр с белой женщиной, китаец с индианкой — может. А если может, значит будет. Этот процесс

шел всегда и будет идти вечно; причем с развитием глобализации ускоряться. Отрицать его, тем более бороться с ним бессмысленно. Любая нация, даже самая внешне монолитная — продукт смешения представителей многих народов.

Современная генетика дает возможность определять происхождение индивидов различных национальностей по Y-хромосоме (мужская линия) и митохондриальной ДНК (женская линия). Уже первые массовые практические эксперименты по созданию баз данных генетической информации дали парадоксальные результаты. У людей считавших, что они принадлежат к определенной нации, зачастую находят гены типичные совершенно для других народов. Человек, чьи родители считались евреями, находит у себя генетическую информацию, характерную для западноевропейца, русский аристократ — для финна, татарин — для славянина и т. д. (см. например, «Русский Ньюсуик» №50 2006 год). С развитием этого направления в генетике становится очевиден огромный масштаб скрытого смешения рас и народов.

Более того, хотя определенные психофизические отличия представителей различных наций имеют место быть, сами эти отличия не могут являться поводом для объединения и совместных действий. В обычной ситуации умные не объединяются автоматически для совместного решения своих задач с другими умными, высокие с высокими, толстые с толстыми, рыжие с рыжими, горбоносые с горбоносыми. Только в случае воздействия манипулятивной элиты, которая объясняет людям, что их горбоносость, свойства интеллекта или рыжина признак родовой общности, которую надо сохранять от посягательств чужих племен, такие параметры начинают иметь объединяющее значение.

Все теории «чистоты крови», «родовых, расовых интересов» существуют только как источник манипулятивного влияния лидеров национальных общин и движений.

ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Если объединение наций «по крови» в современном обществе — искусственное манипулятивное действие, то общность

граждан в государстве на современном уровне развития — неизбежная данность. Государства находятся в отношениях социального обмена друг с другом. Как и обмен между людьми, обмен между государствами может быть манипулятивным и жертвенным. Члены общества, являющегося жертвой неэквивалентного обмена, рационально мотивированы прилагать усилия для изменения дискриминационной для них ситуации. Однако участие граждан в коллективных действиях может быть рационально обоснованно только исходя из их личных индивидуальных интересов. Поэтому рациональность участия того или иного индивида в коллективных, в т. ч. общегосударственных, действиях определяется не абстрактными «государственными интересами», а соотношением тех предпочтений, которые лично он получит и усилий, которые потратит. Фетишизация гражданства, принадлежности к государству — борьба за интересы государства как априорный долг, вне контекста личных интересов граждан — результат манипуляции правящей элиты.

КУЛЬТУРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Есть ли в так называемых национальных ценностях рациональная составляющая? Безусловно, и это прежде всего защита и развитие национальных культур. В культурном разнообразии заинтересованы представители всех наций. Защищать существование национальной культуры рационально заинтересованы не только представители нации, являющиеся ее носителем. Другие нации — потребители интеллектуально-эстетических ценностей, связанных с этой культурой, также заинтересованы в ее защите и развитии. Поэтому содействие национальной культуре в современном цивилизованном обществе реализуется прежде всего как просветительская деятельность, не связанная с «командным» противостоянием с представителями других культур и наций. Защищающийся культурный национализм может быть рационален только в условиях этнического или культурного геноцида (в современном мире явления, к счастью, чрезвычайно редкие).

Совпадение «родовой», «гражданской» и культурной самоидентификации уходит в прошлое. Сегодня люди в развитых странах получают возможность осваивать сразу несколько языков и национальных культур. У них появляется выбор: воспринимать ли одну из этих культур как свою основную или относиться ко всем им как к равноправным. С развитием глобализации, упрощением доступа к информации и образованию этот процесс будет развиваться. Возможно, в ближайшем будущем человек сможет сам выбирать, какую (какие) национальную культуру использовать как повседневную, из какой (каких) черпать эстетические ценности, на каком языке (языках) творить самому. Индивид будет сам определяться, ассоциировать ли ему себя с какой то конкретной культурой, страной или нацией или нет.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КВАЗИНАЦИОНАЛИЗМ

Вероисповедание может рассматриваться как свидетельство принадлежности к одной из «национальных команд». В некоторых националистических идеологиях понятие религии и нации смешивается. Такое смешение характерно не только для моноэтнических религий в этноконфессиональных группах (евреи, сикхи, парсы и т. п.), но и у некоторых последователей мировых религий. Например, у идеологов белых протестантов-расистов в США, русских «православных националистов» в России, радикальных исламистов в мусульманском мире.

Распространенные представления о религиозных общинах как своеобразных нациях, противостоящих другим конфессиональным сообществам (исламистская теория «нации ислама», религиозная национальная самоидентификация ортодоксальных евреев, русский «православный национализм» и т. д.), основаны на заведомо иррациональном представлении о сверхценности собственной религиозной веры. Так как религия как социальный институт является инструментом манипуляции, индивиды рационально не заинтересованы в консолидации вокруг религиозной веры. Наоборот, в их интере-

сах освободиться от клерикальной манипуляции, эксплуатации своих жизненных ресурсов со стороны религиозной общины. Поэтому любые социальные объединения, основанные на религиозной принадлежности иррациональны. Рациональный выбор индивидов, загнанных манипуляцией в религиозную команду, — свобода за пределами клерикального поля.

НАЦИЯ КАК ПРИПИСАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Нация не только результат национальной самоидентификации индивидов, но и социальным маркер, которым отмечает их общество. В этой своей ипостаси нация может быть приписанной характеристикой (частью социального потенциала), в определенной степени влияющей на статус индивида.

Большинство национальных движений не замыкаются на культурном национализме, имеют не только культурререггерские, но и социально-политические цели. Их основная задача — добиться того, чтобы общество более высоко оценивало ту или иную национальность как приписанную социальную характеристику. То есть сделать так, чтобы принадлежность к нации, интересы которой отстаивают националисты, влияла позитивно или не влияла негативно на получение позиций социального статуса. В первом случае речь идет о получении (или сохранении) представителями нации привилегий, во втором — о ликвидации национальной дискриминации.

Националисты считают, что у «нации-команды» существуют общие интересы, совпадающие с интересами всех (или большинства) ее членов. Однако нация, как и любая другая социальная общность в неидеально-рациональном мире, предполагает манипуляцию и эксплуатацию со стороны элиты. На практике у каждого индивида, маркированного обществом представителем определенной нации, в этой игре свой интерес, который зачастую не совпадает с общими национальными целями. Каждый участник командных действий мотивирован (активным и сберегающим социальным инстинктом) на то, чтобы добиваться максимальных преферен-

ций, минимизируя при этом расход жизненных и социальных ресурсов.

Представители данной нации не могут быть рационально заинтересованы в дискриминации индивидов к ней не принадлежащих. Подобная ситуация чревата социальным насилием по отношению к нации-эксплуататору со стороны дискриминируемого этноса, заставляет ее представителей платить за свои привилегии риском потери социальных и жизненных ресурсов в результате катаклизмов, войн, восстаний. Необходимость постоянно бороться за сохранение привилегий также требует от индивидов, принадлежащих к господствующей нации, манипулятивных усилий, вытесняющих возможности для реализации ими творческого потенциала.

Спартанцы платили за унижение илотов внутренними войнами и вырождением своей культуры. Крах Российской империи и гибель ее правящего класса стали в значительной степени результатом дискриминации евреев, сыгравших ключевую роль в революционном движении. Рабство негров вызвало гражданскую войну и многолетний расовый конфликт в США. Многие европейские страны расплачиваются за прошлую эксплуатацию жителей колоний социальной напряженностью, которую создают выходцы из них. Таким образом, деятельность, направленная на достижение или сохранение национальных привилегий противоречит берегающей и творческой мотивации индивидов, а также мотива наследования (создает потомкам проблемы с реализацией соответствующих мотивов). А значит может быть только мнимоморациональной (способствуя реализации основного социального инстинкта, препятствует другим мотивациям), но не рациональной. Причем рядовые участники всегда в меньшей степени мотивированы отстаивать национальные привилегии, чем члены элиты, которые получают гораздо более значительные социальные преференции в результате привилегированного положения своей нации.

Сегодня в западном обществе (и на периферии западной цивилизации, например, в России) национальная принадлежность прямо не влияет на социальный потенциал индиви-

дов. Национальные и расовые группы, уровень жизни которых существенно ниже большинства населения (негры и мексиканцы в США, эмигранты из Африки и Азии в Европе) не подвергаются системной дискриминации (а зачастую даже пользуются определенными привилегиями). Их невысокий по сравнению с другими группами населения статус не является результатом национальной принадлежности, а скорее следствием низкого социального происхождения (статуса семей, социального потенциала). Для того чтобы представители этих наций могли максимально реализоваться в обществе, необходимо обеспечить равенство стартовых позиций для всех вне зависимости от социального происхождения (исключить влияние социального потенциала на статус). В этом случае влияние низкого социального и культурного уровня семей представителей бедных национальных общин будет компенсировано свободным доступом к образованию и творческой реализации; любые рассуждения о национальной дискриминации в отношении их окончательно потеряют почву.

Деятельность националистов может быть рациональной только при отстаивании интересов своих наций от дискриминации со стороны других народностей. Эта борьба может идти против дискриминации национальной культуры, попыток ассимиляции (баски во франкистской Испании, курды в Турции, турки в коммунистической Болгарии и т. п.) или против социальной депривированности (евреи в России в начале XX века, немусульманские народы в исламистских странах, негры в США в 1960-е годы и т. д.). Формально в ситуации, когда национальное движение борется с реальной социальной или культурной дискриминацией, цели элиты и большинства угнетаемой нации совпадают. В реальности большинство рядовых участников национального движения вынуждены идти на иррациональные жертвы (рисковать жизнью, терять свободу, здоровье, социальные возможности, предпринимать интеллектуальные и физические сверхусилия) ради повышения социального статуса элиты. В случае победы движения элита дискриминируемой нации входит в статусную элиту, а рядовые участники зачастую остаются на

социальном дне. Так было, например, в колониях европейских стран, освободившихся после национально-освободительной борьбы в 1950–1970-е годы, в ЮАР после краха режима апартеида. Таким образом, даже в этом случае самоотверженная борьба за национальные интересы для рядовых участников редко бывает рациональной.

В обществе, где этническая принадлежность не влияет на социальный статус, а соответствующие культуры не подвергаются дискриминации, любая националистическая идеология на практике работает на то, чтобы добиться привилегий для определенной национальной общности. Данная цель не рациональна для наций, чьи интересы якобы отстаивают руководители националистических движений (на практике ориентированные на личное социальное продвижение), а значит является инструментом манипуляции в руках этих лидеров.

Националистическая манипуляция

Для того чтобы мотивировать индивидов на иррациональные действия, националистические идеологи прибегают к различного рода идеологическим манипуляциям.

Манипуляция целями. Националистические идеологи зачастую выдвигают заведомо иррациональные цели. Например, добиваются присвоения представителями своей нации (воспринимаемой ими как кровнородственная общность) жизненных и социальных ресурсов других народов (нацисты в Германии, правящая верхушка Японии во Второй мировой войне). В результате этого националисты, как известно, чаще всего приводят свои народы к войнам, человеческим жертвам и социальной депривации.

Другой вариант целеманипуляции — выдвижение цели преодоления национальной, социальной или культурной дискриминации в ситуации, когда она фактически отсутствует (сегодняшние ирландские, баскские, корсиканские, чеченские сепаратисты, русские национал-патриоты). В этом слу-

чае рациональная цель неприменима к конкретной ситуации и становится инструментом манипуляции, мотивируя индивидов под видом борьбы с мнимой дискриминацией отстаивать интересы элиты националистического движения.

Средствоманипуляция. Ситуация, когда националистические идеологи выдвигают рациональные цели, но пытаются с помощью манипуляции заставить индивидов платить иррациональную цену за их достижение. Таким образом, участники движения в борьбе с национальной дискриминацией идут на социальные жертвы, гораздо более существенные, чем ущерб, который она им приносит. Дискриминация курдов в Турции, например, очевидна, однако действия лидеров-националистов типа Абдулы Оджалана, заставляющих их жертвовать своими жизнями во имя ее преодоления, — типичный пример средствоманипуляции (десятки курдов покончили жизнь саможжением, но спасли своего лидера-манипулятора от казни).

НАЦИОНАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ

Здесь уместно поставить вопрос: является ли национальная независимость безусловной ценностью? Попробуем разобраться.

В случае если данная нация подвергается в государстве социальной или культурной дискриминации, ее представители рационально мотивированы получить независимость или поступить под юрисдикцию другого государства, где им будет гарантировано равноправие (курды заинтересованы отделиться от Турции и Ирана, осетины и абхазы от Грузии и т. п.).

Так же независимость рациональна как цель народов, которым отделение от метрополии дает экономические или гуманитарные преференции (более богатые ресурсами, более культурно и экономически развитые, чем жители метрополии). Например, от получения независимости в результате распада СССР выиграли (добились относительно высокого уровня и качества жизни) нации более развитых стран При-

балтики, а также, возможно, среднеразвитого, но богатого ресурсами Казахстана. И, очевидно, проиграли народы бедных ресурсами Грузии, Армении, Молдовы, а также слаборазвитых среднеазиатских республик (уровень жизни по крайней мере в первых трех из них был выше, а стал существенно ниже, чем в среднем по СССР). Таким образом, сегодня можно констатировать, что цели прибалтийских сторонников независимости были рациональны, а грузинских, армянских, молдавских или киргизских — вряд ли.

Если нация не подвергается дискриминации и не имеет перспектив повысить уровень потребления, независимость не может быть ее рациональной целью. В таком случае в независимости могут быть заинтересованы только представители национальных элит, претендующие на высокие позиции в социальной иерархии нового независимого государства.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Национализм может быть источником следующих социальных действий:

1. Институциональный национализм: установление и сохранение институтов национальной дискриминации на государственном уровне (апартеид, нюрнбергские законы в нацистской Германии, черта оседлости, различные процентные нормы для наций и т. п.).
2. Рациональный национализм: борьба за отмену институтов национальной дискриминации.
3. Бытовой национализм: взаимная социальная поддержка представителями одной нации.
4. Рефлексивный национализм: противостояния национальных общин в борьбе за неинституциональное перераспределение социальных преференций (столкновения на национальной почве, погромы, конфликты).

Среди всех действий, обусловленных «национальными интересами», к рациональным может быть отнесена только борьба с дискриминацией, распространяющейся на данного индивида. Причем при условии, что обмен жизненных ресурсов на первичные

ценности, приобретаемые в результате этой борьбы благодаря ликвидации или недопущению дискриминации, является эквивалентным (иначе говоря, он не может быть жертвенным в пользу элиты национальной общности).

Мифология национализма

Мифология национализма основывается на искусственном перенесении на современную ситуацию законов родоплеменного противоборства, существовавших в традиционных обществах древности. Отсюда констатируется неизбежность национального неравенства и противостояния, необходимость консолидации для противодействия уже существующей этнической дискриминации или превентивных действий против ее угрозы.

Для того чтобы подогнать под современную реальность собственные идеологемы, националисты зачастую искажают информация о реальном положении своей нации в обществе или государства в мире. Аргументация хорошо известна: «Другие нации и государства нас эксплуатируют, присваивают наши достижения, ресурсы и т. д.».

Также среди них очень популярен миф о неизбежности антагонизма, борьбы за социальные ресурсы как между нациями в обществе, так и между разными государствами. Аргументация в этом случае звучит так — «уклониться от национальной борьбы нельзя, если мы не консолидируемся, защищая интересы своей нации от других, те непременно будут нас эксплуатировать, захватят, поработят, уничтожат и т. д.». Эта аргументация характерна как для социал-дарвинизма, так и для геополитических теорий (для утверждения неизбежности противоборства государств и культур).

Мифы, создаваемые националистическими идеологами, призваны создать видимость рациональности их требований, легитимировать притязания на роль элиты для своих наций.

Национальная принадлежность может оказывать существенное влияние на социальное поведение только в том обще-

стве, где она имеет большое значение для формирования статуса индивидов. Существование таких обществ характерно для низкого уровня развития творческого процесса. В условиях рационализации с усилением значения функционального потенциала национальная принадлежность перестает влиять на социальный статус и соответственно исчезают привилегированные и угнетаемые этнические общины. В этой ситуации минимизируется и значение нации как приписанной социальной характеристики. При таких обстоятельствах у индивидов исчезает рациональная мотивация объединяться на базе национальной принадлежности и добиваться изменения социального положения своей нации.

Только в условиях жесткой социальной или культурной дискриминации по национальному признаку индивиды, представляющие дискриминируемую нацию, могут реализовать свои рациональные интересы через коллективные действия. В более рациональном социуме, где такой дискриминации нет, индивиды встают перед дилеммой: бороться за общие интересы нации (то есть ее манипулятивной элиты) или реализовывать собственные мотивации. В этой ситуации только под влиянием манипуляции со стороны элиты национальных общин и государств индивиды могут сделать выбор в пользу псевдонациональных целей, противоречащих их рациональным интересам. Рационализация общества приводит к переходу от борьбы наций (их элит) за господство к рациональному согласованию интересов индивидов. Таким образом, политические националисты сегодня выступают чаще всего в качестве архаичной иррациональной силы, препятствующей рационализации и развитию творческого процесса.

В современных развитых странах нет системной национальной дискриминации и связанного с ней сильного влияния элит этнических общин. Поэтому национальная принадлежность (соответствующий социальный маркер) практически всегда уступает по влиянию на поведение частным эгоистическим интересам. Еще лет 100 назад национальность даже в странах Запада имела существенное значение в экономической деятельности. При приеме на работу (коммерческом со-

трудничестве, организации бизнеса) предприниматели зачастую стремились ориентироваться на представителей своих национальных, религиозных, расовых общин. Сегодня это положение дел ушло в прошлое. Бизнесмен практически никогда не примет представителя своей национальности на работу (возьмет в дело, заключит сделку), если может с большей выгодой для себя сотрудничать с представителем другой нации.

Только отсталые нации, живущие родо-племенными законами и представлениями о мире, дают традиционным манипулятивными институтам структурировать себя как единую команду, противостоящую окружающему миру. По мере развития творческого процесса индивидуальное становится важнее общего. Как следствие, прежние единые национальные элиты теряют авторитет и раскалываются. Так, племя, очевидно, высшая ценность для пигмеев, индейцев Амазонки, австралийских аборигенов. Для чеченцев или курдов это большая, но не всеобъемлющая ценность (отсюда множество конкурирующих партий внутри нации, союзы с чужими против своих).

Народы, принадлежащие к западной цивилизации, еще в меньшей степени подвержены манипуляции элит, позиционирующих себя как носители национальных ценностей. Поэтому они более свободны от воздействия манипулятивного принуждения к самопожертвованию ради мнимых национальных интересов (подлинных интересов элит). Тем не менее националистические мифы даже в некоторых странах, принадлежащих к европейской культуре, до сих пор составляют часть государственной идеологии, например, в России, странах Прибалтики, на Украине, в Польше, Израиле, США (в форме гражданского национализма). Националистическая мифология распространена и среди наций, представляющих большинство населения, и среди меньшинств (особенно этно-конфессиональных групп, исповедующих ислам). Однако иррациональность, манипулятивность националистических мифов с развитием творческого процесса становится все очевидней. Новый виток творческого процесса и рационализации в развитых странах с неизбежностью нанесет им (как и другим иррациональным мифам — клерикальным) последний смертельный удар.

ЭКСПЛУАТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Манипуляция ведет к эксплуатации, то есть неэквивалентному социальному обмену между манипулируемым и манипулятором, в результате которого первый отдает второму необоснованный с точки зрения его рациональных интересов объем первичных ценностей. В капиталистическом обществе, где доминантным фактором социального статуса является потребление, эксплуатация осуществляется в основном в рамках обмена жизненных ресурсов на позиции потребления в процессе экономических рыночных отношений.

В классическом марксистском смысле этого слова эксплуатация — присвоение частными собственниками результатов труда наемных рабочих в виде прибавочной стоимости, т. е. разницы между объемом оплаты труда работника и стоимостью произведенного им товара. Эту разницу предприниматель кладет себе в карман или инвестирует в производство (т. е. опять же в свою собственность). В терминологии «теории обмена» марксистское определение эксплуатации являются, по сути, вариантом неэквивалентного обмена социальными ресурсами, в данном случае между собственниками и наемными рабочими.

Любое нарушение эквивалентности обмена означает эксплуатацию одними индивидами жизненных ресурсов других с целью получения первичных ценностей. Чаще всего в условиях капиталистической экономики эксплуатация ведет к превращению израсходованных жизненных ресурсов одних индивидов в приобретенные социальные ресурсы других. Таким образом, эксплуататоры накапливают присвоенные жизненные ресурсы эксплуатируемых в виде собственных социальных ресурсов.

СИСТЕМНАЯ И СИТУАТИВНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Эквивалентным можно назвать вариант обмена, являющийся результатом рационального выбора всех его участни-

ков и наиболее выгодный для них из всех возможных альтернатив. Абсолютно эквивалентными отношения обмена могут быть только в идеально-рациональном обществе. В реальной жизни можно говорить о системных и ситуативных нарушениях эквивалентности обмена и соответственно о системной и ситуативной эксплуатации. Системные нарушения связаны с легитимными институтами манипуляции, ситуативные с частными манипулятивными усилиями индивидов.

Ситуативная эксплуатация имеет место при любых вариантах социального обмена — трудовых, потребительских, кредитных, партнерских, торговых и прочих отношениях. Она сопутствует любой социальной деятельности, производимой не на основе идеальной мотивации (не в направлении достижения декларируемых профессиональных целей), а исключительно в целях удовлетворения основного социального инстинкта.

Системная эксплуатация связана с легитимными институтами манипуляции, такими, как приписанные социальные характеристики (в т. ч. возведенная Марксом в абсолют частная собственность), рынки ценных бумаг и валют, реклама, маркетинг и т. п.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОИМОСТЬ ТРУДА И ТОВАРА И ИХ РЫНОЧНАЯ ЦЕНА

В основе марксистского понимания эксплуатации лежит трудовая теория стоимости, которая определяет стоимость любого товара количеством труда, затраченного на его производство.

Современные либеральные теории говорят о субъективности понятия стоимости, о том, что она является результатом частного договора между покупателем и продавцом. Таким образом, из двух наиболее популярных теорий одна — считает формирование стоимости товара результатом усилий по его производству, другая — конечным итогом продвижения товара на рынок.

По нашему мнению, можно говорить о рыночной цене и об условной объективной стоимости товара, от которой она в ту или иную сторону отличается. Рыночная цена товара формируется в ходе социального обмена как в процессе производстве, так и при продвижении товара на рынок. В обществе происходит обмен ресурсами, во-первых, внутри группы участников процесса создания и продвижения товара (собственников, менеджеров, рабочих, продавцов, рекламистов, маркетологов и т. п.) и, во-вторых, между участниками этой группы, с одной стороны, и конечными потребителями (покупателями), с другой. В результате этих обменных процессов формируется как рыночная стоимость товаров, так и цена труда участников процесса их создания.

Объективная стоимость товаров (и услуг) и труда их производителей (затраченных ими жизненных ресурсов) стала бы результатом рационального выбора индивидов. Исходя из этого, она соответствует той цене, которая сложилась бы на идеальном рынке, где все обменные процессы эквивалентны и нет места манипуляции и эксплуатации.

В основе объективной стоимости труда может быть положена иерархия первичных ценностей, которые он создает. Таким образом, в этой иерархии стоимость творческого труда будет выше, чем механического. А манипулятивная деятельность при таком подходе вообще не может быть вознаграждена (продаваема).

В рыночной экономике цена затраченных ресурсов должна входить в стоимость товара. Однако эквивалентный обмен ресурсами не может происходить по законам рынка. Рациональная цена реализации товаров на рынке не может соответствовать ценности затраченных на них ресурсов.

Из рыночного оборота товаров рациональный социальный обмен вывел бы наиболее ценные. Работа по их созданию при таком варианте обмена оплачивалась бы наиболее дорого, но товары были бы бесплатны. Рациональный индивид должен понимать, что в силу определенных обстоятельств может попасть в ситуацию, когда у него или у его потомков не будет социальных ресурсов для приобретения тех

или иных товаров. Таким образом, чтобы обезопасить себя от такой ситуации, индивиды определили бы бесплатность и общедоступность товаров, связанных с наиболее насущными потребностями (здравоохранение, лекарства, обеспечение безопасности, набор материальных благ, необходимых для поддержания нормальной жизнедеятельности, и т. п.). Исходя из заинтересованности членов общества в развитии творческого процесса, их рациональный выбор определил бы также общедоступность информации, образования, интеллектуально-эстетических ценностей.

Таким образом, рациональная иерархия цены товаров и стоимости труда по их производству не могут совпадать. Однако нарушение последовательности в любой из этих иерархий (в том числе в направлении сближения) ведет к неэквивалентному социальному обмену, то есть к эксплуатации. Индивид, рационально осознающий свои интересы, должен понимать, что когда ему продают лекарства — его эксплуатируют, и когда ему платят за создание лекарства меньше, чем тому, кто спекулирует недвижимостью, — его эксплуатируют также.

Противоречие между рациональными иерархиями стоимости товаров и труда по их созданию помимо государственного регулирования и субсидирования может быть решено в процессе развития творческого процесса с помощью замещения денег при обороте наиболее значимых товаров позициями престижа.

Марксистская схема «товар — деньги — товар» для наиболее важных товаров в таком случае сменится цепочкой: товар — престиж — деньги — товар. При этой схеме творец, обменяв произведенную жизненно важную услугу (или товар) на повышение своего уровня престижа, затем конвертирует престиж в деньги и далее деньги в обычные потребительские товары. В этой ситуации потребитель, платя за услуги (товар) творцу повышением его престижа, не будет сталкиваться с проблемой ограниченности своих финансовых ресурсов.

Уже сейчас цена сайта определяется его посещаемостью, цена труда ученого или журналиста количеством и качеством ссылок на его публикации. Позиции престижа смогут в буду-

щем стать ценой определенного набора товаров (услуг), что будет способствовать более равному доступу потребителей к наиболее важным из них (информации, образованию, здравоохранению, безопасности). Такой подход также способен решить и другие проблемы современного общества — противоречие между принципом общедоступности информации и авторским правом на результаты творческой деятельности. Безвозмездно отдавая результаты своего труда, творец сможет получить позиции престижа, которые далее могут быть конвертированы в информационные ресурсы (популярный личный сайт и т. п.), а те в свою очередь в материальные преференции.

Итак, объективную стоимость товаров (услуг) и труда мог бы определить рациональный выбор в первом случае потребителей, во втором — партнеров по производственной группе. Такая стоимость товаров соответствовала бы степени их полезности для реализации внутренних мотивов индивидов и обеспечивала бы свободный доступ потребителей к наиболее важным из них. Объективная стоимость труда, т. е. задействованных в производственном процессе жизненных ресурсов («товара рабочая сила»), определялась бы персональным значением их вклада в потребительскую ценность производимых товаров и услуг.

Эксплуатация предполагает нарушение рационального выбора, как следствие, эквивалентности обмена и в результате объективности стоимости товаров и труда. Таким образом, системная эксплуатация может идти по двум линиям:

- занижение объективной стоимости жизненных ресурсов потраченных на создание товара (услуги) в рамках производящей его экономической группы (через отчуждение эксплуататором чужих жизненных ресурсов и превращение их в собственные социальные);

- завышение объективной стоимости данного товара (услуги) при продаже ее потребителям (создание «манипулятивной надбавки» на цену с помощью, рекламы, маркетинга, пиара и т. п.).

Эти цели достигаются с помощью манипулятивного искажения представлений о ценности потраченных на создание

продукта жизненных ресурсов (в первом случае) и о полезности продвигаемого продукта для потребителей (во втором).

ОБМЕН НА УРОНЕ СОЗДАНИЯ ТОВАРА (УСЛУГИ)

Производители (продавцы, промоутеры) создают (продвигают) товары (или услуги), тратя на это свои жизненные ресурсы, для того чтобы получить в виде оплаты за свои усилия социальные преференции. Последние необходимы им для приобретения товаров (услуг), способных реализовать мотивацию к получению первичных ценностей. Причем речь может идти как о простом потреблении (человек заработал деньги, пошел в магазин и купил еду, книги и т. п.), так и о создании новых инструментов присвоения чужих жизненных ресурсов (человек вложил заработанное в приобретение акций предприятия или доходного дома или нанял на свое предприятие дополнительных работников и т. п.). В первом случае социальные ресурсы — денежные средства, идущие на потребление, во втором — приписанные социальные характеристики (в капиталистической экономике — частная собственность на средства производства).

В любой экономической деятельности эксплуататоры и эксплуатируемые различаются между собой отношением полученных в результате данной деятельности социальных ресурсов (а) и потраченных жизненных (б). Рациональные индивиды организовали бы обмен в экономической группе, занимающейся производством товаров или услуг (общине, цеху, частной фирме, корпорации, госпредприятии, кооперативе), таким образом, чтобы (а) было пропорционально (б). На практике в любом экономическом коллективе существует манипулятивная элита, состоящая из тех, у кого значение (а)/(б) существенно выше, чем у большинства. Она и является эксплуататором большинства данной экономической группы.

Остальные участники группы соглашаются на эксплуатацию под воздействием манипулятивных инструментов, ис-

пользуемых элитой группы. В обществе, где высоко значение социального потенциала, таким инструментом становятся приписанные социальные характеристики, которые дают их обладателям легитимное право на рационально необоснованные преференции (частная собственность, сословное происхождение и т. п.).

Таким образом, при обмене происходит замещение экономленных манипуляторами жизненных ресурсов социальными. Социальные ресурсы эксплуататоров (а) дают возможность присваивать жизненные ресурсы эксплуатируемых (б), в результате чего формируется их больший объем (а+). То есть $a + б = (a+) + (б) = (a++) + (б) = (a+++)$ и т. д. Таким образом, происходит накопление представителями манипулятивной элиты социальных ресурсов (овеществленных жизненных ресурсов других индивидов).

Только реформы, революции, социальные перевороты, разрушающие или ограничивающие правящую элиту, препятствуют тому, чтобы процесс накопления элитой социальных ресурсов развивался бесконечно.

Здесь неизбежно возникает вопрос о роли инвестиций в производство при рыночной капиталистической экономике. Является ли капитал наряду с трудом необходимым фактором производства, как считал Ж. Б. Сэй, или он всего лишь инструмент манипулятивного перераспределения материальных благ? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Конечно, в рыночной экономике частные инвестиции капитала играют огромную роль, без них была бы затруднена производственная деятельность, доходы самих наемных рабочих зависят от притока инвестиций в их предприятие. Возможность осуществлять инвестиции напрямую зависит от социальных ресурсов индивида, при этом они определяют экономическую продуктивность группы.

В классическом частнособственническом обществе эксплуатация, связанная с инвестициями социальных ресурсов, не только неизбежна, но и необходима для успешного функционирования экономики. Однако значение социальных ресурсов (в виде частной собственности) как работающего фак-

тора производства не отменяет то, что они являются основным механизмом эксплуатации. Это обстоятельство определяется тем, что социальные ресурсы в большинстве случаев являются накопленными жизненными ресурсами других индивидов. Создать товар и услугу без участия социальных ресурсов можно, но без вложения жизненных нельзя. Собственник вкладывает в производство социальные ресурсы (накопленные жизненные ресурсы работников), наемные работники оперируют только своими жизненными ресурсами. Таким образом, собственник, вкладывая в процесс производства, накопленные им чужие жизненные ресурсы (в виде своих социальных), эксплуатирует тех, чьи ресурсы он присвоил в прошлом и присваивает в настоящий момент.

Известный тезис Прудона «собственность есть кража» и сегодня не потерял актуальность. Тот, кто использует социальные ресурсы для обеспечения неэквивалентного обмена с наемными работниками, уподобляется вору, покупающему в магазине товары на украденные в прошлом деньги. Формально в рамках отношений купли-продажи вор действует законно и является добросовестным приобретателем. Но в более широком социальном контексте он реализует возможности, полученные в результате прошлой кражи.

Так и инвестор в рамках конкретной экономической ситуации является полезным членом экономической группы, но в более широком смысле он — эксплуататор, получающий социальные преференции за счет накопленных чужих жизненных ресурсов. В будущем, когда основным средством производства станут общедоступные информационные технологии, обладание средствами производства (и соответствующий тип приписанных социальных характеристик) не сможет влиять на положение в иерархии и на процесс социального обмена.

Ни Прудон, ни Маркс не учитывали возможность осуществления предпринимателями менеджерских и инвесторских функций по идеальной (творческой) мотивации (для страт экономического управления это означает обеспечение успешного функционирования экономики). Собственник, может, выступая в качестве талантливой инноватора и менед-

жера, действия которого направлены на развитие творческого процесса, создание новых первичных ценностей, не эксплуатировать наемных работников, но совместно с ними реализовывать творческую мотивацию.

В другом варианте грамотный и хваткий собственник может управлять своим предприятием так, что за счет сверхприбыльной коммерческой деятельности его действия будут выгодны наемным работникам. В этой ситуации эксплуатации будут подвергаться не его сотрудники, а партнеры и потребители.

В подобных ситуациях соотношение ценности потраченных собственником-менеджером жизненных ресурсов и объема полученных преференций может быть выше, чем у большинства его наемных работников. Обмен в рамках такой экономической группы между собственником и его работниками может быть эквивалентным или даже жертвенным. Хотя, оговоримся, подобный вариант является скорее исключением.

Он доступен только предпринимателям с выдающимся творческим инстинктом, таким как Эдисон, Форд, Гейтс и т. п. Однако предпринимательская элита рекрутируется не на основе высоких творческих способностей, более простой путь к успеху в бизнесе в рыночных условиях лежит через развитые манипулятивные навыки или получение капитала по наследству. Если общество дает индивиду определенные привилегии, он чаще всего под влиянием социального инстинкта не может устоять от искушения их использовать. Степень ценности жизненных ресурсов, которые собственники задействуют в социальном обмене, может варьироваться от нуля в случае рантье или манипулятора до высокой степени у активных творчески мотивированных предпринимателей (например, креативных инноваторов — создателей поисковой системы Google).

В реальности большинство вариантов находится между этими двумя крайностями. Собственники стоят перед тремя альтернативами: сберечь свои жизненные ресурсы, создав стабильный инвестиционный портфель; пытаться увеличить прибыль, манипулируя работниками и потребителями или сде-

лать это за счет собственных творческих инноваций. Только для небольшого меньшинства наиболее творчески одаренных собственников реален последний вариант действий, остальные, следуя за своим сберегающим или социальным инстинктом, должны выбрать соответственно первый или второй.

Исключительно успешная реализация собственником одного из активных инстинктов (творческого или социального) может избавить его работников от эксплуатации. В подавляющем большинстве собственники удовлетворяют свои социальные притязания прежде всего за их счет.

ОБМЕН НА УРОВНЕ ПРОДАЖИ ТОВАРА ПОТРЕБИТЕЛЮ

Объективную стоимость товара на рынке определил бы рациональный выбор индивидов, имеющих полноту информации об его потребительских качествах, в ситуации свободного выбора любых альтернативных вариантов. Реальная цена товара складывается не только из объективной, но и из манипулятивной стоимости. То есть стоимости, которую накручивают на цену товара с помощью искажения представлений о его потребительских свойствах. Манипулятивная стоимость, идущая в плюс цене одних товаров, автоматически снижает цену других.

Покупая товары и услуги, индивиды ориентируются на представления и ощущения, в т. ч. подсознательные, сформированные средствами системной манипуляции — с помощью рекламы, брендинга, маркетинга и т. д. В результате этого потребители покупают продукты, не соответствующие их объективным потребностям, выстраивают потребительскую пирамиду таким образом, что в ней бесполезные товары вытесняют необходимые.

Эта ситуация непосредственно отражается на ценообразовании. Создавая манипулятивную стоимость товара, которая может составлять до 100% его цены (для совершенно бесполезных продуктов), производитель понижает объективную стоимость конкурирующих товаров. Социальные ресурсы ин-

дивидов ограничены, оплачивая манипулятивную стоимость одних товаров, они лишаются возможности приобрести за объективную стоимость другие. Таким образом, оплачивая манипулятивную ренту в стоимости товара, индивиды подвергаются эксплуатации со стороны производителей, продавцов и промутеров этой продукции.

Виды социального обмена в экономическом процессе

Для того чтобы наглядно представить роль эксплуатации в социальном обмене, рассмотрим различные его варианты, в т. ч. предполагающий эквивалентный обмен и различные формы манипуляции.

Итак, различные схемы социального обмена:

1. Эквивалентный обмен между независимыми работниками без использования в качестве средства эксплуатации социальных ресурсов и манипулятивного продвижения товара:

жизненные ресурсы работника — товар (создание, реализация) — социальные ресурсы (оплата труда работника) — товар, приобретенный работником (оплата им труда работников, создавших товар) — первичные ценности (потребление работником) — жизненные ресурсы работника (поддержание) и т. д. по кругу.

2. Жертвенный обмен работника и собственников при использовании собственниками своих социальных ресурсов для эксплуатации:

жизненные ресурсы работника — товар (создание) — социальные ресурсы (прибыль собственника, полученная в результате эксплуатации жизненных ресурсов работника), социальные ресурсы (оплата труда работника собственником) — товар, приобретенный работником (оплата им труда работников, создавших товар, и прибыли их нанимателей) — первичные ценности (потребление работником) — жизненные ресурсы работника (поддержание) и т. д. по кругу.

3. Эксплуатационный обмен собственника и работников с использованием социальных ресурсов для эксплуатации:

социальные ресурсы собственника — жизненные ресурсы работников (эксплуатация собственником через приобретение по заниженной цене) — товар (создание при участии социальных ресурсов собственника) — социальные ресурсы собственника:

а) ресурсы, используемые на потребление, — товар — первичные ценности (потребление собственника);

б) ресурсы, используемые на накопление, — жизненные ресурсы работников (эксплуатация собственником через приобретение по заниженной цене) — новые социальные ресурсы собственника и т. д. по кругу.

4. Эксплуатационный обмен между промоутером и потребителями с использованием для эксплуатации манипулятивного продвижения товара (промоутер в начале выступает в роли эксплуататора, а затем как потребитель сам эксплуатируется другими промоутерами):

жизненные ресурсы промоутера — манипулятивное продвижение товара промоутером (создание манипулятивной надбавки к цене) — реализация товара (с учетом манипулятивной надбавки к цене) — жизненные ресурсы потребителей (эксплуатация промоутером) — социальные ресурсы (доход промоутера) — товар (приобретение промоутером с учетом манипулятивной надбавки, созданной другими промоутерами) — жизненные ресурсы промоутера (эксплуатация другими промоутерами) — первичные ценности (потребление промоутером) — жизненные ресурсы промоутера (поддержание) и т. д. по кругу.

5. Эксплуатационный обмен с использованием собственником своих социальных ресурсов и манипулятивного продвижения товара (сегодня прямо или косвенно собственник практически всегда выполняет так же функции промоутера товара):

социальные ресурсы собственника — жизненные ресурсы работников (эксплуатация собственником через приобретение по заниженной цене) — товар (создание и манипулятивное продвижение при участии социальных ресурсов собственника) — реализация товара (с учетом манипулятивной

надбавки к цене) — жизненные ресурсы потребителей (эксплуатация) — социальные ресурсы собственника:

а) ресурсы, используемые на потребление, — товар (приобретение с учетом манипулятивной надбавки, созданной промоутерми) — жизненные ресурсы собственника (эксплуатация другими промоутерами) — первичные ценности (потребление собственника);

б) ресурсы, используемые на накопление, — жизненные ресурсы работников и потребителей (эксплуатация собственником через приобретение ресурсов первых по заниженной и продажу товаров вторым по завышенной цене) — новые социальные ресурсы собственника и т. д. по кругу.

Среди выше приведенных далеко не все варианты социального обмена. Например, не рассматриваются случаи, когда: цена реализации товара занижена по сравнению с объективной; завышена стоимость жизненных ресурсов работника (например, высокооплачиваемых менеджеров); доходы собственника рационально обоснованы (в случае, когда он одновременно является творческим инноватором и менеджером) и т. д.

Полифония эксплуатации

Говоря об эксплуатации, нельзя не обратиться к вопросу о разделении общества на социальные группы эксплуататоров и эксплуатируемых. Как известно, согласно наиболее популярной марксистской теории эксплуатации, осиновым эксплуататорским классом является класс собственников, а эксплуатируемым — наемных рабочих (пролетариев).

Если проанализировать отношения эксплуатации с точки зрения обмена социальными ресурсами между различными функциональными группами в обществе, станет очевидным, что марксистская теория упрощает ситуацию. Так, в ней не учитывается возможность эксплуатации через другие, помимо собственности, экономические и неэкономические инструменты обеспечения неэквивалентного обмена ресурсами.

Например, через манипуляцию, которую осуществляют менеджеры (не только другими наемными работниками, но и собственниками) или компании, заинтересованные в продвижении товара (поведением потребителей).

Кроме того, классический марксизм не принимал во внимание эксплуатацию общества со стороны групп приписанных социальных характеристик, не связанных с собственностью (наследственно-статусных, типа поселения, национальных общин и т. д.).

Не учитывалась в нем и эксплуатация, источником которой является правящая бюрократия (в т. ч. не имеющая отношения к защите интересов собственников, например, в социалистических странах, где частной собственности на средства производства нет). Не считал достойным внимания Маркс и то, что собственники могут эксплуатировать друг друга в процессе хозяйственных или кредитных отношений и т. д.

В обществе существует своеобразная полифония различных вариантов эксплуатации. Отношение к частной собственности — лишь одна из возможностей для осуществления неэквивалентного социального обмена в пользу эксплуататоров. Ортодоксальные марксисты первой половины XX века не понимали этого, для них эксплуатации могла происходить только на базе института частной собственности на средства производства. С этим связано то, что даже критически настроенные к советским реалиям последователи Маркса долго не могли признать, что ликвидация частной собственности в СССР не привела автоматически к исчезновению эксплуатации, просто вместо капиталистов в роли основного системного эксплуататора выступила правящая бюрократия. Так, Лев Троцкий до конца жизни не мог поверить в то, что социальная система СССР, так же как и капиталистических стран, основана на эксплуатации, и продолжал вопреки здравому смыслу определять его как «рабочее государство».

Итак, любая социальная деятельность, лишённая влияния идеальной мотивации, ведет к манипуляции, призванной обеспечить неэквивалентный (манипулятивный) социальный обмен. А значит и к эксплуатации. Основой для нее могут

стать различные социальные, политические, идеологические институты (см. раздел манипуляция), а отнюдь не одна частная собственность. Однако в современном капиталистическом мире частная собственность все же является основной приписанной социальной характеристикой и главным инструментом неэквивалентного социального распределения.

Эксплуатация в неидеально-рациональном обществе осуществляется не только в процессе трудовых и потребительских отношений. Сохраняя социальную систему, менее рациональную, чем она могла бы быть на нынешнем уровне развития общества, заинтересованные в ее существовании элиты ставят людей в неблагоприятные социальные условия, не только не дающие адекватную социальную оценку их труду, но и не соответствующие их мотивации к творческой самореализации. Таким образом, подвергая эксплуатации социально непривилегированные слои населения в качестве наемных работников и потребителей, элиты зачастую лишают их и доступа к ценности творческой реализации.

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Герой популярного американского фильма говорил — «мы идем на работу, которую ненавидим, для того чтобы покупать вещи, которые нам не нужны». В этой лаконичной реплике отражены два главных способа эксплуатации в современном капиталистическом обществе. Привилегированные классы ставят индивидов в условия, которые заставляют их заниматься деятельностью, не соответствующей их творческому предназначению и потому не являющейся оптимальной для удовлетворения их внутренних мотивов. Забирая жизненные ресурсы наемных работников, собственники (и их контрагенты в виде привилегированного менеджмента) стремятся дать взамен как можно меньший объем социальных ресурсов, производя соответствующий неэквивалентный обмен в свою пользу. Затем социальные ресурсы наемных работников, полученные в результате такой дея-

тельности, с помощью манипуляции потребительским выбором конвертируются в предметы потребления, ненужные индивидам с точки зрения их рациональных интересов.

Итак, сегодня существуют две основные линии эксплуатации. Первая линия эксплуатации: собственники (акционеры, инвесторы, кредиторы, их коллективные воплощения в виде крупных корпораций и банков) — наемные работники. Вторая линия: производители, продавцы, промоутеры товаров и услуг — потребители. Причем первая линия эксплуатации во многом совпадает во второй.

По второй линии не только собственники, но и наемные работники могут эксплуатировать потребителей продукции, которую продвигают на рынок их предприятия (производственные, торговые или помогающие им в этом рекламные или маркетинговые). Также по этой линии собственники могут становиться объектом эксплуатации, выступая в качестве потребителей. Однако наемные рабочие в отличие от собственников подвергаются двойной эксплуатации и со стороны собственников своих предприятий, и как потребители. Собственники же зачастую манипулируют и наемными рабочими, и потребителями товаров и услуг. Причем манипуляция потребителями, хотя и выгодна порой наемным рабочим, производится прежде всего в интересах собственников (акционеров, кредиторов и т. п.) предприятий, присваивающих львиную долю ее результатов.

Сами же собственники системно принуждаются к манипулятивному социальному обмену только как потребители. Причем чем крупнее собственность, тем выше число задействованных в ней наемных работников и объем продаж товаров и услуг, производимых или продвигаемых на рынке. А значит больше сумма присвоенных в результате манипулятивного обмена первичных ценностей. Таким образом, в современном мире все-таки можно выделить группу, на которую приходится наибольший объем манипулятивно перераспределенных первичных ценностей — это крупные собственники. Соответственно крупные собственники в капиталистическом обществе составляют значительную часть обладателей наиболее вы-

соких позиций социального статуса, полученных в процессе манипулятивного социального обмена с большинством общества, прежде всего с собственными наемными рабочими, а также с потребителями продукции и услуг предприятий (банков, компаний), активами которых они обладают.

Подобный результат достигается крупными собственниками с помощью инструментов манипуляции, к которым они прежде других членов общества имеют доступ (СМИ, реклама, PR-технологии, корпоративная культура, брендинг и т. п.).

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Борьба эксплуатируемых и эксплуататоров имеет разный социальный смысл. Любые изменения социальной системы в направлении уменьшения эксплуатации, то есть в пользу дискриминированных групп, делают обмен более эквивалентным, приближают общество к рациональному идеалу. Таким образом, эксплуатируемые социальные слои, ведя борьбу за свои права, работают на рационализацию общества. Эксплуататоры, охраняя свои привилегии, препятствуют рационализации, играют регрессивную роль в развитии общества.

В любом обществе идет перманентный процесс передела социальных преференций между различными группами (статусными, профессиональными, национальными и т. п.).

Одна из наиболее распространенных форм социальной борьбы — противостояние между группами высоких и низких позиций приписанных социальных характеристик. Так как сами эти характеристики являются инструментом манипуляции, группы, участвующие в противостоянии, можно условно определить как манипуляторов (эксплуататоров) — обладателей высоких позиций и манипулируемых (эксплуатируемых) — имеющих низкие позиции. Борьба между этими группами со стороны манипуляторов ведется за сохранение привилегий, которые дают приписанные социальные характеристики, со стороны манипулируемых — за ликвидацию дискриминации, связанной с этими характеристиками.

Главная арена социального противостояния — борьба групп высоких и низких позиций основной приписанной характеристики (в античном мире личная свобода и принадлежность к наследственной социально-статусной группе; во времена Средневековья сословное происхождение; в капиталистических странах отношение к частной собственности).

Каждая группа, имеющая определенные приписанные характеристики, находится в состоянии подспудной или явной борьбы за ликвидацию дискриминации со стороны более привилегированной социальной общности и сохранение ее по отношению к менее привилегированной. Так вели себя аристократы, плебеи и рабы в Древнем Риме; феодалы, горожане и крестьяне в феодальной Европе; крупные собственники, мелкие собственники и рабочие в капиталистическом мире.

При капитализме наемные работники борются с собственниками за отмену дискриминации; мелкие собственники пытаются защититься от дискриминации со стороны крупных, при этом проявляя заинтересованность в сохранении дискриминации пролетариев; крупные собственники отстаивают свои привилегии от наступления на них наемных рабочих и мелкобуржуазных элементов. По той же схеме в Средние века строились отношения аристократов, горожан и крестьян.

При этом в социальных катаклизмах всегда очень важна была роль третьей силы, с которой попеременно заключали союзы наиболее привилегированная и эксплуатируемая группы.

Хрестоматийные примеры подобных союзов: поддержка французскими крестьянами (мелкими собственниками) буржуазии обрекла пролетарскую Парижскую коммуну на поражение, и, наоборот, союз пролетариев со значительной частью крестьянства (мелкой буржуазией) решил в пользу большевиков исход гражданской войны в России. Когда средний социальный класс борется с привилегиями высшего класса, он выступает в роли эксплуатируемого, а когда за сохранение дискриминации низшего — в роли эксплуататора.

Сегодня третья сила — независимые творческие люди, работающие на себя прежде всего с помощью тех возможно-

стей, которые дает им Интернет. Люди свободных профессий всегда были небольшой привилегированной группой, не имеющей собственного социального влияния, разные представители которой пытались пристать то к буржуазии (в России так называемая либеральная интеллигенция, кадеты), то к крестьянству (народники, эсеры), то к пролетариату (социал-демократы, коммунисты).

Только с формированием интернет-общества они стали представлять собой значительную, постоянно растущую самостоятельную социальную силу. Сегодня свободные трудящиеся интернет-пространства могут возглавить борьбу дискриминируемого большинства населения против привилегий крупных собственников и корпораций и сыграть главную роль в грядущей интернет-революции.

Раздел 6. ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Причина любого движения по пути научного, технического, идеологического, культурно-эстетического, интеллектуального, социального развития общества — непрерывный творческий процесс.

Развитие творческого процесса на определенном уровне ведет к рационализации инструментов манипуляции, которыми априори являются институты управления обществом.

В ходе процесса рационализации:

- сокращаются возможности для манипулятивного и насильственного использования, то есть возможности одних индивидов принуждать других индивидов совершать социальные действия, противоречащие их рациональным интересам;
- функции социальной системы приближаются к задачам обеспечения эквивалентного характера обмена первичными ценностями между индивидами;
- оценка социальной системой профессиональной деятельности индивидов начинает основываться в большей степени на результатах достижения целей творческой (идеальной) мотивации;
- усиливается социальное стимулирование творческой активности индивидов, что ведет к увеличению темпов развития творческого процесса.

Процесс рационализации является основным вектором социальной истории. В начале истории цивилизации появление новых достижений творческого процесса, способных стать основой для начала рационализации общества, и совершенствование инструментов манипуляции происходили равномерно. На достаточно высоком уровне развития творческого процесса, приведшем к более адекватному осознанию индивидами своих подлинных интересов, развитие инструментов рацио-

нализации стало опережать совершенствование инструментов манипуляции. Таким образом, начался процесс рационализации.

Попробуем выделить основные этапы процесса рационализации социальной системы общества в ходе творческого процесса и связанных с ним научно-технических и культурно-идеологических преобразований:

- рационализация сознания, создание более адекватной картины мира, осознание индивидами собственных внутренних мотивов социальной деятельности;
- рационализация идеальных целей общества;
- повышение уровня и качества потребления, дающее возможность для более полной реализации не только социального, но и творческого инстинкта;
- появление новых технологических возможностей для создания более рациональных социальных инструментов;
- создание новых, более рациональных социальных принципов и инструментов организации социальной системы, иерархии и поля.

Течение творческого процесса после выхода общества на путь рационализации можно описать следующим образом: его развитие приводит к рационализации идеальных целей и социальной системы, что, в свою очередь, создает более благоприятные социальные условия для творчества и придает процессу дальнейшее ускорение.

Развитие творческого процесса и процесса рационализации происходит по спирали и ускоряется с каждым новым ее витком, на каждом новом уровне развития.

Причинно-следственная связь развития творческого процесса и рационализации общества

Развитие творческого процесса → рационализация общественного сознания → рационализация идеальных целей общества → рационализация социальных инструментов → создание более бла-

гоприятных социальных условий для творческой деятельности → новый уровень развития творческого процесса → дальнейшая рационализация идеальных целей... и так по спирали.

Нелинейность, флуктуации рационализации и творческого процесса связаны с имманентным противоречием между функциями управляющих страт и страт интеллектуального труда. Если первые мотивированы поддерживать существующий социальный порядок, который дает им высокие позиции в социальной иерархии, то вторые ориентированы на творческий прогресс, объективно ведущий к изменению (рационализации) социальной системы.

Целью правящей элиты всегда является сохранение высоких позиций социального статуса. Для остальной части общества эта цель может быть иррациональной, так как зачастую не способствует достижению рациональных потребностей его членов. Для того чтобы манипулировать обществом, правящая элита навязывает ему свои социальные цели в качестве идеальных, находя для этого сакральные или мниморациональные объяснения. Таким образом, правящая элита стимулирует развитие инструментов манипуляции, что тормозит творческий процесс и рационализацию общества.

Несмотря на усилия правящей элиты, в результате деятельности страт интеллектуального труда в ходе творческого процесса со временем иррациональные объяснения существующего социального порядка неизбежно дезавуируются. Происходит демифологизация, рационализация общественного сознания. Иррациональные объяснения необходимости поддержания существующего порядка перестают работать, элита теряет возможность манипулировать обществом. Консервативная правящая элита, пока есть возможность, препятствует развитию творческого процесса в обществе, его влиянию на общественное сознание и социальную систему. Затем она все же теряет легитимность. Ей приходится уступить место более динамичной реформаторской элите. Та, стремясь достичь и сохранить власть, выдвигает зачастую более рацио-

нальные для общества цели, соответствующие новому уровню достижений творческого процесса. Новая элита осуществляет определенные рациональные преобразования социальной системы, обеспечивающие поддержку подданных, ожиданиям и интересам которых они в той или иной мере соответствуют. Затем новые, более рациональные социальные инструменты создают условия для ускорения развития творческого процесса.

На очередном витке развития новые достижения творческого процесса вновь вступают в противоречие с задачами правящей элиты, успевшей за это время из реформаторской превратиться в консервативную, пытающуюся сохранить статус-кво с помощью манипуляции обществом. Элита начинает тормозить развитие творческого процесса. Затем к власти приходит новая реформаторская элита, которая со временем превращается в консервативную. И так далее...

Процесс рационализации развивается по модели: «импульс» (социальные преобразования в результате прихода к власти новой реформаторской элиты) — «затухание» (застой после перерождения реформаторской элиты в консервативную). Периоду «импульс» соответствует ускорение развития творческого процесса, «затухание» рационализации приводит к его замедлению.

Творческий процесс развивается при любом уровне рациональности общества. Различаются только темпы его развития. В условиях дерационализации социальной системы и процессов социального обмена в обществе (увеличение возможностей для манипуляции и использования) темпы развития творческого процесса уменьшаются. Он может приобретать причудливые формы, идти в одних областях знания, затормозившись в других, надевать сакральные маски, скрываться в подполье, но полностью не останавливается. Как показала история клерикальных, фашистских и большевистских экспериментов по дерационализации социальной системы, даже в этих условиях, даже «из-под глыб» творческий процесс продолжается. Кажущийся творческий застой или даже регресс затем проявляется в накопленных творче-

ских достижениях. Подавленная творческая энергия со временем неизбежно преодолевает манипулятивные барьеры и ведет к дальнейшей рационализации.

Скорость развития творческого процесса прямо пропорциональна уровню рационализации общества. Чем выше уровень рациональности, тем эта скорость выше. Указанное обстоятельство связано с тем, что рационализация ведет, с одной стороны, к усилению социального стимулирования творческой активности индивидов. С другой стороны, и скорость рационализации прямо пропорциональна уровню развития творческого процесса. Ведь чем выше уровень творческого процесса, тем адекватнее информация об окружающем мире, которой располагают индивиды, и, соответственно, рациональнее их поведение.

Нелинейный характер рационализации, предполагающий временные откаты назад (дерационализацию), определяется или воздействием внешних причин (влиянием менее развитых обществ), или появлением внутри данного общества новых, более эффективных инструментов манипуляции.

ФУНКЦИЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ СКОРОСТИ И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

$$C = ab,$$

$$C_1 = ab:c,$$

где

C — скорость развития творческого процесса в данный момент времени;

C_1 — скорость развития процесса рационализации в данный момент времени;

a — достигнутый уровень развития творческого процесса;

b — достигнутый уровень рациональности общества;

c — достигнутый уровень развития инструментов манипуляции.

ПРИМЕЧАНИЕ. Функция не учитывает взаимовлияния на развитие творческого процесса и рационализацию различных по уровню развития обществ.

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МАНИПУЛЯЦИИ

Создание инструментов манипуляции — сухая ветвь творческого процесса в отличие от других его направлений, ведущих к накоплению и совершенствованию инструментов воспроизводства первичных ценностей. Инструменты манипуляции решают временные, тактические социальные задачи, деформируются и отмирают в процессе рационализации общества.

В отличие от простого воспроизводства совершенствование инструментов манипуляции является частью творческого процесса, в ходе которого они усложняются технически и интеллектуально. Однако при творческом процессе вместе с совершенствованием инструментов манипуляции сокращаются возможности для их использования в интересах манипуляторов. Чем адекватнее существующая в сознании индивидов картина мира, чем меньше в ней белых пятен, которые еще не успели заполнить достижения творческого процесса; чем меньше в этой картине фальсифицированных участков, тем сложнее осуществление манипуляции.

Инструменты манипуляции становятся все более изощренными, однако одновременно развивается творческий процесс, являющийся противоядием от этой манипуляции. Индивиды в развитых обществах создают социальные инструменты, ограничивающие возможность отчуждать их жизненные ресурсы путем манипуляции и насилия.

В результате уровень манипуляции, то есть объем жизненных и социальных ресурсов, с которыми индивиды вопреки своим рациональным интересам вынуждены расставаться, снижается (еще быстрее сужаются возможности для насильственного использования). Сегодня в развитых странах путем манипуляции индивидов можно заставить покупать тот или иной товар, голосовать за ту или иную партию, в крайнем случае — работать на босса вместо того, чтобы заниматься свободным творчеством, и т. п. В результате индивид совершает неэквивалентный обмен жизненных ресурсов на первичные ценности в пользу манипуляторов. Однако этот уровень манипуляции не сопоставим по масштабу с результатами насильственного или манипулятивного

использования людей в традиционных обществах прошлого и в странах за пределами западной цивилизации, находящихся на более низкой ступени рационализации (разрушающим здоровье принудительным трудом, жестокими издевательствами, смертельными рисками и жертвами).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВСЕМИРНОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ОЧАГОВЫЙ ЭТАП ВСЕМИРНОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Творческий процесс начал свое развитие в изолированных очагах цивилизации посреди варварского мира (Египет, Месопотамия, Индия, Китай, Древняя Греция, Древний Рим и т. д.). В дальнейшем общества, являвшиеся очагами творческого процесса, постепенно деградировали под влиянием взаимодействия с менее развитыми обществами. Однако творческие достижения, накопленные в очагах цивилизации, не исчезали полностью, но давали импульс развитию творческого процесса в варварской ойкумене.

Очаги цивилизации, сгорая сами, инициировали творческое развитие окружающего мира.

В истории можно выделить два основных варианта распространения творческого процесса.

1. Мир варваров, стоявший ниже по уровню творческого развития, в силу своего численного превосходства или специфического преимущества в военной области захватывал и разрушал очаг творческого процесса (такова судьба большинства древних цивилизаций — Шумера, Древнего Египта, Мохеджо-Даро, крито-микенской цивилизации, танского Китая). При этом определенная часть уничтоженной культуры осваивалась победителями.

2. Общество, являвшееся очагом цивилизации, в ходе осуществляемой ими территориальной экспансии вбирало в себя отсталые варварские страны. В результате появлялось новое общество, уровень творческого процесса в котором оказывался существенно ниже, чем в исходном очаге цивилизации. Однако это общество включало гораздо более многочисленные покоренные народы, уровень творческого процесса в которых в результате присоединения к нему существенно повышался (примером может служить растворение Древней Греции в эллинистическом мире, Древнего Рима — в раннесредневековой Европе).

Для того чтобы в обществе начался процесс рационализации социальной системы, оно должно находиться на достаточно высоком уровне развития творческого процесса, то есть накопить и адаптировать к реальной жизни определенную сумму научных, технических, гуманитарных знаний и опыта. Причем необратимость этого процесса может обеспечить только его высокое развитие в обществах, составляющих часть человечества, достаточно значительную для того, чтобы гарантировать себя от агрессии или поглощения менее развитыми обществами.

Первые очаги творческого процесса, в которых он развивался вполне успешно, чтобы началась рационализация общества, — Древняя Греция, Древний Китай, республиканский Рим. В этих странах шел процесс рационализации общественного сознания и идеальных целей, создавались более рациональные социальные институты, оптимизировалось распределение позиций социального статуса. В результате функциональный потенциал индивидов в этих обществах стал доминантным. Более того, оценка функционального потенциала по идеальной мотивации превратилась в главный источник социального статуса для страт интеллектуального труда и обрела существенное значение в управляющих стратах, став важным критерием в экзаменах для чиновников в Китае, при выборах руководства полисов в Греции и республиканском Риме.

Однако творческий процесс в этих обществах не успел дойти до стабильного необратимого развития. Первые творчески высоко развитые общества были поглощены менее развитой варвар-

ской ойкуменой. По инерции творческий процесс некоторое время еще развивался, например в эллинистическом мире или Римской империи, но потом под влиянием поглощенных отсталых обществ начинался регресс.

В истории Китая поглощение очага цивилизации варварами, как известно, происходило неоднократно. Как только творческое развитие китайского общества продвигалось достаточно далеко, страну в очередной раз захватывали и разоряли кочевники. Едва китайцы успевали цивилизовать своих поработителей, как на страну накатывала новая волна варварского нашествия.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ, ДИФFUЗНЫЙ ЭТАП ВСЕМИРНОГО ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Хотя в имперский период Древний Рим как очаг творческого процесса постепенно растворился в своей огромной империи, а затем был окончательно уничтожен варварами, в целом Западной Европе повезло больше, чем Китаю.

Европа смогла начать процесс дальнейшего творческого развития благодаря отсутствию внешнего дегенерирующего влияния (Великая степь, постоянно разорявшая Китай, была относительно далеко, в этом смысле из европейских стран не повезло только России, ставшей основной жертвой татаро-монгольского нашествия). Важную роль сыграло и то, что многие вещественные носители греко-римского наследия (книги, произведения искусства и т. д.) не были полностью истреблены и могли быть востребованы новыми поколениями европейцев.

Эпоха Возрождения стала началом нового этапа творческого процесса не только в Европе, но и в мире. На этом этапе процесс достиг достаточно высокого уровня в значительной части обитаемого мира, для того чтобы обеспечить его необратимое поступательное развитие. В результате этого на европейском Западе началось реформирование социальной системы в направлении рационализации, что придало дальнейшее ускорение творческому процессу.

Тайна феноменального успеха Запада в Новое и Новейшее время, загадка того, каким образом Запад тогда политически, экономически, интеллектуально покорил весь остальной мир, имеющая разные объяснения, вплоть до теории заговора или мистического предопределения, по нашему мнению, объясняется достаточно просто. Все дело в том, что общества, принадлежащие к западной цивилизации, первыми достигли непрерывности и вышли на ускоряющееся развитие творческого процесса под воздействием рационализации.

Главный итог Возрождения — десакрализация, рационализация целей творческих страт, их развитие и структурирование, построение их иерархии на основе соответствия функционального потенциала по идеальной мотивации.

Следующим толчком развития творческого процесса на Западе стала Реформация, явившаяся следствием подъема творческой активности, начавшегося еще в эпоху Возрождения. В результате Реформации в некоторых западноевропейских странах под видом сакральной была сформулирована рациональная цель социальной деятельности — реализация профессионального призвания (*Beruf* — по М. Веберу). Этот идеологический импульс привел к буржуазным революциям (Голландия, Англия) и появлению первых обществ с выраженным присутствием рациональной составляющей в идеальных целях.

Новый скачок творческого процесса произошел в эпоху Просвещения и последовавшей за ней череды революций и социальных преобразований конца XVIII–XIX веков. Эпоха Просвещения положила начало процессу снятия сакральной маски с рациональных целей (кстати, этот процесс, определяющий для рационализации, до сих пор не до конца завершен даже в самых передовых странах Запада, общественное сознание которых в значительной мере не освободилось от квазирелигиозного символизма).

Говоря об истории развития творческого процесса, нельзя не упомянуть о той значительной роли, которую в ней сыграло мировое масонство. Масонская идеология, сформировавшаяся к началу XVIII века, была существенным шагом вперед по направлению к формированию рационального общественного

сознания. Гуманистическая идеология масонства, хотя и включала иррациональные пережитки (идея бога — «великого архитектора», значение мистических обрядов), тем не менее, была прежде всего обращена к подлинным рациональным интересам индивидов — обретению материального и духовного комфорта, защите от насилия и войн. В XVIII–XIX веках масонство было важным проводником развития творческого процесса в христианском мире, борцом с архаичными аристократическими системами национальных государств, влиянием иррациональных идеологий (таких как клерикализм и национализм). Влияние, которое оказали в то время масоны на политику европейских государств, существенно облегчило развитие в них творческого процесса, рационализацию их социальных систем. Только к середине XX века масонство потеряло свое былое позитивное влияние, а его идеология, сохраняющая устаревшие мистические пережитки, стала отставать от требований развития творческого процесса.

Большую роль в развитии творческого процесса сыграли распространившиеся в XIX веке идеи освобождения человека от социальной эксплуатации. Носители этих идей — немецкие марксисты; французские эбертисты, фурьеристы, прудонисты и бланкисты; русские анархисты, народники, социал-демократы и другие левые радикалы — поставили рациональную, прогрессивную задачу преодоления использования и манипуляции в обществе. Однако в большинстве своем (в том числе и те, кто в других вопросах не сходились, от Маркса до Кропоткина) связывали эту идею с ложным представлением о коллективистской, альтруистической природе человека, которой не дает проявиться только «порочная» организация общества. Эта фундаментальная ошибка явилась причиной краха всех последующих лево-радикальных, и прежде всего большевистского, экспериментов.

Ложные попытки найти новый рациональный путь общественного развития привели в первой половине XX века к флуктуациям творческого процесса, связанным с появлением мниморациональных доктрин — фашизма и коммунизма. Причина подобного развития событий в том, что попытки сформулировать рациональные цели на данном периоде раз-

вития были еще недостаточно подкреплены реальными достижениями творческого процесса (хотя ждать оставалось совсем недолго). Например, Гитлер и его соратники, якобы радевшие об интересах немецкого народа, развязали губительную для него Вторую мировую войну, потому что были уверены, что без восточноевропейских сельскохозяйственных земель или африканских колоний их любимую Германию ждут голод и прозябание. Не прошло и 10 лет после окончания Второй мировой войны — и блестящие экономические успехи ФРГ сделали это предположение очевидно абсурдным. Если бы произошло чудо и уже в 1930-е годы немцы угадали, что научно-техническая революция в короткие сроки сделает Германию абсолютно независимой от необходимости завоевывать для себя колонии и жизненное пространство на Востоке, не было бы ни нацизма, ни Второй мировой войны.

Последним по времени этапом движения общества в направлении рационализации и ускорения развития творческого процесса в середине XX века стало создание модели государства всеобщего благосостояния в большинстве индустриально развитых стран Запада.

Распространение творческого процесса через перераспределение от более к менее развитым обществам характерно для его очагового этапа. На этапе поступательного развития творческого процесса его распространение не ведет к регрессу обществ, являющихся своеобразными донорами его достижений. Этот этап творческого процесса, который можно также назвать диффузным, продолжается до настоящего времени.

На данном отрезке времени происходит проникновение идей и технологий из стран Запада в менее развитые общества:

- добровольное — в случаях, когда элита стран-акцепторов пытается решить проблемы осуществления своих идеальных целей с помощью заимствования достижений творческого процесса западного общества (Россия во времена Петра I, Турция при Ататюрке, Япония в эпоху Мэйдзи);

- принудительное — через колониальные захваты, вооруженное вмешательство, культурную и экономическую экспансию Запада.

Распространение западной культуры и творческих достижений в Новое и Новейшее время привело к развитию мирового творческого процесса, не вызывая творческого упадка в самих странах, принадлежащих к западной культурной традиции. При всей сложности, неоднозначности, несмотря на многочисленные контрпродуктивные эксцессы (такие как распространение европейцами опиума в Китае в XIX веке), в конечном счете процесс вестернизации был мощнейшим стимулом для развития творческого процесса в мире. В конце XX века ситуация начала меняться, но об этом — в следующих разделах.

СОХРАНЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Всемирный творческий процесс не может остановиться даже на время. Его отрицательная динамика возможна только на уровне отдельных обществ, в результате воздействия на них обществ с низким уровнем развития. В этом случае вероятно снижение уровня творческого процесса в высокоразвитом обществе. Однако даже в подобной ситуации не происходит снижения уровня творческого процесса в масштабах человечества. Высокоразвитое общество отдает свои творческие ресурсы менее развитому (происходит своеобразная творческая энтропия, рассеяние творческой энергии из очагов культуры во внешнюю среду).

Подобная ситуация наиболее полно выразилась при распространении эллинистической культуры на Восток и упадке ее в самой Греции, при варваризации Римской империи и романизации варварской Европы, многочисленных периодах упадка Китайской империи, которыми она платила за цивилизующее влияние на варварские племена-захватчики. Таким образом, можно говорить о сохранении творческой энергии при ее обмене между различными обществами и народами.

При ускорении развития творческого процесса в Новое время представители привилегированных слоев и неэлитного большинства населения с разной скоростью успевали усваивать его достижения. Последние в силу ограниченного доступа к образованию и интеллектуальному развитию явно не поспевали за первыми.

В результате резко увеличился имевшийся разрыв между уровнем творческого развития элитных слоев общества и т. н. простого народа. В европейских странах в то время одновременно сосуществовали как бы два народа, находящихся на разном уровне творческого развития, — продвинутая, образованная аристократия и темный, безграмотный простой народ. Особенно ярко такая ситуация проявилась в России XVIII–XIX веков. Так называемые образованный класс и простой народ жили как бы в разных веках, отличались друг от друга как жители наиболее развитых стран Европы от обитателей азиатского захолустья.

Народ — «образованный класс», поначалу состоявший по преимуществу из представителей аристократии, затем включил разночинцев и даже часть дискриминируемых евреев. Во время Гражданской войны в России и красными, и белыми руководили представители различных сегментов народа — «образованного класса». Они не только боролись между собой, но и находились в состоянии перманентной войны против представителей «простого народа» — русского и украинского крестьянства (см. историю крестьянского сопротивления во времена Гражданской войны — восстаний и партизанского движения на Украине, в Сибири, Поволжье, Черноземье против большевиков, Деникина и Колчака). Причем это противостояние напоминало порой борьбу европейских колонизаторов с отсталыми африканскими или американскими племенами. Так, например, «образованные» большевики во время восстания Антонова в Тамбовской губернии тысячами истребляли крестьян с помощью новейших достижений техники — газов и броневозов, к которым крестьяне относились с почти таким же суеверным ужасом, как индейцы к лошадям Кортеса и Писсаро [1]. Отсюда и патологическая жестокость во время крестьянских восстаний белых и красных, с одной стороны, и крестьянских «батек» — с другой. Многие из числа тех и других в глубине души не воспринимали своих противников как представителей одного с ними народа. Только в процессе всеобщего социального смешения первых десятилетий советской власти, культурной революции, утверждения всеобщего начального образования и грамотности два народа — «образованный» и «простой» начали объединяться.

Характерно, что идея двух народов, веками сосуществующих на российской земле, популярна как у национал-патриотов, так и у радикальных демократов. И те и другие вкладывают в это понятие оценочный смысл. Корыстный космополитичный малый народ у Шафаревича противопоставит угнетенному и ограбленному русскому народу [2]. И наоборот, инертному, безынициативно-му большому народу противопоставит энергичное, мыслящее по-европейски меньшинство (многочисленные публичные выступления В. Новодворской, А. Коха и др.). В действительности все гораздо менее драматично. Противостояние двух народов, состоящих из более и менее интеллектуально продвинутых социальных слоев, в России, как и в Европе, явилось неизбежным следствием неравномерности развития творческого процесса в обществе и было со временем под влиянием этого же процесса преодолено.

Закон сохранения творческой энергии работает и при перераспределении уровня развития творческого процесса между социальными слоями внутри одного общества. Так, в результате большевистской революции в России и при демократизации и распространении массовой культуры в Европе в XIX — первой половине XX веков существенно снизился уровень творческого развития элиты, однако это снижение компенсировалось проникновением культурных ценностей в самые темные слои народных масс. Уровень творческого развития элиты тонким слоем был распределен среди существенно превосходящей по численности неэлитной части общества. В результате массы, конечно, не смогли подняться до уровня элиты, их культура кажется убудочной на фоне творческих достижений интеллектуальной элиты прошлого. Однако нельзя отрицать, что в результате этого перераспределения и распространения массового образования и культуры уровень развития творческого процесса, понизившись на уровне элиты, повысился на уровне общества.

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Сопоставляя взгляды великих мыслителей XVIII века: Локка и Юма, Гольбаха и Вольтера, Тюрго и Мендельсона, Кондорсе и Вольтера, Монтескье и Гельвеция, Дидро и Руссо, Адама Смита и Иммануила Канта, Джефферсона, Пейна и Бентама, выдающийся либеральный мыслитель Исайя Берлин, отмечая огромное разнообразие их идейного наследия, пришел к такому выводу: «...все они, пусть и в разной степени, верили... что люди по природе своей создания разумные, общественные и уж во всяком случае (если их только не обманывают мошенники и не сбивают с толку дураки) способны разобраться, что именно необходимо им самим и окружающим» ([13] к разд. 1).

Понимание рациональной природы и мотивов индивидов и их социальных отношений стало основой формирования общественного сознания и социально-политической системы стран Запада. Позже идеи рационализма были в значительной степени дискредитированы жестоким опытом революций, войн, катастроф, кровавых социальных экспериментов первой половины XX века, проводившихся под флагом борьбы за утверждение в жизнь общественных принципов, воспринимаемых их носителями как разумные, идеальные и рациональные. Обещания скорейшего торжества разумного, рационального мироустройства не оправдались, столкнулись с нетерпением поверивших в них масс и вызвали всеобщее разочарование (одним из первых это заметил Ортега-и-Гассет).

Дискредитация рационального мировоззрения под влиянием краха надежд на торжество разума в XX веке привела к формированию новых иррациональных направлений общественной мысли, претендовавших на более сложное

и тонкое понимание природы человека и социальных отношений. Среди них — экзистенциализм, антиисторицизм, постмодернизм.

Неудачные поиски нового социального идеала (такие как коммунизм и нацизм), основанные на своеобразной смеси новых рациональных идей и продуктов разложения умирающих традиционных иррациональных идеологий, привели к катастрофическим для народов мира последствиям. Следствием стало своеобразное табу, наложенное в западной общественной мысли на саму возможность сформулировать универсальный социальный идеал.

Последние десятилетия XX века дали принципиально новый опыт. Происходящее сегодня глобальное столкновение между рациональным и иррациональным миром делает реабилитацию в общественном сознании и гуманитарной мысли универсальных рациональных идеалов остроактуальной темой.

За последнее время общества, основанные на рациональном, позитивистском мироощущении, утвердились и функционируют на большей части земного шара. Это и китайский авторитарный госкапитализм, основанный уже не на сакрализации обычаев и традиций или марксистских догм, а на идеальной цели достижения максимального индивидуального материального благополучия, то есть, по сути, вестернизированный. Это и «азиатские тигры», и секуляризованная Турция, и достаточно динамично развивающаяся Индия — даже в этой огромной и традиционно архаичной стране медленно, но необратимо идет процесс вытеснения иррационального из общественного сознания, и он уже не ограничивается только элитой. Это и Россия, и Восточная Европа, которые отказались от мниморациональной коммунистической идеологии и, несмотря на огромные проблемы, получили все еще не реализованную (по крайней мере Россией) возможность для рационализации.

Процесс горизонтально распространяющейся рационализации встретил бешеное сопротивление иррациональных общественных институтов, наиболее дееспособным из которых

оказался ислам. Исламский мир стал главным форпостом противостояния рационализации. Более того, в ответ на идеологическое наступление западной цивилизации мир ортодоксального ислама начал террористическое контрнаступление на нее.

При всей очевидной важности угрозы со стороны ислама нельзя недооценивать и опасность активизации новых иррациональных культов, например Аум Синрике в Японии, Фалуьгунь в Китае или «Черных мусульман» Фаррахана в США. Сохраняется также и опасность для рациональных основ западного общества, исходящая от старых мистических учений, таких как христианство, иудаизм, буддизм, индуизм, еще не исчерпавших свои деструктивные возможности и влияние.

Только более последовательная реализация рациональной социальной парадигмы может дать западному обществу возможность эффективно бороться за выживание, сохранять боеспособность в схватке с наступающими иррациональными силами.

Горизонтальная рационализация, идущая с огромным трудом, должна быть подкреплена внутренней, вертикальной рационализацией социальных систем самих стран Запада. Этот процесс может быть основан на воссоздании рациональной социальной идеологии (корни которой уходят в творческие достижения Нового времени), на обретении социального идеала, призванного стать направлением для проведения глубоких структурных реформ.

В XVII–XIX веках были сформулированы и приобрели широкую популярность теории позитивизма, рационализма, утилитаризма, индивидуализма, гуманизма, атеизма, дарвинизма. В совокупности заложенные в них идеи составляют рациональный взгляд на природу человека и окружающий его мир, включая осознание того, что единственной объективной ценностью человеческого общества являются жизненные, практические интересы составляющих его индивидов. Рационалисты Нового времени создали различные, несовместимые друг с другом модели реализации рациональ-

ного идеала в социуме (от свободного рынка А. Смита до коммунизма К. Маркса). Однако задача создания общепризнанной, адекватной реальности идеально-типической модели организации социального мира, способной определить направление развития на пути к рациональному общественному идеалу, поставленная еще рационалистами XVIII века, так и не была решена.

С высоты сегодняшнего исторического опыта можно говорить не о воплощении а priori недостижимого идеала (реализации утопии), но о движении к нему; не о создании совершенного общества, но о направлении совершенствования существующих социальных отношений; не о строго научной теории, но об упрощенном, схематическом описании общественных процессов, не претендующем на всеохватывающее описание реальности.

Социальная жизнь сложнее любых теорий. Попытки реализовать идеальные принципы, любой ценой воплощая умозрительные социальные модели в жизнь, чрезвычайно опасны. В этом смысле поучителен пример марксизма в его радикальном коммунистическом варианте, который породил многочисленные жертвы, принесенные в процессе реализации утопического проекта.

Однако социальные преобразования, движимые определенными социальными идеалами, могут приводить и к положительным результатам. Тот же марксизм в реформистском варианте сыграл существенную позитивную роль в общественном процессе. Реформистские социалистические партии, не ставившие перед собой задачу немедленной буквальной реализации предложенного Марксом социального проекта, во многом определили приоритеты развития западного общества в XX веке.

Во второй половине XX столетия в западной политической культуре стало господствовать представление о том, что само понятие социального идеала не нужно и даже вредно. Самый известный пример подобных взглядов — антиисторицизм К. Поппера, отрицающий любые попытки формулирования исторических закономерностей, логики и идеалов социаль-

ного развития [1]. Объективно подобные теории (в том числе и К. Поппера) служили на протяжении второй половины XX века теоретическим обоснованием канонизации существующих социальных отношений, прежде всего в интересах правящих западных элит.

Наиболее модное течение общественной мысли конца XX столетия — постмодернизм также отрицает рациональные и позитивистские представления о социальной жизни. Как пишет Ф. Уэбстер, «сами постмодернисты считают, что им удалось избавиться от смирительной рубашки Просвещения, прекратить погоню за истиной и тем самым обрести свободу различий: в анализе материала, объяснении и его интерпретации» [2]. Это сверхпопулярное течение современной общественной мысли декларирует равнозначность подлинной реальности и ее отражения в словах, образах и медиа-версиях, равноправие фактов и их интерпретаций. Таким образом, лишается смысла сама возможность объективной оценки социальных действий и процессов с точки зрения рациональных критериев. Постмодернизм, ставя под сомнение объективность какой бы то ни было реальности, канонизирует инструменты манипуляции и создаваемой ими мнимой действительности. Один из отцов-основателей постмодернизма Мишель Фуко писал: «Действительности вообще нет; все, что есть, это язык, и даже говоря о языке, мы вынуждены пользоваться им же» (цит. по [2]). Естественно, что в мире, где нет ничего прочного и объективного, где предметы меняются в зависимости от угла зрения, — в этом постмодернистском царстве неопределенности и иллюзорности инструменты манипуляции провозглашаются естественными, органичными для человеческого сознания. С позиций постмодернизма любые посягательства на существующую социальную реальность (которая эфемерна и иллюзорна) кажутся бессмысленными.

Отсутствие представления о социальном идеале в современной западной общественной мысли закрывает путь к движению вперед, не дает возможности адекватно отвечать на вызовы времени. Социальные предложения сегодняшней

правлящей западной элиты локальны и преследуют краткосрочные, тактические цели, не позволяющие формулировать долгосрочные, стратегические проекты социальных преобразований. Кроме того, нельзя не учитывать того, что и тактические задачи невозможно успешно решать не имея стратегического, идеологического видения развития ситуации.

Плюрализм ценностей, о котором любят говорить последователи К. Поппера и И. Берлина, не отменяет необходимости поиска пути к рациональному согласованию этих ценностей. Социальному развитию общества необходимо обрести направление движения, социальный идеал, на который оно будет ориентироваться.

Этот идеал может быть воплощен в образе рационального социума, дающего оптимальные возможности для согласования и оптимизации достижения внутренних мотивов каждого индивида, индивидов в обществе; интересов разных обществ, нынешних и будущих их поколений.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Условия рационального выбора

Известный американский ученый Дж. Роулз — один из немногих относительно современных авторов, дерзнувших сформулировать идеальные принципы социального перераспределения. Его принципы справедливости основаны на идее общественного договора. По теории Роулза, «их могли бы выработать индивиды под вуалью неведения о своих личных интересах, о своих качествах и, следовательно, о том положении, которое они смогут занять в этом обществе»; «среди существенных черт этой ситуации находится то, что никто не знает своего места в обществе, своего классового положения

и социального статуса, а также своей судьбы при распределении природных дарований и способностей ума, силы и пр.» (см. [5] к разд. 1).

Вывод Дж. Роулза о том, что в этом случае в качестве идеальной будет выбрана система перераспределения, защищающая прежде всего интересы наиболее обделенных индивидов, представляется достаточно сомнительным (индивиды, по Дж. Роулзу, опасаясь оказаться в роли самых необеспеченных, в первую очередь позаботятся о них). По нашему мнению, наоборот, индивиды, не обладающие полнотой информации, с высокой долей вероятности, будут склонны переоценивать свои возможности и шансы. Из чего явно не следует, что они будут заранее оговаривать предпочтения для самых обездоленных, как это считает Роулз.

Скорее прав Дэниел Белл, который в работе «Грядущее постиндустриальное общество» писал: «...если определять общество вслед за Роулзом как „корпоративное предприятие, отвечающее взаимной выгоде“, то почему бы, следуя его логике, не предоставить больших стимулов тем, кто в состоянии увеличивать совокупный общественный продукт, и использовать этот растущий «социальный пирог» для взаимной (хотя и дифференцированной) выгоды всех» [3].

Если, в свою очередь, продолжить логику Д. Белла, то можно предположить, что предложенный им вариант организации перераспределения, ориентированный на рост совокупного благосостояния, был бы основан на социальном стимулировании оптимального соотношения функций, выполняемых индивидами, и их способностей.

Несмотря на достаточно сомнительные выводы Дж. Роулза, его подход к формулированию социального идеала по принципу свободного выбора рациональных индивидов представляется чрезвычайно плодотворным.

Для того чтобы выработанный социальный идеал (или принципы справедливости, по Дж. Роулзу) в полной мере отвечал реальным интересам индивидов, он должен стать результатом их рационального выбора, условия для совершения которого противоположны предложенным Дж. Роулзом,

то есть основаны не «на вуали неведения», а на полном объективном знании.

Рациональный выбор принципов справедливости должен быть выработан индивидами, не подверженными влиянию манипуляции, которые имеют всю полноту информации, необходимую для того, чтобы сделать рациональный выбор. Эти индивиды должны иметь адекватное представление о своих имманентных качествах и способностях и качествах других индивидов, а также знать, какое место на социальном поле они займут при условии существования той или иной формы социального порядка.

Только в таких условиях индивиды смогут совершить рациональный выбор варианта правил организации социальной системы, который будет для них наиболее выгодным из всех возможных альтернатив. Общество, организованное на основе такого выбора, можно обозначить как идеально-рациональное.

ЦЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Известный социолог Джордж Хоманс определяет рациональный выбор так: «Выбирая между альтернативными действиями, человек избирает то, которое обеспечит наибольшее значение величины, получаемой при умножении ценности результата, как она воспринимается на данный момент (V), на вероятность его достижения (p)» [4]. Учитывая множественность и разнонаправленность мотивов индивида, можно констатировать, что рациональный выбор действий индивида в каждый момент социальной жизни должен определяться стремлением максимально реализовать все его имманентные мотивы. То есть рациональный индивид выбирает тот вариант социальных действий, который дает ему возможность получить наиболее высокое значение удовлетворения: a (основного социального инстинкта) + b (сберегающего социального инстинкта) + c (творческого инстинкта) + d (инстинкта наследования) — с наибольшей вероятностью (p).

При этом необходимо учитывать, что реализация одних внутренних мотивов не в состоянии компенсировать отсутствие или предельно низкие значения реализации других мотивов. Плодотворная творческая активность не может компенсировать страданий от отсутствия необходимых для нормальной жизни и работы социальных ценностей. Социальная карьера без творчества не может дать полного удовлетворения. Возможность потери в результате социальной деятельности жизни и здоровья делает бессмысленными временные достижения и успехи. Угроза гибели последующих поколений в мировой катастрофе ставит под сомнение все текущие усилия. Для получения стабильного удовлетворения от социальной жизни индивиду необходимо достичь относительно высокого уровня реализации всех его основных внутренних мотивов.

Таким образом, любые варианты, включающие крайне низкие показатели реализации хотя бы одного из внутренних мотивов, не могут быть рациональным выбором индивида. Рациональный выбор предполагает равноправный учет вероятности успеха или неудачи в реализации всех внутренних мотивов.

Таким образом, социальная система, организованная исходя из рационального выбора индивидов, должна дать каждому индивиду наиболее полную возможность для гармоничной реализации внутренних мотивов.

Функция РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Рациональным выбором (x) индивида является вариант **социальных** действий, дающий наиболее высокое значение функции

$$x = |(a)(p) + |(b)(p) + |(c)(p) + |(d)(p),$$

где a, b, c, d — наиболее высокие показатели значения удовлетворения соответствующих внутренних мотивов; p — их вероятность; знак $|$ перед обозначением каждого внутреннего мотива означает, что из вариантов рационального выбора исключены и не рассматриваются вероятности, предусматривающие предельно низкие значения их удовлетворения.

При выборе принципов организации общества рациональный индивид может ориентироваться только на то, насколько эти принципы будут соответствовать задаче реализации его имманентных мотивов. Таким образом, общество, организованное на основе рационального выбора, будет представлять собой идеальный рынок для каждого индивида, в котором тот покупает услуги всех других индивидов, то есть предоставляет им права на социальные преференции, исходя из того, насколько полезна для него их деятельность.

Оценивая деятельность других членов общества, рациональному индивиду придется учитывать, что социум должен мотивировать их исполнять те или иные социальные функции, то есть учитывать то, что для успешного выполнения различных социальных функций необходимо их адекватное социальное поощрение.

Рациональный индивид передаст позиции на социальном поле другим, исходя из собственной заинтересованности в выполнении этими индивидами определенных социальных задач. Он заинтересован в правилах организации социальной системы, при которых деятельность других индивидов стимулировалась бы позициями социального статуса в соответствии с той пользой, которую она приносит данному индивиду. Руководствуясь этим, рациональный индивид выбирает такие принципы организации общества, которые обеспечили бы социальное стимулирование оптимального для него соотношения функций, выполняемых членами общества, и их способностей.

Социальная иерархия в обществе, организованном исходя из рационального выбора индивидов (идеально-рациональном обществе), должна быть построена по законам рыночного спроса на основе соотношения спроса и предложения. При таком подходе наиболее значимые социальные позиции получают индивиды, выполняющие особенно ценные для других индивидов (спрос) и дефицитные (предложение) функции.

Этот принцип должен определять иерархию и профессиональных страт, и индивидов внутри них.

Наиболее ценные способности, как правило, являются и наиболее дефицитными. Творческие способности совмещают в себе дефицитность (они всегда эксклюзивны) и ценность (позволяют индивиду эффективно выполнять свои функции по их идеальной мотивации и обеспечивают развитие творческого процесса).

Индивиды, обладающие такими способностями, в интересах других членов общества должны быть максимально социально мотивированы, чтобы заниматься соответствующей своим талантам деятельностью. Функции, не требующие специфических способностей, лишены эксклюзивности, их может осуществлять практически любой индивид. Поэтому подобная деятельность не дает возможности претендовать на стимулирование высокими позициями социального статуса.

Обществу необходим труд и тракториста, и ученого. Но предложение этих способностей на своеобразном социальном рынке разное. Хорошим трактористом может стать практически любой физически здоровый человек, а количество выдающихся ученых ничтожно мало.

Существует очевидная закономерность: чем ценнее для общества функция, тем меньше людей, способных ее качественно выполнять. Если построить иерархию способностей членов общества к профессиям тракториста, таксиста, официанта, рабочего, мусорщика, окажется, что различие в способностях у членов общества к этим профессиям минимально. То есть на жизни общества никак не скажется, какие его члены будут выполнять эти функции и какими способностями они будут обладать. Совершенно другая ситуация складывается с профессиями ученого, писателя или разработчика компьютерных технологий.

Разброс уровня способностей у индивидов к осуществлению этих чрезвычайно важных функций огромен (от большинства не способных к ним вовсе до единиц-гениев). Поэтому обществу необходимо социально стимулировать соответствующий профессиональный выбор индивидов, наиболее способных именно к таким функциям.

Рациональные индивиды организовали бы профессиональные страты таким образом, чтобы статус индивидов внутри

группы определялся в соответствии с ценностью их деятельности для других индивидов. Множество индивидов, соответствующее спросу общества на ту или иную функцию, располагалось бы в социальной иерархии по степени индивидуальной ценности их деятельности для других индивидов. А значит, социальная иерархия внутри страт формировалась бы исходя из качества выполнения индивидами профессиональных функций по их идеальной (творческой) мотивации. При этом профиль иерархии должен соответствовать степени дифференциации полезности деятельности индивидов. Внутри менее ценных для общества функциональных групп профиль социальной иерархии может быть ближе к горизонтали. Среди более квалифицированных профессиональных страт он круче.

Итак, общество, организованное на основе рационального выбора его членов, обеспечивает согласование внутренних мотивов индивидов на базе социального стимулирования творческого инстинкта, реализация которого становится единственным критерием для социальной оценки. Социальный порядок, основанный на данном принципе, дает членам общества наибольшую возможность для реализации внутренних мотивов — активного (основного) социального сберегающего, творческого инстинкта и мотива наследования.

ШЕСТЬ ПРИНЦИПОВ РАЦИОНАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Попробуем кратко сформулировать основные принципы функционирования социальной системы, как они были бы сформулированы на основе рационального выбора индивидов.

1. Общество социально стимулирует организацию оптимального для его членов соотношения выполняемых ими функций и их способностей.
2. Общество обеспечивает индивидам наиболее благоприятные условия для реализации их творческих (профессиональных) способностей постольку, поскольку эта реализация не препятствует реализации творческих (профессиональных) способностей других индивидов.

3. Оценка функционально-профессиональной деятельности по ее идеальной (творческой) мотивации является основой для организации социального поля и иерархии общества.
4. Иерархия функциональных макрострат, страт рода деятельности, функционально-профессиональных групп основывается на степени полезности их функций для членов общества.
5. Иерархия индивидов внутри страт и групп определяется качеством выполнения данных профессиональных функций с точки зрения их идеальной мотивации (декларируемых целей).
6. Наиболее полная реализация творческих способностей каждого члена общества обеспечивает наиболее динамичный рост возможностей для реализации внутренних мотивов всех членов общества, человечества и его будущих поколений.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ОПТИМАЛЕН ДЛЯ ВСЕХ

Социальный порядок, являющийся результатом рационального выбора всех членов общества, должен обеспечить каждому наиболее выгодный вариант обмена жизненных ресурсов на первичные ценности по сравнению со всеми альтернативными вариантами.

В связи с этим возникает неизбежный вопрос: могут ли даже гипотетически существовать условия социального обмена, которые были бы признаны наиболее выгодными всеми его участниками? Ведь, признавая правильность соблюдения данных принципов по отношению к другим, индивиды всегда будут подвергаться искушению сделать для себя исключение. То есть добиваться более выгодных для себя критериев социальной оценки, в том числе через деятельность, направленную на изменение этих принципов.

Для того чтобы выработанные в результате свободного рационального выбора принципы соблюдались, следование им

должно в целом в большей мере соответствовать рациональным интересам индивидов, чем любое отклонение от них, даже дающее определенные дополнительные социальные преференции.

Признав наряду с другими членами общества наиболее рациональной некую систему социального перераспределения, индивид признает и свое место в ней, то есть соглашается с необходимостью следовать ее правилам. Это означает, что индивид не мотивирован к действиям по манипулятивному перераспределению первичных ценностей в свою пользу вопреки социальным нормам, существующим в данной системе, и не заинтересован в изменении этих принципов.

Данная ситуация не может объясняться тем, что эта система кажется индивиду наиболее справедливой, — соблюдение ее принципов должно быть индивиду выгоднее, чем все альтернативные варианты. Попробуем продемонстрировать, каким образом социальная система, являющаяся результатом рационального выбора индивидов*, обуславливает заинтересованность индивида в существовании и сохранении (в том числе и посредством соблюдения) правил ее организации.

Рациональный выбор основывается на оценке различных вариантов развития событий и их вероятности. При этом учитывается не только реализация основного социального инстинкта, но и другие внутренние мотивы социальной деятельности — инстинкт наследования, творческий и сберегающий инстинкт (страховка от трагических социальных случайностей)**.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В СУЩЕСТВОВАНИИ РАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ

Гипотеза первая. В результате рационального выбора индивид выберет более рациональную модель организации обще-

* См. выше подраздел «Шесть принципов рациональной справедливости».

** См. подраздел «Функция рационального выбора».

ства, а не ту, которая даст ему более высокие социальные позиции.

Чем менее рациональна система, тем выше значения фактора социальной случайности, риски необоснованных социальных проигрышей. Рациональное общество предсказуемо потому, что основано на четких принципах. Гарантируя себя от случайных проигрышей, индивид одновременно лишает себя возможностей случайного социального выигрыша, однако рациональные ограничения реализации основного социального инстинкта компенсируются возможностями более полной реализации других имманентных мотивов.

Невозможность рационально не обоснованного (манипулятивного или случайного) резкого социального продвижения компенсируется в том числе и гарантиями творческой самореализации.

Итак, смоделируем ситуацию, при которой рациональный выбор наиболее благоприятной для него из двух социальных систем должен сделать индивид, обладающий полнотой информации о своей социальной участи в них обеих. Причем по заданным условиям менее рациональная система дала бы ему бóльшую вероятность получения высоких социальных позиций, чем более рациональная.

Итак, среди вариантов выбора — система *a*, дающая данному индивиду большие социальные предпочтения, и идеально-рациональная система *б*.

В системе *a* наиболее вероятный вариант социальной реализации индивида — брокер на фондовой бирже. Данная деятельность является манипулятивной и не может обеспечить полноценной творческой реализации индивида. При этом существуют и малые альтернативные вероятности социальных случайностей, среди которых, например, смерть от террористического акта или участь наркомана-безработного. Также существует определенный риск банкротства и социальной деградации в процессе работы брокером.

При варианте системы *б*, где на социальном поле вообще нет позиции биржевого спекулянта, наиболее вероятная социальная реализация индивида — настройщик роялей, так

как к этому роду деятельности индивид проявляет наибольшие творческие способности. Конечно, этот вариант социальной реализации вряд ли даст такие социальные преференции, как биржевые спекуляции. Тем не менее подобная профессиональная деятельность создает условия для полноценной творческой реализации индивида. При этом риск преждевременной потери невозстановимых жизненных или социальных ресурсов крайне мал. Кроме того, в системе б индивид способен в большей степени реализовать мотив наследования, так как более рациональное общество имеет лучшие возможности для реализации своего творческого потенциала, защиты новых поколений от глобальных социальных, террористических, военных, экологических угроз.

Взвесив все эти обстоятельства, гипотетический рациональный индивид в этой ситуации выбирает рациональную систему б, а не на первый взгляд более социально выгодную ему систему а, так как она дает ему более выгодный вариант социального обмена (см. подраздел «Функция рационального выбора»).

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В СОБЛЮДЕНИИ РАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ

Гипотеза вторая. В результате рационального выбора индивид выберет соблюдение рациональных принципов социальной организации, а не другие варианты поведения, в том числе и те, которые дают ему более высокие социальные позиции.

Варианты социального перераспределения, дающие индивиду необоснованные, с точки зрения общества, социальные преференции, провоцируют социальную агрессию других индивидов, не согласных с ролью участников манипулятивного социального обмена в пользу данного индивида. Таким образом, получая необоснованные, с точки зрения общества, социальные преференции, индивид ставит под угрозу реализацию сберегающего инстинкта в части сохранения невозстановимых жизненных ресурсов.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В СОХРАНЕНИИ РАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ

Гипотеза третья. В результате рационального выбора индивид выберет сохранение более рациональных принципов, а не их изменение на менее рациональные, даже если оно сулит ему социальные преимущества.

В случае изменения системы, ведущего к ее дерационализации, нарушается рациональное согласование интересов индивидов. За этим неизбежно последует накопление заряда контрсистемного сопротивления в обществе. Контрсистемное сопротивление на уровне больших групп индивидов ведет к социальным катаклизмам, на уровне малых групп и отдельных индивидов — к асоциальному маргинальному поведению: нарушению общепринятых социальных норм, социальному насилию, преступности, бытовой манипуляции и т. д. Чем менее рационально общество, тем выше риск индивида стать жертвой пагубных последствий возможных катаклизмов или персональной агрессии преступника, террориста или манипулятора. Кроме того, как указывалось выше, менее рациональное общество даст индивиду меньше возможностей для реализации творческого инстинкта и мотива наследования. Итак, изменение системы, даже сулящее более высокую оценку потенциалов социального статуса и позитивные изменения социальной траектории, в этой ситуации невыгодно индивиду с точки зрения реализации других его внутренних мотивов.

Степень близости общества к рациональному согласию его членов с существующим порядком социального перераспределения пропорциональна уровню развития творческого процесса. Чем выше уровень развития общества, тем меньше социальная ниша, отведенная для индивидов, получающих заведомо неприемлемые для себя социальные преференции. Как показывает новейшая история Запада, с развитием общества сокращаются нищета, тяжелый физический труд, исчезают отрицательно оцениваемые (позорные) социальные функции. Хотя, конечно, в реальности можно говорить не о согласии, а о степени несогласия с теми или иными

социальными позициями (в процессе рационализации несогласие становится менее острым даже в группах аутсайдеров).

Все это эмпирически подтверждается сокращением контр-системной социальной борьбы на фоне повышения уровня жизни и ликвидации нищеты в ходе научно-технической и промышленной революции во второй половине XX века (США, Западная Европа, Япония) или в его конце («азиатские тигры», развитые страны Латинской Америки).

Конечно, не стоит преуменьшать, насколько современное общество далеко от рационального идеала. Социальный мир в значительной степени поддерживается за счет манипулятивного воздействия на общественное сознание со стороны правящей элиты. Для значительного числа индивидов социальный мир рационально не обоснован, а потому он не может быть прочен. Кроме того, появляются и новые поводы для протеста.

Развернувшееся в последние годы движение «антиглобалистов» показало, что на новом уровне развития общества и понимания индивидами своих интересов источником активного несогласия с системой могут быть уже не низкие показатели социального статуса индивидов, а желание предотвратить глобальные угрозы, в том числе и по отношению к будущим поколениям.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В КОНТЕКСТЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ОБЩЕСТВЕ

В предыдущем разделе описано, каким представляется нам образ абсолютного социального идеала, путь к которому бесконечен, как и творческий процесс. Однако в каждый момент существования общества у него есть и другой ориентир, другой временный, ускользающий идеал.

Практический рациональный идеал — достижение максимальной адекватности уровня рациональности социальной системы степени развития творческого процесса (рациональ-

ности общественного сознания, уровню научно-технического, экономического, интеллектуального развития).

В истории существуют примеры передовых обществ, социальный порядок которых был бесконечно далек от абсолютного рационального идеала, но при этом какое-то время достаточно адекватно соответствовал степени рациональности, возможной на тот момент развития. С некоторой натяжкой к таким обществам можно отнести Афины в классический период, республиканский Рим в момент его подъема, Голландию XVI века, Швейцарию во второй половине XIX века, Англию в отдельные периоды XIX и XX веков, США времен «Нового курса», Скандинавию, Бенилюкс, Австрию в 1960–1970-е годы и т. д.

Для того чтобы реальность постоянно соответствовала этому ускользающему идеалу, социальный порядок в обществе должен совершенствоваться синхронно с развитием творческого процесса. Однако на практике, как уже говорилось, правящая элита, стремясь сохранить высокие социальные позиции и передать их своим наследникам, склонна консервировать существующие социальные институты и тормозить их развитие. Когда социальные преобразования становятся неизбежными и происходит смена элит, общество бросается в погоню за ускользающим идеалом, причем зачастую не в самом верном направлении. Затем социальные бури стихают, новая элита опять начинает тормозить развитие. В результате этот ускользающий рациональный идеал всегда находится впереди реальности, а общество всегда хоть на полшага отстает от него.

Чем сильнее отставание социальной системы от уровня развития общества, тем радикальнее грядущие перемены, тем опаснее для его членов их возможные последствия. В консервативных исторических обществах, сильно отставших от уровня развития всемирного творческого процесса, даже очевидно рациональные преобразования, такие как реформы Петра или Ататюрка, приводят к трагическим последствиям для многих членов реформирующихся обществ. Мирные реформы — путь, доступный странам, перманентно рационализирующим свою систему сообразно развитию общества. Это и Англия в конце XIX и первой половине XX веков, и США

в первые 60 лет XX века (реформы Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона, «Новый курс» Франклина Рузвельта, социальные реформы Линдона Джонсона), и многие европейские страны после Второй мировой войны. Классические примеры противоположного варианта развития событий — Великие революции во Франции и России, где система длительное время консервировалась, а назревшие реформы не проводились.

В целом социальные преобразования можно подразделить на рациональные, иррациональные (уводящие от рационального идеала) и преждевременные, которые преследуют рациональные цели, но вступают в противоречие с недостаточным высоким уровнем развития общества и не приносят позитивного результата. Причем последний вариант, ведущий к кратковременному забеганию общества вперед, ведет к последующему увеличению отставания.

Великие социальные перевороты включают все эти виды преобразований. Например, коммунистический эксперимент в России включал реформы, носящие и рациональный, и иррациональный, и преждевременный характер. Абсолютно рациональной была культурная революция, выразившаяся в ликвидации безграмотности, всеобщем доступе к образованию. Наоборот, очевидно иррациональным было введение жесткого идеологического диктата (в том числе и в области образования), препятствующего реализации творческого потенциала общества.

Многие элементы большевистской политики были направлены на то, чтобы вывести социальную систему на уровень более высокий, чем могло позволить себе развитие общества. К ним относится, например, последовательная политика по секуляризации общества, результаты которой оказались непрочными и потеряли значение после отмены насильственного принуждения к отказу от религиозной веры. Преждевременным оказалось и упразднение частной собственности, являвшееся стержнем большевистского проекта. Безусловно, этот институт не соответствует рациональному идеалу. Но на том уровне развития, на котором находилась тогда Россия, разумной альтернативы этому социальному инструменту не было. Это обстоятельство стало одной из причин краха коммунистического

эксперимента. В результате его провала Россия в конце XX века получила архаичную социальную систему, которая находится на уровне развития США или Франции конца XIX столетия.

История социальных катаклизмов демонстрирует огромную важность понимания элитами, проводящими преобразования, оптимального, настроенного на рациональный социальный идеал вектора социальных реформ.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Главный аргумент противников направленного развития общества состоит в том, что формулирование социальных идеалов может стать причиной принесения интересов индивидов в жертву абстрактным идеологическим конструкциям. И. Берлин, например, писал: «...в самом деле, если можно сделать человечество справедливым, счастливым, творческим и гармоничным, какая цена слишком велика? Ради такой яичницы не жалко разбить сколько угодно яиц; в это верили и Троцкий, и Мао, и, если не ошибаюсь, Пол Пот» ([13] к разд. 1).

Гарантией от повторения экспериментов, в ходе которых интересы и даже жизни индивидов приносятся в жертву абстрактным социальным идеалам, может стать рациональное понимание обществом того, как должны проходить подобные преобразования.

Рациональный общественный идеал включает определение того, какими по форме должны быть социальные преобразования общества, направленные на приближение к нему. Рациональность преобразований предполагает, что не только их цели, но и форма проведения является результатом сознательного рационального выбора индивидов. В этом случае речь идет о выборе индивидами формы проведения преобразований, учитывающей конкретные социальные условия данного общества.

Такие преобразования должны проводиться при условии рационального согласия на них всех членов общества. Следовательно, при их проведении должна быть исключена вероятность того, что индивиды (даже временно) окажутся в ситуации, заведомо противоречащей их рациональным интересам. Этот принцип продиктован не только соображениями защиты интересов индивидов, но и задачей достижения наибольшей эффективности реформ.

Неразделимость рациональной парадигмы, то есть единство целей — идеала и средств — характера преобразований, обусловлена социальной практикой. Для того чтобы заставить индивидов соглашаться с заведомо невыгодными им обстоятельствами, сопровождающими рациональные социальные перемены, то есть совершать иррациональные действия, необходимо создавать новые инструменты манипуляции и насилия, ограничивающие рациональность. Эти инструменты вначале могут подстегнуть ход реформ, но затем они тормозят дальнейшую рационализацию или отбрасывают общество назад.

Так, большевики, принуждая индивидов идти на жертвы (к иррациональному выбору) ради собственного, зачастую неверного, понимания процесса рационализации, создали систему террора и идеологического диктата, которая в конечном итоге повернула процесс развития общества вспять.

Другие примеры принудительной рационализации (причем более адекватной, чем большевистский эксперимент) — реформы Петра I или революция Мэйдзи в Японии — также демонстрируют, что чем выше степень принуждения — насилия или манипуляции — при проведении преобразований, тем сильнее сопротивление дальнейшему развитию системы. Соблюдение условий рациональности преобразований (рационального согласия на них) возможно только при условии постоянного реформирования социальной системы, препятствующего критическому отставанию ее институтов от требований времени (уровня творческого процесса).

Таким образом, мы приходим к выводу, противоположному тому, к которому пришел И. Берлин.

Формулирование социального идеала, дающего рациональное направление и форму перманентному совершенствованию социальной системы, не только не провоцирует кровопролитные социальные катаклизмы, но и способно избавить от них общество.

Условия проведения рациональных преобразований

Условия проведения социальных преобразований, которые выработали бы индивиды в результате рационального выбора:

Основное условие проведения социальных преобразований

Последствия реформ должны быть такими, чтобы все члены общества смогли, обладая адекватным знанием об этих последствиях для себя, сделать рациональный выбор в пользу реформ.

Соблюдение основного условия проведения социальных преобразований предполагает, что:

1. Основанием для проведения реформ является возможность реформирования социальных институтов в направлении лучшего соответствия рациональным интересам всех членов общества.
2. Варианты проведения преобразований, в результате которых положение индивидов даже временно абсолютно ухудшается (реализация хотя бы одного из внутренних мотивов индивидов лимитируется на предельно низком уровне или ограничение доступа к одним первичным ценностям происходит без рациональной компенсации за счет более полной реализации других внутренних мотивов), исключаются.
3. Члены общества, недостаточно хорошо осознающие свои рациональные интересы и потому не согласные на проведение преобразований, не составляют его большинства.
4. Среди членов общества, не осознающих собственных рациональных интересов, нет индивидов, которые способны ответить на ликвидацию устаревших социальных институтов насильственным сопротивлением, ведущим как их самих, так и других членов общества к потере невозможных жизненных ресурсов.

Примечание. В случаях, описанных в пп. 2, 3 и 4, при проведении преобразований неизбежно применение насилия или манипуляции, сводящее на нет позитивные последствия реформ.

Итак, рациональные реформы не могут быть слишком радикальными, не могут ставить задачу быстрого фундаментального рационального преобразования общества. Степень их радикальности всегда ограничена начальным уровнем развития общества и степенью его отставания от искомого уровня рационализации.

Рационально-согласованные реформы — идеальный тип, который подразумевает идеально-рациональное сознание договаривающихся индивидов. На практике даже самые рациональные реформы могут встретить сопротивление отдельных групп индивидов. Поэтому речь может идти только о допустимой степени несогласия и критической величине групп несогласных.

Например, экспроприация частной собственности или секуляризация образования может происходить только тогда, когда противники этого — собственники или верующие родители — во-первых, составляют меньшинство общества, а во-вторых, уже настолько осознают свои рациональные цели, что если еще не готовы сами отказаться от отстаивания иррациональных институтов, то не будут прибегать к насильственным действиям из-за их упразднения.

Конечно, всегда может найтись ограниченное число психически неадекватных людей, которым нужен повод для насильственных действий. Однако при соблюдении рациональной формы социальных преобразований они не смогут получить поддержку адекватных членов общества, а значит, их действия не приведут к реальному повышению уровня несанкционированного насилия в нем.

Революции, социальные перевороты доиндустриальной эпохи не могли соответствовать рациональному идеалу, так как проходили в обществах, находящихся на слишком низком уровне рационализации. Для проведения рациональных по форме реформ сознание индивидов должно быть на таком уровне рациональности, чтобы иррациональное несогласие не могло привести к насилию или охватить большую часть общества. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает важ-

ность идеологического стимулирования социальных преобразований.

Условия для проведения рациональных социальных реформ сегодня

В XX веке в развитых западных странах появились условия для обеспечения рационального характера преобразований. Примером может служить «Новый курс» Франклина Рузвельта, который продемонстрировал рациональность не только самих реформ, но и условий их проведения. Реформы, проведенные Ф. Рузвельтом, стали альтернативой неизбежных насильственных катаклизмов и нерациональных по форме преобразований.

Однако сегодня сложилась иная ситуация. Затягивание проведения назревших социальных реформ грозит современному западному обществу новыми кризисами, сопряженными с насилием. Причем их ареной может стать весь обитаемый мир. Сегодняшнюю антитеррористическую кампанию можно рассматривать, во-первых, как начало процесса реформ в сфере внешней политики или, конкретнее, отношений со странами иррационального мира; во-вторых, как свидетельство того, что Запад затянул проведение реформ и уже не может вести их по рациональному варианту (который подразумевает прежде всего отказ от насилия).

Успешная защита от агрессии иррационального мира невозможна без начала процесса реформ, призванных привести степень рациональности социальных систем стран Запада в соответствие с уровнем развития творческого процесса. Пока этот процесс не начнется, риск распространения социального насилия как извне, так и внутри западного общества (вспомним бойню в Генуе) будет только увеличиваться. Тем не менее возможность проведения рационально согласованных преобразований сохраняется. В ближайшие десятилетия решится, будут ли эти реформы проведены или развитие западного общества ожидают опасные флуктуации, а грядущие социальные преобразования не обойдутся без крови и насилия.

ВЛИЯНИЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА НА РЕАЛИЗАЦИЮ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

Экономисты и социологи обычно оперируют такими категориями, как уровень жизни, валовой национальный продукт или национальный доход данной страны, ее совокупный человеческий капитал, подразумевая под последним объем инвестиций, вложенных в образование и квалификацию всех членов данного общества. Эти категории, безусловно, важны для анализа положения дел в обществе и перспектив его развития. Однако можно рассмотреть другую новую категорию, менее конкретную, чем вышеперечисленные, но более значимую, чем они, так как она является их первопричиной. Это категория — *совокупный творческий потенциал данного общества*.

Как уже говорилось, у каждого индивида существует определенный набор способностей ко всем видам деятельности, существующим в данном обществе. Максимальную реализацию творческого потенциала индивида способен обеспечить тот вид деятельности, к которому он имеет самые высокие способности (самое высокое место в иерархии способностей всех индивидов к данному виду деятельности). Сумма творческих потенциалов (оцениваемых по таким максимальным возможностям реализации) всех членов общества составляет его совокупный творческий потенциал.

Представим себе виртуальное идеально-рациональное общество, которое максимально стимулирует оптимальное для его членов соотношение выполняемых ими функций и их способностей. В этом обществе каждый индивид получает возможность полностью реализовать себя в своем идеальном (творческом) предназначении, реализовать свой творческий потенциал. А значит, обеспечивается полная реализация заложенного в обществе совокупного творческого потенциала. Естественно, что все показатели экономического, социального, культурного, интеллектуального развития этого общества будут намного выше тех, которые существу-

ют в реальности. Можно предположить, что уровень жизни такого гипотетического общества, полностью реализовавшего творческий потенциал своих граждан, не только был бы неизмеримо выше, чем в обществах древнего и средневекового мира, но и существенно превосходил бы подобные показатели в современных развитых обществах. То же можно сказать о других экономических, культурных и социальных показателях.

Чем выше степень реализации творческого потенциала общества, тем выше уровень обеспечения членов общества первичными ценностями, то есть тем полнее удовлетворение их материальных и интеллектуально-эстетических потребностей, стремления к свободе и творческой самореализации, успешнее реализация сберегающего социального инстинкта, а значит, продолжительность активной, полноценной жизни.

Мобилизация творческого потенциала общества и, как следствие, ускорение развития творческого процесса — главный результат рационализации социальной системы.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ИНСТИНКТА КАК ОСНОВА ДЛЯ СОГЛАСОВАНИЯ И НАИБОЛЕЕ ПОЛНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ МОТИВОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Творческий процесс позволяет индивидам осознать перво-степенное значение реализации творческого инстинкта для удовлетворения всех основных социальных мотивов — инстинкта наследования, инстинкта сохранения жизненных ресурсов, основного социального инстинкта. Данное осознание делает естественной гармонизацию реализации всех мотивов социальной деятельности на базе наиболее полной реализации творческого инстинкта.

ЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ИНСТИНКТА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СБЕРЕГАЮЩЕГО ИНСТИНКТА

Одной из форм реализации сберегающего социального инстинкта традиционно являлось установление легитимной возможности для временного отказа от социальной деятельности. В этом причина возникновения института религиозных праздников — иудейской субботы, мусульманской пятницы, христианского воскресенья. В некоторых консервативных обществах число праздников едва ли не превосходило количество рабочих дней. Такая ситуация существовала, например, в крестьянской общине в России XVIII–XIX веков. Данная форма реализации сберегающего инстинкта была определена господством тяжелого физического труда, недоступностью возможности творческой деятельности для подавляющего большинства индивидов.

В ходе развития творческого процесса создаются следующие условия для того, чтобы наилучшей формой осуществления сберегающего социального инстинкта стала активная реализация творческого инстинкта:

1. Решается задача сбережения приоритетных жизненных ресурсов. Обеспечивается необходимый для поддержания жизни и здоровья уровень материального потребления для всех индивидов. Индивиды приобретают гарантии предельно низкой вероятности потери жизни и здоровья в результате социальной деятельности.

2. Сокращается необходимость эксплуатации физических ресурсов индивидов. Для получения социальных преференций увеличивается значение интеллектуальной, и прежде всего творческой, деятельности. При этом расход интеллектуальных ресурсов, происходящий в процессе творческой самореализации, компенсируется удовлетворением от реализации творческого инстинкта.

Таким образом, в значительной степени снимается актуальность деятельности индивида по преодолению сберегающего инстинкта в процессе социальной жизни. Индивид, освобожденный от перманентной борьбы за сохранение своих жизненных ресурсов, может реализовывать свой сберегаю-

щий инстинкт, получая доступ к **первичным ценностям** в процессе творческой деятельности.

ЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ИНСТИНКТА ДЛЯ МОТИВА НАСЛЕДОВАНИЯ

Инстинкт наследования — забота индивида о благополучии его будущих поколений. В традиционном понимании он реализуется в передаче индивидом социальных ресурсов своим наследникам. Индивид добивается получения социальных предпочтений, в том числе и для того, чтобы передать их по наследству потомкам.

На нынешнем витке развития творческого процесса приходит другое, более сложное понимание путей реализации инстинкта наследования, создаются условия, когда этот инстинкт может реализоваться прежде всего в результате творческой деятельности индивида.

Это объясняется следующими причинами:

1. Происходит осознание того, что только новые творческие прорывы могут защитить будущие поколения от глобальных угроз, ставящих под вопрос перспективы их комфортного существования. Индивиды осознают иллюзорность передачи наследникам социальных гарантий счастливого будущего. В прошлом, в условиях тотальной нищеты и бесправия, представители элитных групп, даже понимая непрочность тех социальных гарантий, которые они могли передать потомкам, видели в этом возможность хотя бы частично оградить свои будущие поколения от ужасов социального мира, дать шанс на относительно комфортную жизнь. В условиях современного развитого западного общества на передний план выходят внешние угрозы новым поколениям, общие для всех социальных слоев: плохая экология, терроризм, война, наркомания. Защитой от этих угроз, как индивидуальной, так и на уровне общества, может быть только творческая деятельность, развитие творческого процесса.

2. В современных развитых странах значение переданных социальных характеристик отнюдь не симметрично началь-

ным условиям для творческой самореализации. Необходимый минимум для этого обеспечен всем, а слишком высокие начальные условия подавляют социальный стимул для творческой деятельности. Таким образом, передача социальных предпочтений наследникам может войти в противоречие с задачей их творческой самореализации.

В силу данных обстоятельств исключительно социальное понимание долга перед наследниками в ходе развития творческого процесса уступает место осознанию индивидами необходимости передать потомкам ценности, созданные в результате собственной творческой самореализации, участия в развитии творческого процесса.

Новое понимание мотива наследования также опровергает возможность применения к современному обществу известного тезиса о неизбежном перерождении любых статусных элит. «Никогда не может быть чистой меритократии, ибо обладающие высоким статусом родители неизбежно будут пытаться передать детям свои позиции... таким образом, через одно поколение меритократия переродится в замкнутый привилегированный класс», — пишет, например, Дэниел Белл. Лучшее понимание путей достижения собственных внутренних мотивов должно переориентировать членов элит в развитых странах мира с создания своим детям эксклюзивных социальных преимуществ на обеспечение им возможностей для полноценной творческой самореализации в рациональном, стабильном и предсказуемом мире. Подобная переориентация гарантирует общество от неизбежной консервации и деградации правящей элиты.

ЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ИНСТИНКТА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИНКТА

Как мы уже подробно писали в предыдущих разделах, общество, наиболее полно реализующее творческий потенциал своих членов, способно обеспечить им наиболее высокий уровень материального и интеллектуально-эстетического потребления.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (РАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ) МОТИВОВ НА МИКРО- И МАКРОУРОВНЯХ

Рационализация социальной системы предполагает рационализацию (рациональное согласование) различных внутренних мотивов индивидов, групп индивидов, разных обществ, человечества, его современных и будущих поколений на основе приоритетной реализации творческого инстинкта.

Итак:

1. Рационализация на уровне индивида. Рациональное согласование мотивов социальной деятельности индивидов на базе приоритетной реализации творческого инстинкта, ведущее к наиболее полной реализации:
 - основного социального инстинкта;
 - творческого инстинкта;
 - инстинкта сохранения жизненных ресурсов;
 - инстинкта наследования.
2. Рационализация на уровне общества. Рациональное согласование интересов общества и индивидов на основе социального стимулирования обществом реализации творческого инстинкта индивидов, ведущее к наиболее полной реализации:
 - внутренней мотивации каждого индивида;
 - творческого потенциала общества;
 - обеспечению поступательного развития творческого процесса в обществе.
3. Рационализация на уровне человечества. Рациональное согласование интересов разных обществ на основе позитивного взаимовлияния на развитие их творческого потенциала, ведущее к наиболее полной реализации:
 - внутренней мотивации каждого принадлежащего к ним индивида;
 - творческого потенциала человечества;
 - обеспечения поступательного развития всемирного творческого процесса.
4. Рационализация на уровне поколений человечества. Рациональное согласование интересов современных и будущих поколений человечества на основе приоритетной реализации творческого инстинкта их членов, ведущее к:

- обеспечению наиболее полной реализации внутренней мотивации каждого члена современного и будущих поколений;
- наиболее полной реализации творческого потенциала современного и будущих поколений;
- обеспечению поступательного развития всемирного творческого процесса на уровне современного и будущих поколений.

РАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ МОТИВОВ ИНДИВИДОВ КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Основой для рационального согласования внутренних мотивов индивида является синтез творческого и социального, достижение единства действий, направленных на реализацию творческого и социального инстинкта. Условие для такого согласования — лимитированное удовлетворение обществом социального инстинкта индивидов на основе стимулирования их творческой самореализации.

Данное согласование мотивов на уровне каждого конкретного индивида можно описать как диалектический процесс:

Тезис (мотив индивида)	Антитезис (мотив индивида)	Синтез (рационализация мотивов социальной системой)	Пояснение
1. Уровень индивида. Основной социальный инстинкт индивида	Творческий инстинкт индивида	Удовлетворение основного социального инстинкта на основе объективной оценки успешности реализации творческого инстинкта индивидов	—
Основной социальный инстинкт индивида	Сберегающий социальный инстинкт индивида	Удовлетворение основного социального инстинкта на основе объективной оценки успешности реализации творческого инстинкта индивидов	Только творческая деятельность позволяет реализовать основной социальный инстинкт, не вступая в противоречие со сберегающим социальным инстинктом. Творческая работа как инструмент творческой самореализации дает адекватную компенсацию расходуемым на нее жизненным ресурсам

Тезис (мотив инди- вида)	Антитезис (мотив инди- вида)	Синтез (рационализв- ция мотивов социальной системой)	Пояснение
2. Уровень обще- ства. Основной социальный ин- стинкт индивида, выражающийся в стремлении пе- рераспределять в свою пользу первичные цен- ности, контроли- руемые другими членами общества	Необходимость лимитированного удовлетворения мотивов других членов общества с целью предот- вращения угрозы лишения ими дан- ного индивида доступа к первичным ценностям	Удовлетворение основного соци- ального инстинк- та на основе объ- ективной оценки успешности реализации творческого инстинкта индивидов	Отсутствие рационального согласования интересов членов общества, которое возможно только на основе синтеза социального и твор- ческого инстинкта, пред- ставляет потенциальную угрозу для удовлетворения социального инстинкта дан- ного индивида. Эта угроза выражается в риске соци- альной агрессии, контрсис- темного насилия, бытовой и системной манипуляции со стороны других индивидов
3. Уровень взаи- модействия меж- ду обществами. Основной соци- альный инстинкт, выражающийся в стремлении ин- дивидов — чле- нов общества пе- рераспределять в свою пользу первичные цен- ности, контроли- руемые членами других обществ	Необходимость лимитированного удовлетворения мотивов индиви- дов — членов других обществ с целью предот- вращения угрозы ли- шения ими инди- видов — членов данного общест- ва доступа к пер- вичным ценно- стям	Удовлетворение основного соци- ального инстинк- та индивидов на основе объектив- ной оценки ус- пешности реали- зации творческого ин- стинкта индиви- дов, в том числе распространение данного принципа на другие обще- ства	Отсутствие рационального согласования интересов различных обществ, воз- можное только в совмест- ном развитии творческого процесса, представляет по- тенциальную угрозу для удовлетворения социаль- но инстинкта индивидов, яв- ляющихся членами данного общества. Эта угроза выра- жается в риске внешней аг- рессии, контрсистемного насилия со стороны членов других обществ, дестабилизации мирового порядка
4. Уровень взаи- модействия меж- ду поколениями человечества. Основной соци- альный инстинкт, выражающийся в стремлении ин- дивида получать первичные цен- ности, эксплуати- руя природные и экологические ресурсы Земли	Необходимость сохранить эти возможности для будущих поколе- ний в целях реализации моти- ва наследования индивидов — чле- нов современных поколений	Удовлетворение основного соци- ального инстинк- та индивидов на основе объективной оценки успеш- ности реализации творческого инстинкта индивидов	1. Скорость развития твор- ческого процесса прямо пропорциональна тому, как общество социально стиму- лирует творческую деятель- ность индивидов. 2. От скорости развития творческого процесса зависит: — уровень потребления будущими поколениями первичных ценностей; — возможность предвосхи- щать и вырабатывать меры по защите будущих поколе- ний человечества от возни- кающих глобальных угроз (в т. ч. истощения природных и экологических ресурсов)

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИДЕАЛЬНО-РАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ЭГАЛИТАРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Наиболее масштабная попытка организовать общество на разумных, рациональных началах, обозначить конкретный социальный идеал и пути к его достижению была предпринята в России после октябрьского переворота 1917 года. Российские большевики, исповедовавшие радикальную версию марксизма, поставили знак равенства между эгалитаризмом, коллективизмом, с одной стороны, и рациональностью — с другой. Эта фундаментальная ошибка стала причиной краха коммунистического эксперимента.

Культивировавшаяся большевиками идея эгалитаризма как наиболее рациональной формы социальной организации объяснялась убеждением в равной ценности для общества всех форм производительного труда. Основным принципом социалистического общества было провозглашено распределение по труду. Социальное неравенство в идеале допускалось только в зависимости от добросовестности и механической продуктивности труда. При этом его ценность для общества, творческая успешность практически не учитывались (инженеры зачастую зарабатывали меньше, чем рабочие, учителя — чем таксисты, ученые — чем передовики физического труда).

Такое положение дел определялось непониманием роли творческого процесса как двигателя всех форм прогресса человеческого общества. На этом заблуждении основывался главный социальный принцип коммунистов, который можно сформулировать примерно так: если все виды производительного труда имеют одинаковое значение для общества, значит, они должны примерно одинаково оцениваться. Этот вывод (не касавшийся на практике бюрократической номенклатуры и купленной части творческой элиты), — рациональный по форме, но основанный на изначально неверной

посылке, — привел к творческому застою и в конечном счете стал одной из причин краха реального социализма.

Другое основополагающее заблуждение коммунистов — вера в имманентный индивидам социальный альтруизм или коллективизм, в полной мере проявиться которому мешают только несовершенные социальные условия.

То, что эгалитаризм, социальный альтруизм, коллективизм не были полностью реализованы даже за десятилетия правления их ярых (во всяком случае в декларациях) апологетов, лишь раз доказывает, что эти принципы противоречат самой природе человека, его основному социальному инстинкту.

В результате коммунистического эксперимента социальная иерархия не исчезла, была лишь создана новая модель ее формирования.

Обеспечение данной модели производилось путем административного перераспределения позиций социального статуса. Естественно, что осуществлявшая это перераспределение правящая номенклатура, движимая социальным инстинктом, стремилась исключить себя и свою идеологическую и научную обслугу из общего эгалитарного порядка. Предельно низкий профиль иерархии мог поддерживаться только ограниченное время за счет террористической политики Сталина с помощью перманентного насилия против различных элитных групп (от богатых крестьян-кулаков до партийной аристократии).

Однако такая политика входила в противоречие с интересами правящей элиты, держалась волей одного человека — Сталина и потому не могла продолжаться долго. Естественно, что в эпоху Хрущева, а затем Брежнева элита «отпустила вожжи», сдерживавшие социальную мотивацию и, как следствие, социальное неравенство. В результате стало очевидно, что она не стремится отстаивать провозглашенные ею же идеальные цели. Это противоречие между идеологией и социальной практикой стало заложенной под фундамент социализма бомбой замедленного действия, взорвавшейся в конце 1980-х годов.

История Советского Союза и других социалистических стран убедительно доказала, что социальные амбиции, а не

социальный альтруизм определяют социальную деятельность подавляющего большинства людей.

Социальный порядок, способный наиболее полно реализовать творческий потенциал общества, может быть основан только на рациональной организации ненаследственного социального неравенства.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И МЕРИТОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Наиболее известный образ меритократического общества, созданный английским социологом М. Янгом в рассказе «Возвышение меритократии», предполагал, что каждый человек займет место в социальной системе на основании «коэффициента интеллектуального развития», а обладатели наивысших значений этого коэффициента организуют управление этим обществом. М. Янг небезосновательно предположил, что в таком обществе неизбежно произойдет конфликт между правящей меритократией и дискриминированным большинством людей, обладающих средним интеллектуальным уровнем, что приведет его к краху.

Критику такой модели меритократического общества поддерживает и Д. Белл: «Жизнь не должна строиться по принципам „математических моделей“, а каждый человек должен развивать свои собственные способности, чтобы жить своей жизнью», — пишет он в классической работе «Грядущее постиндустриальное общество» [3].

Можно согласиться с Д. Беллом: любой сознательный директивный отбор, определяющий на основе тестов или экзаменов социальную судьбу людей помимо их воли и выбора, не в состоянии стать основой стабильного, рационального общества. Он всегда будет порождать ограничение свободы самовыражения, произвол правящей элиты, социальное недовольство дискриминируемых масс.

Подлинно рациональное общество призвано создать условия для того, чтобы индивиды, обладающие определенными способностями, исходя из собственных рациональных интеле-

ресов, сами выбирали оптимальную для себя профессиональную деятельность, признавая предполагаемое социальное вознаграждение за нее правильным. Такое положение дел может существовать только в обществе, распределяющем позиции социального статуса индивидов исходя из результатов их профессиональной деятельности по идеальной (творческой) мотивации. В таком обществе возможность для самовыражения и чаемой социальной реализации получают и представители творческой элиты, и менее творчески одаренные индивиды (данный социальный порядок, как мы уже писали, стал бы результатом самостоятельного рационального выбора и тех и других).

У читателя может возникнуть вопрос: если творческая самореализация является самостоятельной ценностью и не требует преодоления сберегающего социального инстинкта, не может ли рациональное общество вообще обойтись без ее социального стимулирования, предполагающего существование социального неравенства?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Любое, даже идеально рациональное, общество не способно установить полное равенство доступа его членов к позициям престижа, редким новым материальным благам и власти-свободы. В случае престижа любое локальное уравнивание различий в позициях может выражаться только в исключении наиболее низких их значений (никакое общество не сможет заставить индивида одинаково восхищаться успехами выдающихся ученых, актеров, писателей и работой своих собственных соседей, таких же, как он сам). Потребление новых, только что созданных благ и достижений науки и техники также всегда будет доступно индивидам в разной мере (как мы уже писали, их просто на всех хватить не может). Распределение позиций власти-свободы не может быть абсолютно равным в обществе, так как процесс синхронизации уровня рациональности социальной системы с достижениями творческого процесса бесконечен и предполагает существование и целенаправленную работу в этом направлении страт управления.

Итак, абсолютное социальное равенство невозможно, социальное распределение никогда не будет эгалитарным. Однако любое перераспределение, основывающееся не на идеальных (творческих) результатах социальной деятельности, мотивирует индивидов на манипулятивные методы достижения социальных целей. Таким образом, социальное неравенство и иерархия неизбежны даже в самом рациональном обществе, однако их формирование там должно основываться на рациональных принципах.

Профиль социальной иерархии (разрыв в позициях социального статуса) в рациональном обществе должен быть настолько низок, чтобы индивиды, находящиеся не на самом ее верху, могли принять и признать данный порядок вещей, и настолько высок, чтобы социально стимулировать творческую деятельность всех членов общества.

РАЦИОНАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТ И ГРУПП

Рациональная иерархия профессионально-функциональных групп и страт должна быть основана на рациональном выборе индивидов. Соответственно наиболее высокие места в иерархии получают те профессиональные группы, чьи функции наиболее важны с точки зрения рациональных интересов всех членов общества. Исходя из этого, профессиональные функции должны оцениваться пропорционально тому, насколько они способствуют реализации внутренних мотивов индивидов. При этом необходимо учитывать, что осуществление этих функций не является совершенно обособленным процессом, наоборот, все они находятся во взаимосвязи. Порядок их реализации зачастую носит последовательный иерархический характер. Без обеспечения реализации одних функций невозможна последующая эффективная реализация других.

Перечислим профессиональные группы в порядке важности их функций и целей для реализации внутренних мотивов индивидов таким образом, чтобы эффективное достижение

каждой последующей функции могло быть **возможным только** при условии достижения предыдущей.

ИЕРАРХИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

1. Профессиональные группы творческого труда, работающие в сфере здравоохранения, экологии, безопасности, глобальных проблем, генетики.

Цель — поддержание здоровья и продолжительности жизни членов общества и его будущих поколений.

Функция — реализация сберегающего инстинкта членов общества в части невозможности восстановления жизненных ресурсов и их мотива наследования.

2. Профессиональные группы управляющей макростраты и группы, принадлежащие к макрострате творческого труда, в функции которых входит образование.

Цель — рационализация социальной системы, позволяющая более полно реализовать творческий потенциал общества.

Функция — создание условий, создающих большие возможности для реализации творческого инстинкта членов общества.

3. Другие профессиональные группы творческого труда.

Цель — развитие творческого процесса.

Функция — реализация творческого и социального инстинкта членов общества.

4. Профессиональные группы механического труда.

Цель — воспроизводство материальных благ.

Функция — реализация социального инстинкта **членов общества** в части материального потребления.

Итак, цель поддержания здоровья и продолжительности жизни членов общества является основополагающей. Без ее реализации остальные цели просто лишаются смысла. Далее, без рационализации общества невозможно эффективное развитие творческого процесса, ведущего к нелинейному росту потребления творческих и социальных первичных ценностей. Последняя цель — простое воспроизводство материальных благ — носит

менее значимый, подчиненный по отношению к задачам творческих страт характер.

Итак, общество, основывающееся на рациональном выборе индивидов (идеально-рациональное), сформировало бы иерархию таким образом, чтобы статус профессиональных страт варьировался от наиболее высокого для выполняющих функцию 1 до наиболее низкого — для функции 4.

РАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

Принцип рационального выбора определяет необходимость построения социальной иерархии общества на основании масштаба и специфики творческих способностей индивидов.

Определение объективных критериев оценки творческих способностей индивида — камень преткновения для всех меритократических теорий. Чаще всего их ищут вне контекста существующей социально-профессиональной дифференциации общества. Среди существующих версий — определение IQ (коэффициента интеллекта) и различного рода методы тестирования.

Мы предлагаем определять творческие способности как функциональный потенциал индивида, оцениваемый по его идеальной составляющей. Таким образом, можно сделать вывод, что творческие способности определяются степенью соответствия структуры личности индивида декларируемым (идеальным) требованиям к осуществлению различных функционально-профессиональных обязанностей на данной стадии развития общества.

Имманентная иерархия способностей индивидов к успешному осуществлению профессиональной деятельности по ее идеальной мотивации может служить единственным критерием для формирования социальной иерархии в идеально-типическом рациональном обществе.

Выстроим иерархии всех индивидов по величине их способностей для осуществления деятельности по идеальной

(творческой) мотивации в каждой из существующих в данном обществе профессионально-функциональных групп. В результате индивиды получают количество виртуальных мест в иерархии общества, равное числу существующих профессиональных групп. Затем расположим эти группы в соответствии с их рациональной иерархией (см. подраздел «Рациональная иерархия профессиональных страт и групп»). В результате этого одна из профессиональных групп даст индивиду наиболее высокое место в виртуальной иерархии способностей всех членов общества. Выполнение профессиональных функций в этой группе предоставляет индивиду возможность для идеальной творческой самореализации и будет оптимальным для других членов общества.

Таким образом, место индивида в виртуальной иерархии идеально-типического рационального общества определяется по следующей формуле: его место в иерархии способностей к осуществлению профессиональной деятельности по идеальной мотивации (x), умноженное на понижающий коэффициент (y), характеризующий статус этой профессиональной группы в иерархии рационального общества. Приведем условный пример. Господин X имеет 100-е место в иерархии способностей членов общества к деятельности ученого-генетика, 50-е — к работе учителя, 10-е — к деятельности медицинского брата и т. д. Понижающие коэффициенты в иерархии профессиональных групп следующие: у профессии ученого-генетика — 2, учителя — 4, медбрата — 10. Итого, принадлежа к группе ученых-генетиков и учителей, X получает 200-е, будучи медбратом — 100-е место в социальной иерархии общества. Следовательно, являясь медбратом, господин X сможет наилучшим образом реализовать свой творческий и социальный потенциал, а другие члены общества получают максимальную полезность от его профессиональной деятельности. Таким образом, работа медбрата является оптимальной профессиональной функцией данного индивида, а соответствующее место в социальной иерархии — его социальным положением в условиях рационального общества.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛЬНО-РАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ

Социальная организация идеально-типического рационального общества, при которой каждый индивид получил бы возможность наиболее полно реализовать свои внутренние мотивы и творческий потенциал, а общество — творческий потенциал всех своих членов, должна основываться на следующих правилах:

1. Всем индивидам должна быть предоставлена возможность получать адекватную информацию о тех социальных перспективах, которые могут обеспечить их способности.
2. Все индивиды должны получить возможность заниматься профессиональной деятельностью, к которой имеют наиболее высокие способности.
3. Все индивиды должны иметь возможность получать адекватное своим способностям образование (знания и профессиональную подготовку).
4. Общество должно оценивать профессиональную деятельность индивидов позициями социального статуса, исходя из того, насколько она успешна исключительно с точки зрения ее идеальной (творческой) мотивации.
5. Как следствие всего вышеперечисленного, место индивида в социальной иерархии его профессиональной страты и общества в целом должно совпасть с местом в виртуальной иерархии его способностей к осуществлению профессиональной деятельности по идеальной мотивации в группе, страте и обществе в целом.

При соблюдении этих правил каждая профессиональная группа формируется из индивидов, обладающих наилучшими способностями к данному виду деятельности, а социальная иерархия этих групп и общества в целом оптимально стимулирует осуществление профессиональной деятельности по идеальной (творческой) мотивации, обеспечивая рациональное согласование мотивов (см. подраздел «Рационализация мотивов на микро- и макроуровнях).

Раздел 8. НУЖЕН ЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Сегодня, когда человечество подошло к новому этапу развития — созданию информационного интернет-общества, индивиды (по крайней мере в странах, принадлежащих к западной цивилизации) получили новые возможности для достижения своих рациональных целей. Однако параллельно человеческое общество столкнулось с рядом существенных проблем, представляющих собой глобальную угрозу для его благополучного существования.

Глобальные угрозы, которые появляются по мере развития творческого процесса, могут быть успешно преодолены только на более высоком его уровне. Новый уровень, в свою очередь, рождает новые вызовы, преодоление которых требует еще более высокого творческого развития общества.

Чем выше уровень творческого процесса, тем меньше времени для решения появляющихся в его ходе проблем, а сами проблемы грозят все более опасными последствиями. Для того чтобы общество избежало серьезных кризисов и конфликтов, развитие творческого процесса должно ускоряться на каждом новом витке развития.

Итак, развитие экономики приводит к экологическим проблемам, требующим для их преодоления создания более безопасных и экономных форм хозяйственной деятельности, новых научных и технических достижений; появление новых видов технических достижений требует создания еще более сложных средств защиты от их недобросовестного использования и побочных негативных последствий; проникновение достижений западной цивилизации в иррациональные общества, а носителей иррациональных культур — на Запад требует творческих сверхусилий, направленных на то, чтобы не

дать иррациональному миру поглотить и ассимилировать европейскую культуру.

Для того чтобы общество могло своевременно давать ответы на постоянно возникающие новые угрозы, просто устойчивого линейного развития явно недостаточно, необходимо ускоряющееся, экспоненциальное развитие творческого процесса. Решение этой задачи требует проведения структурных реформ, направленных на рационализацию социальных систем стран Запада, на высвобождение и мобилизацию их творческого потенциала.

Чрезвычайно важно то, что рационализации социальной системы всегда предшествует рационализация общественного сознания. Рационализация — процесс не самовоспроизводящийся. На протяжении всей своей истории она развивалась скачкообразно, по схеме: идеологический импульс — скачок рационализации социальной системы — затухание процесса (остановка на уровне, достигнутом в результате скачка, при возможном временном откате). Начало современного этапа процесса рационализации инициировало распространение идей Возрождения, затем протестантизма (протестантской этики капитализма). Следующим толчком для рационализации послужила идеология Просвещения. Затем идеологический вызов марксизма стимулировал ответ — социальные реформы на Западе в 30–60-х годах XX века, приведшие к созданию более рационального и, следовательно, более эффективного общества. На протяжении всего этого времени общественное сознание рационализировалось, происходила секуляризация, отмирал сословный и националистический иррациональный символизм, более адекватными становились картина мира и, как следствие, осознание индивидами своих подлинных мотивов.

Впоследствии успехи западного общества привели к самоуспокоенности, ощущению собственного совершенства. В последние десятилетия, когда вызов марксизма перестал быть реальным, процесс идеологической рационализации (и как следствие, рационализации социальной системы) практически остановился. Правящая элита просмотрела новые вызовы

времени, а новые общественные движения, более адекватно осознающие задачи современного общества, — экологи, конструктивная часть «антиглобалистов», — так и не обрели достаточного влияния.

Сегодняшнее состояние общественного сознания в странах Запада характеризуется следующими тенденциями:

1. Политическая система представительной, многопартийной демократии, частная собственность и рынок стали восприниматься как вершина социального развития, идеальные инструменты достижения декларируемых общественных целей.

2. В результате этого в общественном сознании произошла подмена целей средствами, то есть обеспечение функционирования существующих социальных инструментов — многопартийной демократии и рынка — превратилось в самостоятельную ценность вне контекста их соответствия декларируемым целям достижения наибольшего блага индивидов.

3. Произошла сакрализация этих социальных инструментов как некоей абсолютной ценности. Обсуждение их адекватности провозглашенным целям стало уделом неполиткорректных маргиналов, для «серьезных» же общественных деятелей подобные попытки стали равносильны политическому самоубийству.

Состояние общественного сознания в западных обществах все более входит в противоречие с меняющейся реальностью. Наиболее дальновидные мыслители предупреждают: мир, к которому привыкли, который был многие годы не самым плохим вариантом человеческого общежития, обречен. «...ближайшие 25–50 лет окажутся ужасными для общественных отношений, будучи временем распада существующей исторической социальной системы и перехода к неясной пока альтернативе...» [1] — пишет, например, известный политический мыслитель Иммануэль Валлерстайн в не так давно вышедшей книге «Конец знакомого мира».

Для решения угрожающих проблем современности нужен новый скачок в процессе рационализации, который потребует мобилизации усилий представителей элит и общества в целом для перестройки социальной системы на базе новой, бо-

лее рациональной социальной идеологии. Новый идеологический импульс рационализации может быть сформулирован примерно так: «Ответом западного общества на вызовы времени должен стать переход через рационализацию к более эффективному и справедливому обществу. В противном случае Западу угрожает поражение в столкновении с агрессивной иррационального мира».

«Успешные общества должны объединяться вокруг некоторого центрального сюжета — захватывающей истории с поддерживающей ее идеологией. Лидеры, не способные рассказать такую историю, не имеют программы, и у них нет уверенности в том, что они делают... — пишет Лестер Туроу в книге „Будущее капитализма“. — Но какую историю может рассказать сообществу капитализм... если он предполагает лишь одну цель — индивидуальный интерес и максимальное личное потребление» [2], — задает вопрос автор и не находит ответа.

Выводы Туроу представляются нам излишне радикальными. Нужна ли обществу какая-то новая захватывающая история, не станет ли она очередным инструментом манипуляции со стороны элит? Скорее, необходима последовательная реализация рациональных идеалов, лежащих в самой основе западной цивилизации; десакрализация, бескомпромиссная ревизия существующих общественных институтов, того, насколько они соответствуют рациональным интересам граждан; отказ от поддержания в общественном сознании иррациональных пережитков; признание необходимости реформ, направленных на приведение общества в соответствие с его рациональными идеалами.

Очевидно, рыночный фундаментализм, ставший в последние десятилетия господствующей идеологией западного мира, не в состоянии вывести западное общество на новый виток созидательного развития. Более того, господство рыночного фундаментализма приводит к тому, что глобальные проблемы в последние годы еще сильнее обостряются.

Рационализация требует обретения идеала — образа общества будущего, движение к которому позволит успешно от-

вечать на угрожающие вызовы времени. Этот образ должен задать направление движения к новой, более рациональной социальной системе, способной успешнее реализовать творческий потенциал западного общества.

В этой связи основной практической задачей современной теоретической социологии, по нашему мнению, является создание идеально-типической модели рационального общества. Эта модель должна соответствовать реалиям современного мира и накопленному историческому опыту, а также быть достаточно простой и понятной для неспециалистов, чтобы стать основой идеологии, способной придать новый импульс процессу рационализации общественных отношений.

Конфликты западной цивилизации

Западная цивилизация тяжело перевалила через рубеж тысячелетий с грузом нерешенных проблем, угрожающих самому ее существованию. Эти проблемы хорошо известны, им посвящены сотни серьезных исследований, тысячи газетных публикаций. Простое перечисление основных конфликтов и противоречий, угрожающих будущему мировой цивилизации, свидетельствует, что все они коренятся в отсутствии рационального согласования интересов индивидов, обществ, поколений, то есть в недостаточном уровне рационализации социальной системы, отстающем от требований творческого процесса.

Итак, перечислим основные типы конфликтов:

1. Конфликт западной цивилизации с внешним окружением, в наиболее острой форме — с исламским миром.
Природа конфликта — отсутствие рационального согласования интересов западного и других обществ.
Угрозы — распространение мирового терроризма, перманентных локальных войн типа иракской, оружия массового уничтожения, воинственного религиозного фундаментализма, неконтролируемой эмиграции из стран «третьего мира».
2. Социальные конфликты, нарастание неравенства и социальных проблем в странах Запада.

Природа конфликта — отсутствие рационального согласования интересов элиты и населения, вызванное несовершенством социальных и политических институтов.

Угрозы — растущее социальное напряжение в странах Запада, сокращение реальной заработной платы в США, прекращение воспроизводства новых рабочих мест в Западной Европе. Перманентный финансовый кризис, экономическая и социальная нестабильность.

3. Экологические конфликты и проблемы.

Природа конфликта — отсутствие рационального согласования интересов современного и будущих поколений.

Угрозы — глобальное потепление, радикальное ухудшение экологической ситуации в связи с индустриализацией развивающихся стран, угроза техногенных катастроф в ядерной и химической сфере.

Данная работа не ставит перед собой целью подробный анализ проблем, стоящих перед современной западной цивилизацией. Не будем претендовать на кусок хлеба, по праву принадлежащий многочисленным исследовательским центрам и институтам, специализирующимся в этой области. Важнее другое: обострение глобальных проблем медленно, но верно меняет общественные настроения на Западе. Так, если до трагедии 11 сентября 2001 года существовала практически всеобщая уверенность, что конец истории наступил, построен тысячелетний Американский рейх, некая статичная модель, возможно, не идеальная, но не требующая сознательной, целенаправленной работы по структурной модернизации, то сегодня для многих становится очевидным, что западный мир, для того чтобы выжить, должен измениться.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТКАТ В США

События сентября 2001 года рельефно проявили неадекватность господствующих социальных институтов стран Запада вызовам времени. Этот кризис возник не спонтанно, он назревал доста-

точно долго, выражаясь в углублении структурных, институциональных проблем. Например, результатом президентских выборов 2000 года в США стал самый серьезный в XX веке вызов легитимности политической системы крупнейшего государства западного мира, поставивший под вопрос ее соответствие провозглашаемым идеальным целям. С точки зрения целей американской демократии президентские выборы как метод выявления предпочтений избирателей перестали работать (это подтвердили и сомнительные результаты выборов 2004 года).

Под вопрос была поставлена легитимность не просто президента Буша-младшего, а самой политической системы США. Откровенно обозначилось то, что ее институты, сформировавшиеся в основном в XVIII — начале XIX веков (когда согласование интересов Штатов было важнее выявления предпочтений избирателей), безнадежно устарели и не соответствуют современному состоянию общества. Развитие событий после выборов 2000 года показало, что, несмотря на очевидность отставания системы от требований времени, американская статусная элита боится перемен и не готова идти даже на ограниченные политические реформы. В результате в последние годы в американском обществе восторжествовал иррациональный клерикально-патриотический символизм, главным носителем которого стал Дж. Буш-младший. При этом политика и риторика Буша, представляющие собой резкий откат в иррациональность в условиях как никогда возросшей необходимости рациональных реформ, и являются крайне опасными для будущего не только США, но и Запада в целом.

Другой тревожный знак — отказ США от подписания Киотских соглашений. В данном случае американская правящая элита продемонстрировала пренебрежение интересами будущих поколений не только других обществ, но и собственного. Этот факт доказывает, что элиты даже самых развитых стран мира не только эгоистичны, но часто иррациональны, недостаточно осознают и собственные рациональные интересы, по крайней мере в части передачи жизненных преимуществ будущим поколениям.

В последнее время много говорится об экономических проблемах стран Запада. Золотой век западной экономики, вопреки многочисленным обещаниям рыночных фундаменталистов, так и не на-

ступил. Но самое опасное, и об этом говорят намного реже, в том, что экономические проблемы обостряются на фоне ухудшающейся, во многом по вине господства в последние десятилетия того же рыночного фундаментализма, социальной ситуации. Реальные заработные платы большинства наемных работников в США сокращаются, доходы сверхбогатых и социальное неравенство растут. Как пишет Л. Туроу, в США «средний заработок мужчин, работающих круглый год с полной рабочей неделей, упал на 11% с 73-го по 93-й год...» [2]. Еще одна цитата того же автора, характеризующая социальную ситуацию в США: «В чистой стоимости имущества доля верхней половины процента населения поднялась в течение всего лишь шести лет, с 83-го по 89-й год, с 26 до 31%... К началу 90-х годов доля богатств, принадлежащая 1 верхнему проценту населения (более 40%), по существу удвоилась по сравнению с серединой 70-х и вернулась к той, что была в конце 20-х годов, до введения прогрессивного налогообложения» [2]. Более свежие статистические данные по США еще показательнее: «Средняя заработная плата в 1999 году составляла на 40% меньше, чем в 1972-м...» [3].

В целом уровень социального неравенства в США к концу 90-х годов вернулся к уровню конца 20-х, то есть в 1980–1990 гг. практически были ликвидированы прогрессивные результаты реформ, проводимых во время «Нового курса» и в 60-х годах при Кеннеди и Линдоне Джонсоне. Такой высокий уровень неравенства не может быть обоснован рационально, возвращение к нему — свидетельство отката процесса рационализации к состоянию, близкому тому, которое было в США до Великой депрессии. Противоестественная ситуация, когда в обществе творческий процесс (пусть и не так динамично, как было бы возможно на данном его этапе) развивается, а рационализация имеет негативную динамику, может привести к серьезным социальным катаклизмам.

Л. Туроу в некоторых своих работах связывает увеличивающееся социальное неравенство, в том числе, и с укреплением института интеллектуальной собственности и наследственного образованного класса в процессе формирования хозяйственной системы, базирующейся на знаниях. Однако, исходя из внутренней логики

работ Туроу, можно сделать противоположные выводы. Усиливающееся социальное неравенство — результат функционирования архаичной, основанной на частной собственности, формы социально-правовых отношений. Для успешного развития хозяйства, основанного на знаниях (и творческого процесса вообще), необходима свободная творческая самореализация и конкуренция индивидов. Однако они невозможны в условиях существования института наследственной частной собственности, неравного доступа к информации и знаниям, высокого уровня социального неравенства, лишаящего индивидов условий для творческого саморазвития. Таким образом, усиление социального неравенства — наследие архаичного капитализма — не неизбежный спутник, а препятствие для развития современного общества, определенного Туроу как хозяйственная система, базирующаяся на знаниях. Не усиление социального неравенства, а его постепенное преодоление является условием для успешного формирования и развития интеллектуальной экономики. Сегодняшний тренд в сторону большого социального неравенства — опасный иррациональный рецидив прошлого, тянущий назад развитие общества знаний.

Ситуацию делает еще более взрывоопасной то, что социальные проблемы обостряются на фоне увеличивающихся привилегий различного рода «угнетенных» меньшинств, преимущественно из числа эмигрантов (особенно такое положение дел актуально для стран Западной Европы). Объектом социальной ненависти непривильегированного большинства становятся не только собственники-эксплуататоры, но и различные группы маргиналов. Эта ситуация грозит обострением социальных конфликтов как по линии элита — общество, так и по линии общество — маргиналы, в том числе переходом от мирного противостояния к насильственному.

СИОНИЗМ КАК МНИМОРАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Как известно, сионизм создавался в XIX веке в значительной мере как ответ на распространение антисемитизма в Европе, несущего угрозу самому существованию евреев. Вернее, тех жителей

Европы, которые обладали этой приписанной социальной характеристикой и как носители этой характеристики подвергались преследованиям и дискриминации.

Таким образом, абсолютно рациональным был главный тезис сионизма о создании еврейского национального государства как способа защитить евреев от насилия и унижений. После Холокоста эта рациональность стала очевидной для всех. Даже сегодня нет никаких гарантий, что в какой-нибудь части света не возникнет угроза насилия или дискриминации в отношении тех, кого данное общество социально идентифицирует как евреев.

Сионисты обосновали свой основной рациональный тезис следующим образом: во-первых, все люди, к которым окружающие или они сами относят социальный ярлык «еврей» (или «иудей»), являются единым народом, во-вторых, они имеют некие исторические права на Палестину.

Таким образом, рациональная идея сионизма о защите евреев собственным национальным государством получила абсолютно иррациональное обоснование. Говорить о генетической связи носителей абсолютно разных антропологических типов, таких как эфиопские фалаши, йеменские, марокканские, грузинские, индийские, горские, бирманские, европейские евреи, невозможно. Совершенно очевидно, что процесс скрытой ассимиляции шел во всех странах рассеяния (а параллельно с ним процесс иудаизации некоторого количества местных жителей). В результате в одних странах, например в Китае, евреи полностью ассимилировались, в некоторых полностью приняли антропологический тип местных жителей (в арабских странах, Индии, Грузии и т. д.), в других сохранили определенные антропологические отличия от коренного населения (например, в Европе).

Скорее всего, это зависело от количества времени, которое евреи провели в той или иной стране. Двести лет в России, например, не сделали евреев похожими на русских, а более 1000 лет в Грузии превратили их во внешне практически не отличимых от автохтонного населения.

Культуры ашкенази (европейских евреев), различных групп сефардов, индийских евреев и т. д. также имеют мало общего. Даже в рамках одной страны зачастую существуют группы евреев, силь-

но различающиеся в культурном и антропологическом отношении (потомки выходцев из Испании и местные арабские евреи в странах Магриба, несколько групп евреев в Индии и т. д.). Различаются и языки (идиш, ладино, арабский, английский, русский, немецкий, французский и т. п.).

Таким образом, у евреев остается только религиозная идентификация. Однако иудаизм как религиозный, то есть манипулятивный, институт не может быть инструментом, создающим рационально обоснованную, прочную общность людей. Принадлежность к иудейской религии создает общность индивидов, являющихся объектами одного и того же вида манипуляции. Сохранение этой общности не может рассматриваться как обоснованное с точки зрения рациональных интересов ее членов. Она обречена в исторической перспективе, так как основана на манипулятивном влиянии религиозных институтов, которое ослабевает по мере рационализации общественного сознания.

Давая свои объяснения целей сионизма, его приверженцы встают на одну доску с теми, кого они же сами объявляют антисемитами. Характерна дискуссия вокруг нашедшей книгу Александра Солженицына «200 лет вместе». Ее противники из числа еврейских националистов возмущались несправедливыми, по их мнению, нападками на евреев. Ярые антисемиты остаются недовольными «слишком либеральным» отношением автора к «еврейскому врагу».

Рациональный взгляд на книгу Солженицына в принципе ставит под сомнение корректность поставленной автором проблемы отношений между евреями и Россией.

Итак, о чем пишет Солженицын? Двести лет вместе прожили страна Россия и группа людей, объединенных общим социальным стигматом — «еврей». До революции 1917 года (времени, которому посвящен первый том Солженицына) евреев еще что-то объединяло (язык, религия, община). В послереволюционные годы, кроме социальной характеристики, записи в паспорте, в прямом смысле приписывающей данного человека к евреям, последние ничем объединены не были. Они не составляли цельной социальной группы, как не составляют социальную общность люди с рыжими волосами или носящие фамилию Иванов, или родив-

шиеся в 1968 году, или имеющие рост 170 см и т. д. и т. п. Относительно дореволюционных событий можно говорить о политико-правовых взаимоотношениях российских властей (но не России) с еврейской общиной как социальным объединением (но не всеми евреями). Говорить о каких-то отношениях между евреями и Россией после постреволюционного распада еврейской общины в каком бы то ни было виде представляется в принципе некорректным, как нельзя говорить об отношениях рыжих и России, Ивановых и России, Борисов и России, выходцев из Воронежа и России и т. д.

Таким образом, современный сионизм, рассматривая евреев как единую цельную общность, по сути, солидаризируется с теоретиками антисемитизма (недаром многие из последних, например покойный Вадим Кожин, с удовольствием цитировали таких радикальных сионистов, как Владимир Жаботинский).

Единственный способ объединить всех рыжих (курильщиков или любителей кофе) — подвергнуть их социальной дискриминации. Единственный объективный признак общности всех евреев — национальность как приписанная социальная характеристика — связан евреям обществами стран, в которых они живут. Объединяет людей, определяемых как евреи, только свойства их социального потенциала (то есть оценка системой данной приписанной социальной характеристики). В случае если эта оценка отрицательно влияет на получение позиций социального статуса, евреи мотивированы на изменение данной системы (как было в России накануне революций 1917 и 1991 годов). В случае если данная характеристика никак не влияет на социальную динамику индивидов, единственным общим мотивом у евреев остается стремление защитить себя от подобного развития событий в будущем (в том числе и с помощью сохранения Израиля как государства, способного предоставить им защиту и убежище).

При этом объединение обладателей этой социальной характеристики для достижения привилегированного положения в обществе реально не более чем заговор «рыжих» или филателистов. Кроме отдельных, коротких по времени, эпизодов, когда евреи настолько успешно боролись с дискриминацией, что в процессе этой борьбы переходили невидимую грань равноправия и доби-

вались некоторых привилегий (как, например, было в послереволюционной России), еврейство как приписанная характеристика не повышало, а, скорее, снижало показатели социального потенциала индивидов (как было до конца XIX — начала XX веков в Европе) или не влияло на эти показатели (как в подавляющем большинстве стран мира сегодня).

Итак, единого еврейского народа не существует. Сегодня есть группа лиц, проживающих в разных странах мира, объединенных общей приписанной социальной характеристикой. И есть социальная общность, народ — израильские евреи. Рациональная цель первых (так как они сегодня практически нигде не подвергаются дискриминации, это единственное, что их объединяет) — сохранение Израиля как государства-убежища, способного их защитить в случае рецидивов антисемитизма в странах проживания. Рациональная идеальная цель вторых — развитие своего государства, способное обеспечить им лучший доступ к первичным ценностям. Кроме того, у израильских евреев существует рациональная мотивация сохранять свою страну как потенциальное убежище для евреев так называемой диаспоры, так как подобный статус позволяет Израилю получать финансовую и политическую поддержку представителей мирового еврейства. Таким образом, цели обеих групп, определяемых как «евреи», не противоречат, а практически совпадают друг с другом. И так называемые «евреи в рассеянии», и израильские евреи заинтересованы в процветании и динамичном развитии государства Израиль.

При этом сегодня для их солидарных действий в направлении реализации своих рациональных целей сионистская мниморациональная идеология уже не требуется. Для этого нет необходимости объявлять евреев всего мира единым народом, нет нужды держаться за иудейскую религию как единственный объединяющий их социальный институт, нет резона отстаивать религиозные и исторические святыни мнимой исторической родины евреев — Палестины (народ и государство Израиль уже состоялись, а дальнейшая эмиграция «околдованных» сионизмом евреев уже не столь необходима для развития страны). Более того, эти иррациональные элементы идеологии сионизма явля-

ются главным препятствием достижения рациональных идеальных целей как израильского общества, так и всех индивидов в мире, приписанных к национальной группе евреев.

Иррациональные объяснения целей сионизма, превращающие его в мниморациональную идеологию, сыграли позитивную роль в начале сионистского движения. Без них сионисты не смогли бы объяснить евреям и мировому сообществу свое право на Палестину и необходимость национальной консолидации на ее территории. Конечно, Палестина в любом случае лучшее убежище для эмигрировавших туда евреев, чем Уганда, на территории которой предлагали создать еврейское государство некоторые родоначальники сионизма. Однако сегодня, когда израильские евреи приобрели подлинную идентичность (общий язык, культура, экономика), мниморациональная идеология сионизма превратилась в препятствие для рационализации и развития Израиля. Сионистская идеология заставляет евреев Израиля цепляться за иррациональные атрибуты идентичности — иудаизм, религиозные святыни (Иерусалим, Стену плача и т. д.). Тем самым она делает невозможным преодоление противостояния с арабами, мыслящими в той же иррациональной парадигме, которое положило бы конец террору и состоянию перманентной необъявленной войны.

Каждый, кто был в Израиле, видел бесконечные убогие кварталы домов из песчаника, азиатскую бедность в центре страны. Избавившись, даже ценой полного ухода из Восточного Иерусалима, от необходимости защищать иррациональные святыни от арабов, израильтяне смогут наконец заняться развитием собственного государства (примеры Сингапура, Гонконга и т. д. свидетельствуют, что маленькая территория для этого не помеха, просто вместо трущоб из песчаника должны появиться современные небоскребы). В этом случае огромные финансовые и людские ресурсы, направленные сегодня на противостояние арабам, могли бы быть переориентированы на созидательное развитие страны; исчезли бы катастрофические экономические проблемы, связанные с этим противостоянием.

Только тогда у жителей Израиля появится шанс превратить свою страну в рациональное, динамичное, процветающее государство, сделать ее мировым центром творческого развития, образо-

вания, передовых технологий, науки, искусства. Это, а не защита различных «священных» камней, национальных или религиозных святынь, может стать рациональной целью израильского народа, совпадающей с задачами индивидов, приписанных к еврейству в разных странах мира (на положение которых также оказывает негативное воздействие конфронтация Израиля с палестинскими арабами, преодолеть которую можно, только вырвавшись из иррациональных рамок сионистской идеологии).

НЕСООТВЕТСТВИЕ АРХАИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ЗАДАЧЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВНЕШНИХ РАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ОБЩЕСТВА

Основной причиной того, что западное общество не смогло предотвратить обострение «конфликта цивилизаций», стала отстающая от требований времени иррациональность его организации.

Очевидно, «первый мир» не смог построить гармоничной модели сосуществования с «миром третьим». Причины противостояния принято искать в политических, экономических, культурных противоречиях стран «золотого миллиарда» и остального мира. Действительно, пока существует огромная цивилизационная пропасть между этими мирами, столкновения неизбежны. Корни конфликта и противостояния цивилизаций невозможно понять, не признав данностью целенаправленный всемирный цивилизационный (в нашей терминологии — творческий) процесс и то, что разные страны мира находятся на разной его стадии. Причины нынешнего кризиса лежат в неизбежном антагонизме обществ, находящихся на различной стадии развития цивилизации.

Пока существует огромное отставание в развитии, реальна и угроза насильственного столкновения или поглощения обществ с более высоким уровнем развития менее развиты-

ми обществами. Сравнение предполагаемой участи современного Запада с судьбой Римской империи стало общим местом. Меньше говорится о том, как избежать этой участи и не дать современным варварам поглотить бастион цивилизации. У современного мира только две альтернативы — или варваризация Запада, или цивилизация варварского мира (прежде всего исламского). Спасение Запада — в стимулировании творческого процесса в странах «третьего мира» (прежде всего в идеологической сфере), в активном содействии их переходу от мистического общественного сознания к рациональному. Только цивилизационное развитие стран «третьего мира» до состояния, на котором станет неизбежным принятие ими западной системы ценностей, способно исключить возможность их агрессии против Запада.

В XX веке само понятие прогресса дискредитировалось и девальвировалось. Либеральные авторы внушали публике: «Дайте жить австралийским аборигенам, неграм Черной Африки, мусульманам Аравии, как они привыкли веками, не стоит навязывать им свою систему ценностей, их мир имеет такое же право на существование, как и наш».

Но вот в сентябре 2001 года люди из другого мира (исламского) пришли в неформальную столицу Запада — Нью-Йорк и, пользуясь его достижениями (гражданской авиацией), устроили там кровавую бойню. Как оказалось, они-то меньше всего согласны мириться с плюралистической моделью многоцивилизационного мироустройства.

Представляется, что выход из сложившегося кризиса — не во взаимопроникновении разных по уровню развития культур, которое дает в результате среднеарифметическую производную от интегрирующихся компонентов и поэтому ведет к потере многих достижений творческого процесса. Только распространение творческого процесса с позиции многопорядкового превосходства Запада способно привести к цивилизационному прогрессу варварской ойкумены без снижения уровня творческого развития в самих западных странах; подтянуть уровень развития в развивающихся странах до уровня, близкого к западному.

Для этого прежде всего необходимо измениться самому Западу. Его спасение — в новом скачке рационализации, создании еще более высокой культуры, способной обеспечить ускоренное всестороннее развитие. Только в этом случае западная цивилизация сможет подняться на такую высоту, так усилиться, чтобы обеспечить через проникновение своего культурно-цивилизационного влияния развитие творческого процесса в менее развитых обществах и тем самым отвести эти общества от черты опасного варварства к более рациональной, а значит, более толерантной культурной парадигме.

Что делает для решения этой задачи Запад сегодня? Практически ничего. Современный Запад под лицемерным прикрытием политкорректных формулировок решает чисто тактические задачи: подкупает элиту развивающихся стран, причем не только напрямую, но и закрывая глаза на хищническую, часто противозаконную, эксплуатацию ею своих подданных.

На это на практике направлена кредитная политика МВФ и других западных финансовых центров. В результате элита варварских стран разворовывает полученные кредиты, а затем расплачивается с должниками за счет усиления эксплуатации собственного населения. Особенно ярко такое положение дел продемонстрировала постсоветская Россия.

Интеллектуальное влияние Запада — это опять-таки подкуп, на этот раз творческой элиты стран «третьего мира» с целью ее использования для удовлетворения собственных потребностей в высококвалифицированных кадрах. «Утечка мозгов» из варварской ойкумены на Запад — тема хорошо исследованная. Хотелось бы обратить внимание на один ее аспект. Сегодня увеличивается возможность представителей элит развивающихся стран учиться на Западе.

Некоторые авторы считают, что обучение может стать главным инструментом распространения цивилизации (при этом не учитывается, что и Пол Пот, и Бин Ладен учились на Западе). Однако практика свидетельствует об обратном: по возвращении в культурную среду своих полудиких стран у бывших студентов остается лишь один выбор: погибнуть или

адаптировать полученные знания, приспособиться к этой среде (впрочем, многие предпочитают не возвращаться).

Только содействие в развитии творческого процесса в самих странах «третьего мира», повышение там уровня жизни, развитие здравоохранения, науки, образования, культуры, искусства и т. д. могут обеспечить позитивные цивилизационные сдвиги.

Важная составляющая в западном культурном пакете для стран «третьего мира» — массовая культура: Голливуд, Макдоналдс, поп-музыка и т. п. Некоторые американские политологи (например, Збигнев Бжезинский в своей последней книге [4]) говорят о позитивном влиянии этих «культурных достижений» на молодежь «третьего мира». Американская массовая культура потребления, по Бжезинскому, якобы создает новую глобальную общность молодых людей большинства стран мира. Однако стоит посмотреть кадры хроники из Ирака, Палестины, Кот д'Ивуара, Пакистана или Судана, взглянуть на разъяренные лица молодых боевиков, чтобы убедиться, как ошибается классик американской политологии.

Американская массовая эрзац-культура не привела, да и не была способна привести, к глубинным сдвигам в сознании жителей развивающихся стран. Ситуацию может изменить только проникновение подлинных творческих достижений мировой цивилизации, инициирующее цивилизационный подъем в этих странах (в той же книге Бжезинского приводятся цифры ничтожных совокупных тиражей книг, переведенных на арабский язык в последние годы).

Примечание: однако справедливости ради необходимо отметить, что на негосударственном уровне существует ряд позитивных исключений, таких как просветительская деятельность фонда Сороса.

Современный глобализм на практике — совместное предприятие стран Запада и элит стран «третьего мира» по эксплуатации природных и трудовых ресурсов развивающихся стран.

Самое печальное в том, что политика Запада в отношении к «третьему миру» на современном уровне развития не может быть иной. Энергопотребляющая экономика Запада де-

лает его зависимым от природных ресурсов стран «третьего мира». Запад не имеет возможности на государственном уровне оказывать серьезную целенаправленную помощь странам «третьего мира» в области технологического, культурного, экономического развития. Проще подкупать элиту, помогать ей грабить свои народы. В этом случае не требуется реформировать собственную экономику, делать ее менее энерго- и материалоемкой и эффективной. Подобные реформы вызвали бы у западной правящей элиты необходимость пойти на определенное ущемление своих краткосрочных (но не долгосрочных рациональных) интересов; а элита, как показывает практика, не готова жертвовать ничем, пока не столкнется с прямой угрозой своему господству (как было во время Великой депрессии).

Что может предложить Запад сегодня как пример модели развития для «третьего мира»? Насколько он ушел вперед от своих младших развивающихся братьев?

Начнем с самого вопиющего: Буш и Бин Ладен, израильские и палестинские руководители общаются на одном языке иррационального символизма: зывают к богу или защищают национальные святыни — то есть принимают общие иррациональные правила игры. В результате арабы могут сказать: «Идет религиозная война — или мы вас, или вы нас»; «Евреи кладут сотни жизней за груды камней, называемых ими Стеной плача, мы положим тысячи жизни за красивое куполообразное здание под названием мечеть Омара»; «Чем вы лучше нас? Буш угрожает нам своим христианским богом, мы выставим против него воинство Аллаха». Этот заколдованный круг не разорвать.

Для того чтобы ожидать рационального, предсказуемого поведения от людей «третьего мира», нам — людям западной культуры — как минимум надо самим подать пример рационального отношения к жизни. Сохранение элементов религиозного, национального, идеологического иррационального символизма свидетельствует о незавершенности формирования рационального мировоззрения в западном мире, гарантирует долгую жизнь исламской и другим мисти-

ческим идеологиям, а значит, и потенциальную возможность агрессии со стороны их приверженцев.

Только выступая в качестве носителя рационального, нерелигиозного, несимволического мировоззрения, Запад сможет сформировать и мобилизовать единомышленников (пусть и в будущих поколениях) в мусульманском мире (где отнюдь не все население — исламские фанатики по рождению). В противном случае исламское население всегда будет воспринимать столкновение с Западом как религиозную войну с иноверцами.

Одна из самых опасных тенденций новейшего периода истории Запада — практически беспрепятственное проникновение в страны, принадлежащие к европейской культуре, больших масс жителей «третьего мира». Отчасти это дань политкорректности (лицемерная забота о бывших жителях империи), отчасти — нужда в низкооплачиваемых трудовых ресурсах, отчасти — следствие коррупции в самих западных странах. Результат такой политики — толпы враждебных нищих безграмотных реакционеров-фанатиков не только в самих странах «третьего мира», но уже и на территории Запада.

Однако так же, как делить народы на хорошие и плохие, абсурдно и опасно считать, что все они абсолютно идентичны по своим социальным ориентирам, психологии, профессиональным склонностям и способностям. Нельзя не признать наличия специфических генетически и культурно предопределенных качеств представителей различных национальных общностей, которые в значительной степени определяют их соответствие исполнению тех или иных социальных функций в обществе.

Не требует доказательств констатация того, что уровень творческого процесса в большинстве стран «третьего мира» существенно отстает от его развития в странах европейской культуры. В силу этого особенности социальной психологии и профессиональные возможности эмигрантов из этих стран и представителей коренного населения стран Запада существенно отличаются. Функциональный потенциал, возможности осуществлять свои профессиональные функции по иде-

альной мотивации эмигрантов из стран «третьего мира» в большинстве случаев объективно уступают соответствующим показателям местных жителей.

При накоплении критической массы эмигранты смогут получить реальную возможность добиться реформы системы формирования социальной иерархии в западных странах, которая даст неадекватно высокую оценку этно-культурной специфики их функционального потенциала (через механизм выборов, в значительной мере ориентированный на интересы меньшинств). То есть они смогут обеспечить приближение принципов организации социальной системы на Западе к существующим в их родных странах. Данный процесс, если он будет развиваться, способен привести к творческой деградации Запада, отбросить уровень его развития к существующему в отсталых странах «третьего мира».

Необходимо подчеркнуть, что здесь не имеются в виду эмигранты из стран европейской культуры или таких культурно развитых стран, как Корея, Китай, а также специалисты и представители творческих профессий.

Другая важная проблема, связанная с массовой эмиграцией в страны европейской цивилизации и мировым распространением американской унифицированной поп-культуры, — потеря идентичности национальных культур в процессе глобализации. Эта тенденция лишает индивидов разнообразия в потреблении культурно-эстетических ценностей, создаваемых разными национальными общностями, обедняет их интеллектуальный рацион, сужает простор для творческого поиска.

ДОСТИЖЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И УСТАРЕВШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Один из родоначальников современной политической науки Макс Вебер еще в начале XX века определил современ-

ный ему капитализм как рациональное общество и предсказал его дальнейшую рационализацию. Естественно, западный капитализм XIX–XX веков был устроен намного более рационально, чем предшествующие или современные ему альтернативные формы общественного устройства. Однако вся последующая история XX — начала XXI столетий (мировые войны, экологические катастрофы, экономические кризисы, социальные конфликты, разгул террора), очевидно, свидетельствует о том, что и во времена Вебера, и сегодня рациональное в капиталистическом мире зачастую уступает иррациональному.

Другой классик — Карл Поппер писал об «...обществе, ошибочно названном «капиталистическим» с внутренним механизмом самореформирования и самосовершенствования...» ([1] к разд. 7).

Действительно, этому обществу на протяжении всей своей истории удавалось давать ответы на вызовы времени. Триумфальная победа в «холодной войне» — лишнее подтверждение данного тезиса. Однако следует признать, что ответы всегда запаздывали по времени, назревшие социальные реформы проводились только после того, как народам приходилось платить за консерватизм своих элит жестокую цену после глобальных катаклизмов — революций, депрессий, мировых и колониальных войн.

Отметим следующее обстоятельство: после введения всеобщего избирательного права в конце XIX — начале XX веков и социальных реформ начала — середины XX столетия социально-политическое устройство ведущих западных стран оставалось достаточно статичным. Надо признать, что такая социальная статика сопровождалась бурной научно-технической, в том числе информационной, революцией и не могла не войти в противоречие с ней.

Современное капиталистическое общество полно структурных конфликтов и противоречий и поэтому недостаточно эффективно. Развитие требует рационализации — работы над преодолением этих противоречий, преобразованием общества в более эффективное и жизнеспособное.

Современная модель западной демократии и рынка складывалась в определенных исторических обстоятельствах, на определенном уровне развития общества. Ее относительно высокая степень эффективности по сравнению с предыдущими общественными формами и с альтернативными вариантами развития (фашизм, коммунизм) доказана исторической практикой.

Черчиллю приписывают высказывание: «Демократия — самый отвратительный способ правления, но ничего лучшего человечество пока не придумало». Наверное, этот афоризм актуален для своего времени. Более точно было бы переформулировать его так: «Наша социально-политическая система оставляет желать лучшего, но на нынешнем уровне развития ничего лучше быть не может». Под этим высказыванием, если отнести его к временам позднего Черчилля, когда процесс рационализации в Великобритании шел достаточно активно и в целом успевал отвечать на вызовы времени, я бы подписался сам.

Однако демократия и рынок в том виде, в котором они в общих чертах сложились в середине XX века и существуют до сих пор, не только далеки от рационального идеала, но и уже отстали от тех возможностей движения к нему, которые предоставило время.

В западной демократии индивиды теоретически имеют право на свободный выбор, будь то политический (партии, политики) или экономический (товары, услуги). Инструментом обеспечения первого является представительная демократия, второго — рыночная экономика.

Цель выбора индивида очевидна — получение наибольшего количества благ, достижение оптимальной полезности при его совершении. Это принцип и демократии, и рынка. Естественно, на практике то, что воспринимается данными индивидами как наиболее «выгодный», то есть рациональный, выбор, зависит от их субъективных представлений о ценностях. При этом представления индивида о ценности для себя того или иного выбора часто сильно отличаются от реально-

сти. Это связано с тем, что индивид может быть ограничен в информации и находится под воздействием манипуляции, создающей неверное представление о ценностях и толкающей его на иррациональный выбор.

Либеральные исследователи (Дж. Роулз и др.) воспринимают свободу выбора как самостоятельное благо — вне контекста полезности для индивида его результата. С ними невозможно не согласиться. Однако вряд ли можно назвать свободным выбор, основанный на недостатке информации и сделанный под воздействием манипуляции. Манипуляция, основанная на искажении информации, с помощью эксклюзивных возможностей доступа к источникам ее распространения, так же как и насилие, — форма ограничения свободного выбора. Индивид, делающий выбор под воздействием политической или коммерческой рекламы, так же не свободен, как и тот, кто делает выбор исходя из страха и принуждения. Подлинно свободный выбор может быть только рациональным.

Абсолютно свободен в выборе только некий идеально-типический рациональный индивид, обладающий всей полнотой информации и не подверженный воздействию манипуляции. Такой индивид способен сделать только рациональный выбор, то есть тот, который обеспечит ему наибольшее количество подлинных, а не иллюзорных благ (то есть первичных ценностей). У такого индивида, как это ни парадоксально, именно при полной свободе выбора нет многочисленных вариантов его реализации. Выбор диктуется рациональным расчетом.

Современные социальные институты даже самых «передовых» стран Запада не соответствуют стоящим перед ними декларируемым задачам достижения блага индивидов, обеспечения им свободы выбора. Реализация этих задач напрямую зависит от уровня обеспечения условий для рационального выбора. Демократия и рынок в их нынешнем виде не способны обеспечить рациональный, а значит, свободный выбор индивидов. Причина в том, что оба этих института предполагают неравный доступ индивидов к источникам информации и, как следствие, органически связаны с институтами манипуляции (рекламой, ангажированными СМИ, пиа-

ром, маркетингом, брендингом, корпоративной культурой, патриотическим воспитанием, религией и т. д.).

Манипуляция происходит в интересах тех, кто имеет доступ к этим ее инструментам, за счет интересов тех, кто его не имеет, то есть прежде всего в интересах правящей элиты. Развитие творческого процесса во второй половине XX века, вызвавшее массовое распространение телевидения, еще сильнее обострило противоречие между социальными и идеальными мотивами деятельности индивида. Информационные технологии обострили вечное противоречие, как говорил еще Никколо Макиавелли, «между быть и казаться». В условиях современной западной демократии для достижения политического и экономического успеха индивидам необходимо, чтобы результаты их деятельности казались (а не были) полезными для общества. Задача политика или производителя — суметь вызвать иррациональное стремление окружающих содействовать им в достижении успеха. Отсюда талант манипулятора, интригана, демагога как основные качества функционального соответствия для политической и экономической элитами современного западного общества. С помощью этих качеств и контроля над технологичными инструментами распространения информации, правящая элита навязывает себя обществу.

Манипуляция как средство дерационализации и корыстного использования господствует в политической жизни, в которой рядовые избиратели играют роль простых статистов. Избиратели голосуют исходя из того, насколько эффективно кандидаты представлены средствами массовой информации, что, в свою очередь, зависит прежде всего от объема инвестированных в предвыборную кампанию средств, от поддержки экономических, политических и информационных элит. То есть избиратель в реальности выбирает не товар, а упаковку, действует зачастую исходя не из достоинств кандидата, а из объема вложенных в его кампанию инвестиций. В результате этого «демократические» выборы на практике представляют собой легитимизацию власти наиболее сильных элитных группировок, сумевших мобилизовать максимальные финан-

совые и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы обеспечить победу над конкурирующими фракциями элиты.

Такое же положение и в экономике. И потребительский рынок (через рекламу), и рынок ценных бумаг (путем создания спекулятивного спроса), и валютный рынок (благодаря созданию «харизмы» валют) основываются на манипуляции, введении в заблуждение, пробуждении иррациональных чувств.

За всем этим стоят интересы элитных групп, которые имеют доступ к финансовым ресурсам как к ключу для обладания инструментами манипуляции. Естественно, такое положение дел не имеет никакого отношения к общественному благу как декларируемой цели западного общества.

Суть этих процессов в том, что статусные элиты создают фиктивный общественный спрос на свою деятельность и соответственно добиваются необоснованных социальных преференций.

Нобелевский лауреат в области экономики Джон К. Гэлбрейт в своей работе «Справедливое общество» признал: «Немалая часть доходов и богатства достается людям без достаточного или вообще без всякого социального обоснования, ни за что или почти ни за что с точки зрения вклада в экономику» [5]. С полной уверенностью то же самое можно сказать и о позициях политической власти.

Определение Гэлбрейта прямо относится еще к одной «священной корове» западного общества — институту наследственной частной собственности, который, по сути, означает ничем не мотивированное неравенство начальных социальных возможностей.

Некоторые современные исследователи, например Л. Туроу, указывают на то, что с формальной точки зрения демократия и рынок основаны на различных принципах выбора. Действительно, по идее демократия должна давать потребителям равные начальные условия для выбора услуг политиков (один человек — один голос). Рынок предполагает разные потребительские возможности индивидов, делающих выбор на рынке товаров и услуг. Эти возможности определяются имеющимися у них финансовыми ресурсами. На прак-

тике эгалитарная свобода политического выбора — не более чем фикция, этот выбор так же иерархичен. Возможности влиять на исход выборов простого избирателя, редактора газеты или нефтяного магната абсолютно не равны. Следует признать, что политический эгалитаризм — такая же фикция, как и равенство возможностей в экономике.

Итак, в современном капиталистическом обществе политическая система — демократия живет вопреки декларируемым принципам, по существу, по тем же законам, что и рынок.

Рекрутирование политических элит носит в реальности закрытый характер (несмотря на демократические декларации) и осуществляется исходя из субъективных критериев (способностей к манипуляции окружающими, артистических и демагогических способностей, талантов интригана и комбинатора и т. д.). При этом способности политиков к осуществлению идеальной мотивации их деятельности, которые позволили бы эффективно решать актуальные задачи, стоящие перед обществом, имеют ограниченное значение для социального продвижения.

Красивые легенды о торжестве демократии, власти народа, гражданском обществе служат современным элитам для сохранения выгодной им формы организации социальной системы и легитимизации собственной власти. Необходимо честно признать, что сегодня в обществе буквальная реализация принципов демократии нереальна ни в политической, ни в экономической сфере. Подобное признание позволит ставить реальные цели локальной демократизации политического и экономического устройства.

Идея равного распределения экономических статусных позиций между гражданами показала свою несостоятельность в ходе коммунистического эксперимента по воплощению марксистского эгалитарного идеала. Однако реально и даже необходимо продолжение ограниченного движения экономического устройства западного общества в сторону демократических принципов, подобное тому, которое происходило при демократических и социалистических правительствах западного мира в середине XX века.

С другой стороны, нереально и полное воплощение принципов народовластия в политической сфере. Политика — всего лишь один из видов профессиональной деятельности, занятие политикой — удел тех, для кого этот род деятельности является профессиональным призванием. Участие в политических процессах широких народных масс возможно только в результате манипуляции со стороны элитных групп. Демократизация политического устройства может стать реальной не путем участия как можно большего числа граждан в управленческих решениях, а с помощью исключения возможностей манипулятивного воздействия на их выбор. При этом само право при желании участвовать в политических процессах должно быть гарантировано каждому.

Как уже писалось выше, решение неотложных задач, стоящих перед современным обществом, требует создания лучших условий для творческой самореализации индивидов и, как следствие, высвобождения творческого потенциала общества. Новая творческая революция невозможна без проведения радикальных реформ, направленных на сокращение влияния инструментов манипуляции, ограничивающих свободный выбор индивидов, искажающих рациональную социальную оценку их деятельности. Результатом подобных реформ должно стать изменение принципов формирования статусной иерархии с целью усиления социальной стимуляции творческой деятельности во всех областях профессиональной деятельности.

Общие для политической и экономической жизни принципы более рационального социального устройства могут быть основаны на гармонизации социальных и творческих интересов каждого индивида и, как следствие, эгоистических интересов индивида и интересов общества в целом.

Внешние противоречия западного общества с интересами других обществ, а также с интересами будущих поколений собственного общества могут быть решены только через преодоление внутренних противоречий.

Можно уверенно констатировать, что сегодня созданы технологические условия для того, чтобы на смену доселе незыб-

лемым институтам перераспределения позиций социального статуса, таким как представительная демократия, многопартийность, рынок, частная собственность, пришли более рациональные институты, лучше соответствующие новому уровню развития.

Развитие творческого процесса создало технологии, способные решить эту задачу. Для того чтобы с их помощью была организована более рациональная социальная система, необходимо «раскачать» общество, сломить сопротивление консервативных, ориентированных на сохранение собственного привилегированного положения, манипулятивных элит. Распространение в обществе обновленной версии рациональной идеологии, появление образа рационального идеала, к которому оно сможет стремиться в своем развитии, способно облегчить проведение подобных преобразований. В этом случае процесс формирования более рационального, чем современный капитализм, информационного интернет-общества сможет достаточно быстро захватить большинство развитых стран современного мира.

МАНИПУЛЯЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ ВЫБОРОМ

Инструменты манипуляции, такие как реклама, маркетинг, пиар, брендинг, декларируют как идеальные цели достижение социальных задач производителей. Причем эти задачи не имеют отношения к интересам партнеров по социальному обмену, то есть потребителей, продвигаемых с помощью данных инструментов товаров и услуг.

Цель рекламы — добиться увеличения продаж товаров и услуг, безотносительно, принесет ли это пользу их потребителям. История не знает примеров, когда бы рекламная фирма отказалась от заказа по причине некачественности или бесполезности продвигаемого товара.

Политический пиар добивается продвижения политиков во власть безотносительно к тому, насколько это продвижение полезно для общества.

Маркетинг занимается эффективным продвижением товаров и услуг на рынке, не ставя вопрос о том, насколько продвижение данной продукции позволит удовлетворить рациональные интересы потребителей.

Брендинг создает фиктивную, «символическую» ценность товаров, не имеющую отношения к их реальной пользе для удовлетворения потребностей индивидов (см. работу Наоми Кляйн «No logo. Люди против брендов» [6]).

Данные инструменты сосредоточены на достижении задачи формирования выгодного их владельцам, а не рационально обусловленного выбора индивида.

Организаторы и теоретики инструментов манипуляции, дабы завуалировать их истинную роль, в последнее время часто говорят о некой социальной миссии этих институтов. Например, справочник по политическому консультированию под редакцией Дэвида Д. Перлматтера так определяет социальную роль политконсультантов: «В конце концов, услуга, которую политические консультанты оказывают обществу, состоит в том, что мы помогаем избирать хороших кандидатов, принимать правильные законы и нацеливать людей на их кровные интересы» [7]. Авторы, видимо, не задаются вопросом по поводу того, кто же тогда продвигает плохих политиков, принимающих плохие законы, противоречащие интересам людей. Может быть, это происки инопланетян, а возможно, усилия тех же политконсультантов.

Естественно, подобные объяснения не имеют ничего общего с реальной практикой, так как не соответствуют подлинным целям компаний, принадлежащих к сфере пиара, рекламы и маркетинга. Разговоры об идеальной миссии являются лишь попыткой завуалировать подлинные интересы индивидов, извлекающих прибыль из работы этих инструментов. В противном случае их компании продвигали бы товары, услуги, политиков, партий по результатам беспристрастного анализа их преимуществ и недостатков по отношению к конкурентам, а не в итоге продажи своих услуг на рынке. Работы по продвижению товаров и политиков начинались бы не с поступления денег на счет соответствующих компаний, а в случае, если бы из этого анализа делался вывод о том, что альтернативные предложения с точки зрения

рациональных интересов потребителей уступают рассматриваемым.

Один из классиков современной социологии Юрген Хабермас еще в 1960-е годы писал о манипулятивном перерождении публичной сферы в современном западном обществе. Сегодня этот процесс зашел еще дальше.

Дж. Гэлбрейт, а за ним Ж. Бодриар [8] писали о появлении феномена «перевернутой последовательности» в отношениях между производителями и потребителями в современном рыночном обществе. Когда не потребитель диктует условия рынку (как предполагают классические экономические теории), а производитель заставляет его подчиниться собственным потребностям и задачам.

Степень иррациональности выбора индивидов на рынке экономических и политических услуг пропорциональна уровню развития в обществе инструментов манипуляции. Подлинная социальная миссия рекламы, пиара, маркетинга, брендинга и прочих современных инструментов продвижения товаров, услуг, политиков и партий заключается в том, чтобы отвести индивидов от рационального выбора в пользу такого, который отвечает интересам манипуляторов.

Для того чтобы ограничить влияние манипуляции на потребительский выбор, необходимо, чтобы структуры, которые информируют о товарах и услугах, не зависели от тех, кто заинтересован в продвижении этих товаров на рынке. От рекламистов и маркетологов функции информирования потребителей должны перейти к организациям, которые получали бы социальные преференции не за работу по обеспечению эффективного продвижения товаров на рынке, а за сбор и распространение беспристрастной (адекватной) информации об их потребительских свойствах.

Таковыми независимыми информаторами, действующими в интересах потребителей, могут стать различные общества и компании, профессионально защищающие их права. Потребители, как показывает практика, скорее готовы покупать услуги подобных компаний, чем косвенно финансировать рекламную продукцию производителей, цена которой заложена в предлагаемый товар. Однако для того, чтобы создать юридическую и экономическую базу, позволяющую этим компаниям вытеснить рекламистов, работающих на интересы продавцов, необходимы глубокие реформы общественного устройст-

ва. В результате этих реформ компании, заинтересованные в продвижении товаров (услуг), должны потерять возможность влиять на выбор потребителей; а функции продажи и информирования должны быть юридически разделены, как сегодня разделены исполнительная, законодательная и судебная власти.

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТРАН ЗАПАДА

1. Противоречие между задачей достижения идеальных целей западного общества и архаичностью его социальной организации.
2. Противоречие между свободным и рациональным выбором. Для того чтобы цель наиболее полной реализации интересов индивидов была достигнута, обществу необходимо обеспечить индивидам не просто свободный, но рациональный (свободный от воздействия манипуляции) выбор.
3. Противоречие между направлениями реализации социального и творческого мотивов деятельности индивидов. Современный человек не может одинаково эффективно двигаться в разных, зачастую противоположных, направлениях, решая поставленные перед ним обществом противоречивые задачи. То есть, с одной стороны, достигать социальные цели, делать карьеру, повышать уровень потребления и одновременно с этим, с другой стороны, столь же эффективно решать профессиональные творческие задачи.
4. Противоречие между интересами индивида и интересами общества. Личные социальные интересы индивидов находятся в конфликте друг с другом. Задача общества — удовлетворение интересов всех членов общества в целом.
5. Противоречие между демократией и рынком, то есть между принципами организации политического и экономического устройства общества.

Конечно, полное преодоление этих противоречий невозможно. Речь может идти только об ускорении движения в направлении их решения, то есть о стимулировании процесса рационализации социальной системы.

Раздел 9. ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО

Воплощение в жизнь декларируемых демократических идеалов и их гармонизация с рыночными принципами экономического устройства возможны только через сближение демократических принципов политического устройства и рыночных законов экономики. Сегодня появились новые технологические возможности, делающие решение этой задачи реальным: Новый уровень технологического развития создаст условия для организации социальных инструментов, способных обеспечить индивидам лучшие возможности для рационального выбора, приблизить общество к более рациональным принципам социального устройства.

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВО КАК БЛИЖАЙШАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Научно-техническая революция во второй половине XX века привела к созданию высоких информационных технологий, которые были использованы правящими элитами для манипуляции обществами (наиболее эффективным инструментом манипуляции оказалось телевидение). В результате дальнейшего их совершенствования появилась угроза полного манипулятивного вырождения демократии через монополизацию высокотехнологичных информационных инструментов правящими элитами. Творческий процесс в силу логики своего развития ответил на эту угрозу появлением

Всемирной сети — Интернета, который в принципе по природе демократичен и отвергает любой монополизм. В результате сегодня у общества появились новые технологические возможности для развития демократии, реализации новой, более рациональной модели социального устройства.

Сегодняшний уровень творческого процесса дает реальные возможности для начала перехода к новой (или забытой старой — вспомним полисы времен античности), более адекватной своей социальной задаче форме демократического устройства: прямой демократии, возможность для которой создало развитие и широкое распространение интернет-технологий.

На смену обществу регулируемой информации — телевизионному обществу — идет общество свободного распространения информации — интернет-общество. Развитие интернет-технологий наряду с другими новейшими достижениями творческого процесса дает возможности для формирования принципиально новых социальных инструментов, которые способны вывести общество на новый виток рационализации и тем самым гарантировать адекватный ответ на угрожающие вызовы времени.

Попытаемся очень кратко сформулировать свое видение того, каким может быть это грядущее интернет-общество, как могут быть организованы его политическая, экономическая, социальная системы.

ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО, ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВА

Технологические возможности Интернета создают условия для перехода от современного общества частной собственности и представительной демократии к интернет-обществу прямой демократии и свободного распространения информации (главного капитала нашего времени). Эти возможности

способны обеспечить мирное освобождение общества от манипулятивной власти современной буржуазной элиты и радикальную рационализацию его социальной системы.

Распространение интернет-технологий ведет к реализации принципа свободы информации, лишаящей элиты монополии на контроль над ней. А значит, Интернет в перспективе имеет шанс защитить общество от манипуляции и использования. Сама логика развития Интернета ведет к тому, что любая информация (будь то содержание книг, фильмов, музыкальных клипов, телепрограмм, новостей или газет) должна стать бесплатной и общедоступной. Интернет дает каждому пользователю, даже не обладающему финансовыми и социальными ресурсами, возможность свободно распространять информацию. Любые попытки взять под контроль этот великий информационный поток, складывающийся из миллионов автономных ручейков, обречены на провал. Навязывание старых социально-правовых отношений новой интернет-реальности не приносит, да и не может принести, результат. Де-факто право частной собственности в Интернете повсеместно не соблюдается. Попытки буржуазного общества ограничить доступ пользователей к тем или иным ресурсам и информации (не являющейся, разумеется, частной или государственной тайной) вызывают негативную реакцию интернет-сообщества и фактически саботируются им. Более того, противостояние этим попыткам (например, известное дело Скларова, которого американская фемида пыталась осудить за распространение технологий, дающих свободный доступ к электронным книгам) способствует формированию альтернативной интернет-контрэлиты, которой предстоит совершить грядущую интернет-революцию.

Как мы писали выше, любые революционные преобразования совершаются при условии формирования контрэлиты, способной бросить идеологический вызов старой элите и повести за собой общество. Естественно, что преобразование современного буржуазного мира в интернет-общество также способно осуществиться только при условии появления контрэлиты. Эта контрэлита не может сформироваться в ста-

рых социально-политических и информационных институтах, контролируемых старой буржуазной элитой манипуляторов. Единственная и естественная среда, в которой может и должна появиться современная контрэлита — интернет-сообщество, находящееся вне зоны контроля социальной элиты. Существующие коммуникативные площадки в Интернете (сайты, форумы, живые журналы и т. п.) дают возможности как для популяризации альтернативных идей, так и для появления новых популярных лидеров, противостоящих существующей социальной системе. В этой среде должна зародиться контрэлита, способная мобилизовать интернет-сообщество на противостояние системе, заставить элиту пойти на реформы, обеспечить переход к более рациональному интернет-обществу.

Интернет-сообщество сможет влиять на политический процесс как через формальные политические институты, так и с помощью внесистемных протестных акций, мобилизация участников, которых проходит через Интернет и другие новые информационные технологии (флеш-моб и т. д.). Возможно также развитие в интернет-сообществе альтернативного виртуального права, органов власти и политических структур. Сегодня они существуют в рамках локальных крипто-анархических сообществ и кибер-государств [1]. В будущем эти структуры могут широко распространиться в Сети и начать постепенное вытеснение «обычных» политических институтов. (О развитии альтернативных сетевых общественных движений и структур в Интернете см. также [2].)

Сегодня развитие информационных технологий организует их пользователей в «умную толпу», формирующуюся с помощью Интернета, мобильной связи и т. п. [3]. С помощью информационных технологий люди, составляющие так называемую «умную толпу» (зачастую разъединенные территориально и социально), объединяются вокруг решения тех или иных конкретных задач (будь то отставка политика-коррупционера, протест против роста цен, войны, несправедливого законодательства; развитие альтернативной энергетики, поиск внеземного разума или защита редких видов животных).

Действия «умной толпы» могут выливаться в массовые протестные акции, совместную созидательную работу над решением интеллектуальных, политических или социальных задач или создание постоянных сетевых структур и сообществ.

«Умные толпы» уже получили практический опыт успешного достижения социальных целей, будь то свержение президента Филиппин Джозефа Эстрады, когда решающая демонстрация была организована с помощью рассылки СМС на сотовые телефоны, протест против встречи ВТО в Сиэтле, организованный объединенными сетевым обменом демонстрантами, или организация с помощью Интернета массовых выступлений тысяч британских граждан против роста цен на бензин в 2000 году.

Развитие «умных толп», очевидно, приведет к формированию внутренней социальной структуры и элиты — инициаторов, организаторов, креативщиков действий «умной толпы». Интересы «умной толпы» как более современной и рациональной формы самоорганизации индивидов неизбежно войдут в противоречие с властью старых элит, ориентированных на сохранение иррационального статус-кво. Сформировавшись, контрэлита сможет мобилизовать «умную толпу», дать бой и победить старую элиту — собственников.

Власть современной манипулятивной правящей элиты в условиях существования формальных демократических институтов основывается на контроле над информационным полем. Только с помощью этого контроля элита может принуждать граждан делать иррациональный выбор в пользу демократической легитимации ее господства. В ситуации, когда в результате всеобщего распространения сети Интернета возможность контроля над информационными потоками будет элитой манипуляторов утеряна, никто не сможет помешать членам общества совершить рациональный выбор в пользу ее отстранения от власти и рациональных социальных реформ. Таким образом, потеряв контроль над информацией, элита манипуляторов потеряет и власть, открыв путь для формирования нового, более рационального интернет-общества.

рых социально-политических и информационных институтах, контролируемых старой буржуазной элитой манипуляторов. Единственная и естественная среда, в которой может и должна появиться современная контрэлита — интернет-сообщество, находящееся вне зоны контроля социальной элиты. Существующие коммуникативные площадки в Интернете (сайты, форумы, живые журналы и т. п.) дают возможности как для популяризации альтернативных идей, так и для появления новых популярных лидеров, противостоящих существующей социальной системе. В этой среде должна зародиться контрэлита, способная мобилизовать интернет-сообщество на противостояние системе, заставить элиту пойти на реформы, обеспечить переход к более рациональному интернет-обществу.

Интернет-сообщество сможет влиять на политический процесс как через формальные политические институты, так и с помощью внесистемных протестных акций, мобилизация участников, которых проходит через Интернет и другие новые информационные технологии (флеш-моб и т. д.). Возможно также развитие в интернет-сообществе альтернативного виртуального права, органов власти и политических структур. Сегодня они существуют в рамках локальных крипто-анархических сообществ и кибер-государств [1]. В будущем эти структуры могут широко распространиться в Сети и начать постепенное вытеснение «обычных» политических институтов. (О развитии альтернативных сетевых общественных движений и структур в Интернете см. также [2].)

Сегодня развитие информационных технологий организует их пользователей в «умную толпу», формирующуюся с помощью Интернета, мобильной связи и т. п. [3]. С помощью информационных технологий люди, составляющие так называемую «умную толпу» (зачастую разьединенные территориально и социально), объединяются вокруг решения тех или иных конкретных задач (будь то отставка политика-коррупционера, протест против роста цен, войны, несправедливого законодательства; развитие альтернативной энергетики, поиск внеземного разума или защита редких видов животных).

Действия «умной толпы» могут выливаться в массовые протестные акции, совместную созидательную работу над решением интеллектуальных, политических или социальных задач или создание постоянных сетевых структур и сообществ.

«Умные толпы» уже получили практический опыт успешного достижения социальных целей, будь то свержение президента Филиппин Джозефа Эстрады, когда решающая демонстрация была организована с помощью рассылки СМС на сотовые телефоны, протест против встречи ВТО в Сиэтле, организованный объединенными сетевым обменом демонстрантами, или организация с помощью Интернета массовых выступлений тысяч британских граждан против роста цен на бензин в 2000 году.

Развитие «умных толп», очевидно, приведет к формированию внутренней социальной структуры и элиты — инициаторов, организаторов, креативщиков действий «умной толпы». Интересы «умной толпы» как более современной и рациональной формы самоорганизации индивидов неизбежно войдут в противоречие с властью старых элит, ориентированных на сохранение иррационального статус-кво. Сформировавшись, контрэлита сможет мобилизовать «умную толпу», дать бой и победить старую элиту — собственников.

Власть современной манипулятивной правящей элиты в условиях существования формальных демократических институтов основывается на контроле над информационным полем. Только с помощью этого контроля элита может принуждать граждан делать иррациональный выбор в пользу демократической легитимации ее господства. В ситуации, когда в результате всеобщего распространения сети Интернета возможность контроля над информационными потоками будет элитой манипуляторов утеряна, никто не сможет помешать членам общества совершить рациональный выбор в пользу ее отстранения от власти и рациональных социальных реформ. Таким образом, потеряв контроль над информацией, элита манипуляторов потеряет и власть, открыв путь для формирования нового, более рационального интернет-общества.

Возможность отстранения современной элиты манипуляторов от власти и проведения рациональных реформ становится реальной благодаря неизбежному сокращению значения телевидения как главного современного инструмента манипуляции. Эпоха теледиктата заканчивается. Будущее телевидения — уход в Интернет. В достаточно близком будущем каждый пользователь благодаря имеющемуся неограниченному доступу к любой информации в Интернете сможет создать собственный, в большей или меньшей степени совершенный, аналог телестанции. Сегодня это кажется невероятным. Однако еще вчера трудно было представить ситуацию, при которой создать свою газету сможет практически каждый. А сейчас любой пользователь Интернета может организовать свой блог, то есть по сути интернет-газету. Некоторые блоги посещаются большим количеством читателей, чем солидные печатные издания.

Для создания собственного «телевидения» в случае свободного распространения информации в Интернете, пользователю будут не нужны большие финансовые ресурсы. Когда телекомпании будут транслировать передачи в Интернете, а пользователи смогут бесплатно скачивать любые программы, фильмы и информацию, станет возможным бесконечное число авторизированных видео- и аудиокompиляций, которые составят содержание множества интернет-сайтов — программ любительских «телестанций». В этой ситуации неизбежно уменьшится значение коммерческой и политической рекламы как инструмента манипуляции, основанного на монополизации доступа к каналам распространения информации. Если количество в равной степени эффективных информационных носителей огромно, никто из них не может получить эксклюзивные возможности влиять на сознание общества.

После первоначального подрыва мощи этих инструментов манипуляции рациональное общество сможет их окончательно уничтожить. Могу предположить, что политическая и коммерческая реклама в обществе будущего будет уголовно наказуемым деянием, как сегодня им стало распространение спама (в принципе это идентичные по социальной сути явления, со спамом даже

проще бороться, чем, например, защитить себя от контакта с рекламой при просмотре телепрограмм). Функции информирования о товарах и услугах, как мы уже писали, возьмут на себя независимые от продавцов и производителей компании, защищающие права потребителей.

Конечно, Интернет тоже может использоваться для манипуляции. Но в силу его технологической специфики, открытости и простоты распространения информации, которое не требует обязательных первоначальных капиталовложений, монополизировать его возможности нереально (в отличие от возможностей, например, телевидения). Поэтому манипуляция в Интернете всегда будет носить бытовой или криминальный характер, а не системный. Таким образом, есть все основания говорить, что Интернет не станет инструментом системной манипуляции в руках правящей элиты.

Свободный доступ к главному товару современного общества — информации ведет к рационализации социально-экономической системы в направлении обеспечения возможности рационального выбора и более эквивалентного социального обмена для каждого индивида при совершении любых социальных действий.

Свободный доступ и распоряжение информацией — ключ к формированию более рациональной социальной системы, поля и иерархии, которая в большей степени соответствовала бы идеальным целям общества.

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВО И ТЕОРИЯ «СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА»

Говоря о современном информационном обществе и формирующемся интернет-обществе, нельзя не упомянуть теорию сетевого общества, происхождение которой связано с именем М. Кастельса, являющегося в последние годы одной из самых популярных макротеоретических конструкций [4]. В центре данной теории находится положение о деловых сетях, определяющих жизнь и развитие современного общества.

Сторонники теории сетевого общества считают, что не индивиды, а деловые, финансовые, информационные сети, созданные благодаря новым информационным технологиям в виртуальном

пространстве, фактически вершат судьбу современного мира. Эти сети, связывающие контрагентов, которыми могут быть как индивиды, так и организации, являются основной структурной единицей хозяйственной организации нового общества. Они структурируют экономику и другие сферы социальной жизни. Согласно теории сетевого общества, время власти старых элит и борьбы классов прошло, и не социальные объединения индивидов, а надындивидуальные сети господствуют в обществе.

Нельзя не согласиться с Кастельсом в том, что экономические (деловые) сети имеют большое значение в жизни современного общества. Однако при этом нельзя согласиться с той интерпретацией его теории, по которой эти сети представляют собой беспрецедентное в мировой истории явление и играют некую самостоятельную роль в обществе, вне контекста воли составляющих их индивидов.

Придерживаясь принципа методологического индивидуализма, мы можем утверждать, что сети в информационном обществе являются не самостоятельным надындивидуальным субъектом, а всего лишь одним из инструментов социального обмена между индивидами. В результате этого обмена задействованные в информационных экономических сетях индивиды конвертируют свои интеллектуальные и социальные ресурсы в первичные ценности. При этом в рамках Сети может производиться и эквивалентный, и неэквивалентный обмен, происходит манипуляция и использование. Таким образом, сети являются всего лишь современной формой осуществления многоступенчатого социального обмена между индивидами, в той или иной степени в них задействованными. Появление и развитие деловых сетей не отменяет и не видоизменяет социальных законов, существующих в обществе. Формирование деловых сетей не может быть признано основной характеристикой нового информационного общества, придающей ему качественное отличие от предыдущих социальных систем. Сети — форма социальных коммуникаций, а не инструмент, создающий принципиально новую форму общественной организации. Таким инструментом могут стать только новые информационные технологии в целом (прежде всего Интернет), а не их частное проявление, которым являются деловые сети.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Выдающийся американский политолог Р. Даль в работе «Демократия и ее критики» (1989) в поисках путей защиты от сползания демократии к «фактическому квазипопечительству» общества со стороны элиты (в терминологии Р. Даля «полисиэлиты») задается вопросом: «Разве не могут полисиэлиты прибегнуть к технологии интерактивных коммуникаций для манипулирования населением в собственных целях?» [5]. Как вариант защиты от подобного развития событий на основе все тех же интерактивных технологий (напомним, Интернет в то время находился в зачаточном состоянии) Р. Даль предлагает некую политическую фантазию: «Представьте себе, что развитая страна создала бы мини-народ из, предположим, 1000 граждан, выбранных из всего населения». Далее, по Далю, «каждой существенной проблеме дня соответствовал бы один предназначенный для этого мини-народ». Мини-народы, пользуясь услугами экспертов и обмениваясь мнениями, сформулируют суждения, «представляющие мнение демоса... которые тот выработал бы, обладая всей доступной информацией, позволяющей решать, какая политическая стратегия обеспечит ему достижение нужных целей».

Мы сознательно столь подробно остановились на теоретических построениях Р. Даля, в частности и для того, чтобы подчеркнуть, насколько далеко ушло развитие творческого процесса за 17 лет, прошедших с момента опубликования его книги. Сегодня предложения Даля кажутся сложными и недостаточно радикальными. Уже сейчас благодаря тотальному распространению Интернета в развитых странах возникла реальная возможность перехода от представительной демократии к прямой.

В условиях свободного доступа в Интернет всех членов общества роль парламента, органов законодательной власти смогут выполнять все заинтересованные граждане. Они смо-

гут получить возможность обсуждать, голосовать и принимать законы, оперативно реагировать на появление той или иной проблемы, используя специализированные интернет-ресурсы в режиме реального времени, то есть выступать в роли депутатов современных парламентов. За порядком и организацией работы смогут следить модераторы, избираемые участниками парламента — пользователями данного ресурса.

Опасение того, что результаты подобных голосований могут быть сфальсифицированы заинтересованными хакерами, не кажется достаточно серьезным. Во-первых, угроза фальсификаций существует и при традиционных моделях голосования. Использование электроники, наоборот, снижает риск этих фальсификаций. Во-вторых, несмотря на то, что хакеры пытаются угрожать всем социальным институтам современного общества, эти институты все активнее уходят в Интернет. А мотивация нарушать ход голосования у хакеров будет заведомо ниже, чем, например, взламывать банковские счета. На каждое ухищрение хакеров развитие информационных технологий отвечает новыми уровнями защиты. Кроме того, голосования могут быть поименными, принцип тайного голосования устарел — в развитых странах уже никто не боится наказания за «неправильную» подачу голоса. В этом случае при организации голосований может быть использован инструмент электронного удостоверения личности и электронной подписи, который позволит лучше контролировать корректность подведения их итогов.

Угроза того, что желающих поучаствовать в процессе принятия решений будет слишком много для организации практической работы, также не представляется реальной даже для больших стран. Сегодня интерес избирателей к политике подогревается мифотворчеством и манипуляцией СМИ. Большинство жителей планеты аполитичны и сконцентрированы на своей частной и профессиональной жизни. Зависимость условий жизни рядовых граждан от того, какая партия в данный момент находится в их стране у власти, крайне мала. Политики тратят огромные средства на рекламу и агитацию, вовлекая избирателей в политический процесс, заставляя их

потратить некоторое количество своего времени, чтобы добраться до участка и проголосовать.

В интернет-обществе парламент будет клубом любителей политики, принять участие в котором смогут все. Но в реальности его численность вряд ли может быть больше, чем численность интернет-клубов любителей пива или коллекционеров марок (и, конечно, меньше, чем футбольных болельщиков или фанатов поп-звезд).

В представительной демократии уровень влияния на политическую жизнь определяется прежде всего обладанием социальными и финансовыми ресурсами. В прямой интернет-демократии возможность участия в принятии политических решений будет определяться только степенью личной заинтересованности и компетентности индивида, которая определит частоту и качество посещений им соответствующего сайта виртуального парламента. Естественно, меньшинство политически озабоченных граждан, являющихся постоянными посетителями этого интернет-парламента, будет находиться под латентным контролем пассивного большинства, члены которого смогут при необходимости воспользоваться своим правом потенциальных интернет-депутатов.

Поклонники теории Р. Даля скажут: значит, и в интернет-обществе политическая жизнь окажется уделом так называемой внимательной публики, то есть информированного и политически активного меньшинства населения. А как же мнение большинства народа, демоса? Попробуем дать ответ на этот вопрос. Для того чтобы в условиях свободного выбора, при отсутствии социальной стимуляции индивид тратил свои жизненные ресурсы на получение информации и участие в деятельности интернет-парламента, он должен быть мотивирован к этой деятельности творческим инстинктом. В интернет-обществе все индивиды, имеющие творческие способности к решению политических проблем, объективную (социально бескорыстную) потребность влиять на принятие политических решений, смогут это сделать. Только эти индивиды способны совершать рациональный выбор при принятии тех или иных политических решений.

Что касается политически пассивного большинства, не имеющего потребности в творческой самореализации в политической сфере, его участие в политике может быть обусловлено только манипулятивным принуждением или получением социальных преференций. И в том, и в другом случае члены этого большинства не смогут сделать по-настоящему рациональный выбор, согласующий их собственные социальные интересы и задачи общества.

У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: не будут ли активные члены интернет-парламента злоупотреблять своими возможностями для получения социальных преференций? Механизм контроля над тем, чтобы этого не произошло, прост. В условиях свободного распространения информации и возможностей всех индивидов воспользоваться правом виртуальных депутатов в распоряжении потенциальных манипуляторов не будет инструментов манипуляции обществом. Таким образом, они не смогут реализовывать свои социальные задачи за счет других членов общества. Любые подобные попытки затронут интересы политически инертных членов общества и заставят их вмешаться в ситуацию и защитить себя от использования с помощью механизмов прямой интернет-демократии.

Исполнительная власть

Интернет-демократия не нуждается в посредниках между избирателями и властью. В ней нет места для политических партий, призванных манипулятивными методами мобилизовать активность избирателей для решения социальных задач своих руководителей.

Политические партии, как известно, создавались с целью реализации тех или иных идеологических программ. Сегодня на Западе идеологические отличия между ведущими партиями близки к нулю. Дискуссии между ними по преимуществу сводятся к вопросам решения мелких тактических задач. Сами названия партий — демократическая или консерватив-

ная, социал-демократическая или либеральная — стали, по сути, обманом избирателей. Интернет-общество конституирует фактически свершившийся процесс деидеологизации политической конкуренции.

Борьбу политических партий в интернет-обществе сможет заменить конкуренция услуг сообществ профессиональных управленцев, подобных тем, что сегодня предлагают свои услуги в бизнесе.

Исполнительная власть в этом воображаемом интернет-обществе будущего будет осуществляться сообществами деидеологизированных менеджеров. Интернет-парламент периодически на альтернативной конкурсной основе (членом конкурсной комиссии сможет стать каждый избиратель) будет заключать контракт с одним из таких сообществ. Контракт, в котором будут предусматриваться определенная программа действий, ее предполагаемый результат и соответствующая оплата работы, может быть в любой момент расторгнут в случае, если члены интернет-парламента набросают данной группе профессиональных управленцев достаточное количество черных шаров (проголосуют за досрочное расторжение контракта).

Тем самым произойдет десакрализация политического управления и превращение выборов исполнительной власти из манипулятивного шоу в покупку и оплату потребителем необходимой заурядной услуги. Занятие политическим управлением в органах исполнительной власти, таким образом, станет рутинной профессиональной деятельностью.

Нарисованная картина уже сегодня не представляется фантастической. Многие страны Западной Европы, США, Япония, Южная Корея достигли практически стопроцентной интерне-тизации. В странах, принадлежащих к западной цивилизации, Интернет проникает во все сферы общественной жизни и социальные институты — образование, здравоохранение, безопасность, органы муниципальной власти. В США проведены первые эксперименты по голосованию через Интернет. В странах Европейского союза уже несколько лет осуществляется проект «e-democratia», предусматривающий обсуждение

текущей политической ситуации в виртуальном интернет-парламенте (пока, правда, безвластном). В Эстонии недавно было официально разрешено голосование через Интернет на парламентских выборах (с использованием для регистрации голосующих их электронных удостоверений личности). Первые эксперименты по широкому использованию Интернета в социальных институтах проходят даже в Казахстане.

Переход к прямой интернет-демократии неизбежен как следствие развития творческого процесса, подготовившего новый виток рационализации социальной системы. Конечно, этот переход встретит ожесточенное сопротивление правящих элит в странах Запада. Но, по нашему мнению, задача спасения западного общества от глобальных угроз через дальнейшую рационализацию с неизбежностью приведет к этому единственному технически возможному на сегодняшний день решению. По нашей оценке, первыми странами интернет-демократии могут стать небольшие по численности высокоразвитые демократические страны, такие как Исландия, Норвегия, отдельные кантоны Швейцарии. Затем интернет-демократия распространится на другие страны Запада и Дальнего Востока, а потом, в очень отдаленной перспективе, и на весь мир.

Интернет-общество не только утвердится в политической сфере, но постепенно оно преобразит и экономическую жизнь общества.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВА

В рамках интернет-общества станет реальностью реализация давнего пророчества знаменитого футуролога Олвина Тоффлера о том, что «массовое стандартизированное производство заменяется новой системой индивидуализированного труда, в основе которого лежит не ручной, а умственный труд, базирующийся на информатике и супертехнологии» [6].

На смену экономике господства крупных корпораций в интернет-обществе придет повсеместное распространение индивидуальной и групповой творческой трудовой деятельности и рациональный обмен ее результатами через Интернет. Такой вариант социальных взаимоотношений способен обеспечить наибольшую возможность для рационального, эквивалентного социального обмена. Чем проще структура обмена, чем яснее и прозрачнее отношения между производителями, чем меньше цепочка от производителей к конечному потребителю — тем проще оценить степень эквивалентности результатов социального обмена для всех его участников. В свою очередь, чем сложнее и крупнее социальная организация, тем она более закрыта для объективного анализа, тем больше она дает возможностей для манипуляции. Наиболее яркий пример такого положения дел — манипулятивные монстры — современные крупные корпорации.

В этой связи представляется реализуемым в рамках интернет-общества и другое пророчество Тоффлера — о переходе от бюрократической формы организации к адхократической, при которой социальные и производственные структуры создаются временно, для решения конкретных задач, а каждый их участник может свободно взаимодействовать с другими как по вертикали, так и по горизонтали. На этой основе для решения научных, технических, экономических задач могут создаваться временные ассоциации свободных интернет-творцов. Этим ассоциациям в интернет-обществе предстоит вытеснить сложные и авторитарные структуры крупных корпораций.

Такую ситуацию уже подготовило сокращение в развитых странах крупных промышленных производств, которые требуют жесткой бюрократической формы управления. Интеллектуальный сектор экономики стремительно прогрессирует сегодня не только в странах Запада, но и в Китае, Индии, странах АСЕАН. Однако освобождение общества от диктата крупных корпораций, которые контролируют не только традиционные отрасли экономики, но и передовые информационные технологии, станет возможным только в результате

глубоких транснациональных политических реформ (подобных принятию антитрестовского законодательства в США при Теодоре Рузвельте, только в глобальных масштабах мирового сообщества).

Большое значение имеет и будущая возможность освобождения труда индивидов от диктата частной собственности и работодателей. Власть работодателей над работниками основывается на институте частной собственности на средства производства. Сегодня, когда основным средством производства становится общедоступный компьютер, эта власть должна неизбежно исчезнуть. Свободный работник получает независимость от организации работодателем условий для его работы (где мой компьютер — там мое рабочее место). Кроме того, он получает возможность без посредничества работодателей индивидуально или в рамках адхократических сообществ организовывать распределение труда, производственный процесс и продажу его результатов через Интернет.

Основной площадкой для экономической деятельности индивида в интернет-обществе должен стать собственный сайт. Своеобразное виртуальное «торгово-производственное» представительство будут иметь подавляющее большинство индивидов. С помощью этой площадки смогут продвигаться результаты их творческой деятельности, заключаться трудовые и партнерские соглашения и т. д.

Возможности подобных ресурсов позволят преодолеть противоречие между необходимостью оплаты творческих усилий индивидов и принципом свободного доступа к информации в Интернете. Скорее всего, будет установлено универсальное правило пользования информацией, по которому:

- 1) принцип свободного бесплатного доступа к информации будет признан универсальным;
- 2) скачать информацию, книги, фильмы, музыку, научные и технические разработки, результаты исследований и т. п. можно будет только с ресурса (ресурсов), принадлежащего их автору (авторам).

Посетители сайтов, бесплатно пользующиеся этими творческими достижениями, объективно заинтересованные в

стимулировании успешной творческой деятельности, будут рационально мотивированы это правило соблюдать.

Таким образом, чем более востребованы будут творческие достижения индивидов, тем выше станет посещаемость их сайтов, имеющих эксклюзивную возможность эти достижения распространять. В этом случае бесплатное предоставление результатов творческой деятельности сможет быть конвертировано в социальные возможности, которые даст популярность собственного ресурса. А эту популярность хозяева сайта смогут через рыночные механизмы легко переводить в материальные предпочтения (продавать место на сайте для чужой информации и т. п.).

Собственный компьютер в интернет-обществе станет основным средством производства, а личный сайт — средством реализации производимой интеллектуальной продукции. Естественно, в такой экономике не будет места частной собственности как средству получения социальных дивидендов, не связанных с профессиональной деятельностью (как институту манипуляции).

В этой ситуации возможно, что место современных денег, как главного инструмента социального обмена, займут виртуальные расчетные средства, обеспеченные активными ссылками на интернет-ресурсы, вернее, возможностью разметить эти ссылки (или баннеры) на том или ином персональном сайте. Такие ссылки могут стать всеобщим материальным эквивалентом, котироваться, конвертироваться друг в друга. Возможность поставить на том или ином сайте интерактивную ссылку (или баннер) на другой сайт будет оцениваться в позициях потребления и обмениваться на них.

Цена всех других товаров и услуг может исчисляться в стоимости установки активной ссылки на сайте с определенной посещаемостью. Например, условно, вместо денежной единицы один доллар — право на размещение ссылки на сайте с посещением 100 человек в день, вместо 100 долларов соответственно — на сайте, где бывают 10 000 человек в день и т.д. При этом сами владельцы сайтов смогут стать своеобразными «эмитентами» этих «денег». А изменения в их «плате-

Рискну предположить, что если сегодня уровень социального статуса индивида зачастую воспринимается окружающими через размер его дохода и собственности, то в будущем самым простым свидетельством высокого социального статуса индивида станет количество ссылок на его деятельность в Интернете, как сейчас это принято в научной среде.

ДИХОТОМИЯ ВЛАСТЬ–СВОБОДА В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВЕ

Власть в интернет-обществе останется неизбежным компонентом профессиональной деятельности в тех сферах, где необходимо управление коллективными процессами (например, в медицине, макроэкономике, материальном производстве). Вместе с тем профиль иерархии власть–свобода снизится, из него будут исключены высокие позиции власти и, соответственно, низкие позиции свободы. Власть перестанет быть важным источником других факторов социального статуса — престижа и потребления.

Понижение позиций и значения власти возможно только в условиях ослабления влияния мотивации к власти (воли к власти по Ницше) на уровне индивидов. Инстинкт власти не может исчезнуть, но он потеряет свое значение по отношению к другим внутренним мотивациям под влиянием увеличения количества и появления новых доступных материальных и культурных благ. Индивид сублимирует свою потребность в подчинении себе подобных через проникновение в виртуальную реальность, общение в Интернете, активный экстремальный отдых, спорт, путешествия, свободный секс и т. д.

Итак, повышение уровня материального и интеллектуально-эстетического потребления обеспечит снижение у индивидов потребностей во власти, что, в свою очередь, приведет к более равномерному распределению позиций власти и сво-

боды. Последнее обстоятельство облегчит высвобождение творческого потенциала общества, а это, в свою очередь, приведет к повышению качества жизни. По этой спирали общество будет идти в направлении уровня неравенства позиций власти и свободы, обеспечивающего наиболее полную реализацию его творческого потенциала. Как любое движение к идеалу, данный процесс не ограничен во времени.

ГЛАВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВА

Так как интернет-общество — более рациональная форма, чем предшествующие виды социальной организации, оно должно с большей степенью адекватности отражать подлинные имманентные мотивы индивидов. Исходя из этого, приоритетными в интернет-обществе должны стать сферы человеческой жизнедеятельности, связанные с сохранением главных первичных ценностей — жизни и здоровья индивидов. Например, очевидно вытеснение автомобильного транспорта в его нынешнем виде с позиций основного транспортного средства. Как известно, число жертв автомобильных аварий в развитых странах держит первое место среди всех видов смертей от неестественных причин.

Безусловен приоритет сфер здравоохранения, экологии, безопасности при распределении первичных ценностей в обществе, а также обеспечении равного доступа индивидов к их услугам. При этом проблема обеспечения равного доступа всех индивидов к новейшим достижениям медицины — серьезная социальная проблема интернет-общества. Ее разрешение возможно лишь с помощью очень четкой оценки степени необходимости данных средств для поддержания жизни и здоровья тех или иных страждущих граждан исходя из их объективных медицинских показателей, а не социального положения или ресурсов.

Следующая по значимости отрасль — образование. Высокий уровень и обеспечение равных возможностей в образовании новых поколений — необходимое условие для реализации творческого потенциала общества, удовлетворения творческого инстинкта и других внутренних мотивов его членов. Одна из первых задач интернет-общества — реформа образования, призванная обеспечить раннее выявление и развитие творческих способностей к тем или иным видам профессиональной деятельности, позволяющее гарантировать более рациональную профессиональную ориентацию индивидов и соответствующую организацию социального поля.

Обеспечение приоритета при распределении первичных ценностей в пользу этих отраслей и равного доступа к ним — важнейшая функция общественных институтов нового общества.

ГЛАВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВЕ

Главной социальной проблемой будущего общества может стать прием различных психостимуляторов (алкоголь, никотин, наркотики). В поисках рационального согласования удовольствия, получаемого от приема стимуляторов, и их негативного воздействия на здоровье и социальную успешность индивидов западное общество в XX веке металось из крайности в крайность. От разрешения потребления практически всех стимуляторов в начале XX века до наступления на алкоголь в его первой трети («сухие законы» в России, США, странах Скандинавии), от жесточайшего наступления на наркотики в 80—90-е годы к началу фактической легализации легких наркотиков во многих европейских странах в начале XXI века, от полной толерантности в отношении табакокурения до беспрецедентного наступления на него в последние годы.

Рациональное общество не может запрещать индивидам свободный выбор, касающийся только их личной судьбы. Поэтому в интернет-обществе будут исключены методы насильственной борьбы с употреблением стимуляторов. В этой ситуации единственной реальной альтернативой систематическому употреб-

лению стимуляторов станет адекватная творческая и социальная реализация. Таким будет выбор активного большинства рационального общества. Пассивное меньшинство, мотивированное прежде всего мощным сберегающим инстинктом, будет ограничивать употребление стимуляторов только опасением возможного ущерба от их применения для здоровья. Учитывая небольшие риски применения легких наркотиков и слабого алкоголя, это занятие может стать основным для индивидов, принадлежащих к пассивному меньшинству, слабо социально и творчески ориентированному. Таким образом, представители пассивного меньшинства станут праздными прожигателями жизни, потребителями стимуляторов и ограниченного, но достаточного для достойной жизни уровня первичных ценностей. Недоступными для них останутся полноценная творческая самореализация и, как следствие, высокие позиции социального статуса.

Если обратиться к образам, распространенным в конце XX века, то индивиды в интернет-обществе разделятся на две группы: творчески активные созидатели — яппи (большинство) и пассивные созерцатели — хиппи (меньшинство) с соответствующей системой ценностей и нормами поведения. При этом, конечно, может существовать множество промежуточных и пограничных вариантов поведения.

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕСТВО И НОВЫЙ ВИТОК ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Формирование интернет-общества ведет к существенному ускорению развития творческого процесса. Возможность получать и обмениваться информацией с появлением и развитием Интернета выросла на много порядков. В результате резко интенсифицировалось интеллектуальное взаимодействие между людьми, находящимися порой в совершенно раз-

ных точках земного шара; появились более благоприятные условия для творческой деятельности, развития науки и технологий.

Следует ожидать, что в ближайшее время количество информации и коммуникаций перейдет в новое качество, накопится критическая масса новых научных открытий. Тогда произойдет технологический прорыв, подобный тому, который случился в конце XIX — начале XX веков, когда в течение нескольких десятилетий человечество получило ряд технических достижений, полностью изменивших его жизнь.

Формирующееся интернет-общество должно в ближайшие десятилетия решить наиболее серьезные проблемы современной цивилизации:

1. Переориентировать мировую экономику на возобновляемые источники энергии (новые или уже существующие).

2. Содействовать рационализации общественного сознания стран третьего мира (прежде всего исламских) путем культурно-идеологической интернет-экспансии.

3. Существенно увеличить продолжительность и качество жизни населения с помощью новейших достижений генетики и геномной инженерии.

Хочу отметить, что все эти задачи реализуемы уже на нынешнем уровне развития творческого процесса. Уже сегодняшние технологии позволяют создать огромные леса ветровых электростанций в океанах, поля солнечных батарей в пустынях, которые были бы способны заменить нефть и газ в производстве электроэнергии. Тем самым человечество не только спасло бы себя от экологической катастрофы, но и избавилось бы от зависимости от реакционных режимов, являющихся держателями контрольного пакета запасов традиционных энергоносителей.

Уже сегодня сделаны базовые открытия в сфере генетики, которые могли бы при их широком внедрении в массовую медицинскую практику избавить человечество от многих болезней.

В современном мире достижения Интернета обеспечили возможность успешного продвижения рациональной идеоло-

гии в страны, принадлежащие к иррациональному, в т. ч. исламскому, миру.

Однако все эти процессы если и идут, то крайне медленно. Задачи, стоящие перед человечеством, в значительной степени решаемы, но не решаются. Почему?

Во-первых, этот процесс требует радикального перераспределения ресурсов от энергоемкого производства и манипулятивного продвижения к развитию медицины, науки, новых ресурсосберегающих, экологически безопасных технологий. А это невыгодно правящим элитам манипуляторов-собственников, их корпорациям, банкам, которые сегодня эти ресурсы контролируют. Они заинтересованы, чтобы в обществе ничего принципиально не менялось: в зависимой от нефти и газа экономике, в токсичных производствах, в убивающем транспорте, в грабительской фарминдустрии, в манипулятивном навязывании потребителям бесполезных товаров и услуг. Ведь все это именно им принадлежит и приносит доход.

Во-вторых, многие открытия (клонирование и т. п.) нарушают иррациональные религиозно-идеологические табу, господствующие до сих пор даже во многих передовых странах.

Только радикальная реформа социально-экономической системы в странах Запада сможет обеспечить преодоление сопротивления старой правящей элиты и позволить человечеству справиться с глобальными проблемами. А дальше, благодаря более рациональному формированию социальной иерархии в интернет-обществе, мобилизующему его творческий потенциал, произойдет еще один научно-технический прорыв, к новым, даже не представимым сегодня высотам.

РАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ИРРАЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ

Может ли человек выстроить рациональную модель поведения в современном мире, во многом иррациональном и противоречивом? Конечно, абсолютно рациональное поведение — недостижимый идеал. Однако даже локальное приближение к нему способно сделать социальную жизнь более комфортной.

Основная цель рационального поведения — достижение наиболее полной и сбалансированной реализации в ходе социальной жизни всех мотивов социальной деятельности. Что может сделать в этом направлении индивид — в рамках тех возможностей, которые предоставляет ему социум?

Жизнь устроена так, что большинство людей не занимают оптимальных для себя позиций на социальном поле. Занимаются не тем родом деятельности и (или) не так, чтобы обеспечить себе максимальную социальную комфортность. То есть выполняют не те функции, которые могут принести им оптимальное сочетание реализации внутренних мотивов. Например, имея выдающиеся способности в одной области, работают в другой. Или реализуют те способности, которые не могут дать им статус, адекватный силе их социального инстинкта. Или пытаются реализовать те способности, которые в силу своей слабости не могут быть конкурентоспособны в соответствующей профессиональной сфере. Или отказываются от творческой самореализации ради манипулятивной деятельности, которая приносит им социальные преференции, но не счастье.

Большинство людей всю жизнь страдают от социальной депривации или творческой нереализованности, вместо того чтобы успешно добиваться социальных и творческих успехов, только потому, что не оценили свои способности и возможности их приложения в профессиональной деятельности.

Может ли человек «изменить свою участь»? Единственный способ решения этой задачи — развитие собственной социальной рациональности. Ключ к рациональности — знание. Чем полнее информация, тем больше возможности для формирования рационального поведения.

Первое действие на пути к рациональному социальному поведению — процесс самопознания, определения своего места в окружающей социальной реальности. Индивиду необходимо осмыслить свои рациональные цели и средства их достижения в обстоятельствах, предложенных социумом, максимально адекватно оценить масштаб своего социального, функционального и динамического потенциала в условиях данного общества и те перспективы, которые дает для их реализации та или иная профессиональная деятельность.

Рациональный выбор профессиональной страты может быть осуществлен исходя из принципа оптимального согласования уровня творческих способностей индивида и высоты социальной траектории, которую обеспечат в той или иной страте потенциалы его статуса. Оптимальная профессиональная страта для индивида — та, которая в существующей социальной структуре даст ему наиболее высокий статус при осуществлении профессиональной деятельности исходя из творческой (идеальной) мотивации. Такой выбор даст индивиду возможность для гармонизации социальных и творческих мотивов деятельности и соответственно наиболее высокий уровень социального комфорта.

Важнейшее условие для обеспечения рационального социального поведения — выработка умения распознавать социальную манипуляцию и защищаться от нее. Главное средство против манипуляции — развитие интеллекта, творческих способностей. Человек, даже не имеющий конкретной прикладной цели, но постоянно усваивающий новую информацию, которая может относиться к различным областям знаний, лучше защищен от манипуляции. Такого индивида труднее заманить в секту, финансовую пирамиду, мобилизовать на поддержку манипулятивной партии, заставить покупать бесполезные товары и т. д., то есть принимать навязанные манипуляторами фиктивные ценности.

Рациональное социальное поведение предполагает не только защиту, но и активный отказ от манипуляции. Отказ от манипулятивной деятельности в пользу творческой — необходимое условие для полноценной творческой самореализации. Любая, даже незначительная примесь манипуляции, как злобредный вирус, способна лишить индивида полноценного удовлетворения от честного успеха при реализации своего творческого потенциала.

Рациональное поведение основано на понимании объективной ценности различных жизненных ресурсов. Рациональный выбор модели социальной деятельности основан на приоритете при достижении социальных целей сбережения жизни, здоровья, психологического комфорта, реализации творческого инстинкта.

Автор предельно кратко остановился на теме рационального поведения. Только обозначил тему, не пытаясь ее детально раскрыть. Рациональное социальное поведение и то, как его реализовать в современном обществе, — предмет отдельного серьезного исследования. Этой теме будет посвящена следующая работа из серии «Новая рациональная социология».

В наше переломное время высшей формой рационального общественного поведения, наверное, является творческое участие в процессе Интернет-революции, призванной создать новый, более рациональный социальный мир. Эта форма деятельности способна дать индивидам возможность более полно удовлетворять все свои основные внутренние мотивы. Во-первых, обеспечив рационализацию общества, индивиды создадут более комфортные условия для собственной социальной деятельности и жизни детей, потомков. Во-вторых, участие в этом процессе способно принести им наибольшее творческое удовлетворение, так как, помимо привычной профессиональной деятельности, дает каждому возможность, по сути, творчески выполнять функции управляющих страт.

Курсивом выделены авторские интерпретации терминов, курсивом и звездочкой — новые термины, введенные автором.

К РАЗДЕЛУ 1

Рациональность

Эффективная деятельность по достижению поставленных целей, включающая соответствие действий задаче достижения поставленной цели.

Целерациональность

- осознание индивидами своих рациональных мотивов;
- осознание того, что их наиболее полная реализация является единственной рациональной целью социальной деятельности индивидов;
- определение задачи создания условий для наиболее полной реализации рациональных мотивов всех членов общества в качестве его рациональной идеальной цели.

Инструментальная рациональность

- организация социальных институтов, создающих условия для более рационального согласования векторов реализации мотивов индивидов, ведущего к оптимизации удовлетворения этих мотивов на уровне как каждого индивида, так и общества, разных обществ, их современных и будущих поколений.

Первичные ценности

Определенный набор ценностей, стремление к обладанию которыми передается на генетическом уровне и присуще всем индивидам. Достижение этих ценностей является основным мотивом их социальной деятельности.

Виды первичных ценностей

- социальные первичные ценности;
- творческая самореализация;
- жизненные ресурсы;
- возможности передачи наследникам (потомкам) доступа к вышеперечисленным первичным ценностям.

Социальные первичные ценности*

- материально-физиологические (пища, комфорт, секс и т. д.) и интеллектуально-эстетические потребности (искусство, литература, музыка, познание мира, информация);
- потребность во власти и свободе;
- потребность в престиже.

Творческой самореализации первичная ценность*

Главная особенность творческой самореализации — возможность получения глубокого эмоционального удовлетворения без получения социальных преференций. Творческая самореализация индивидов является основой всемирного творческого процесса (см. Творческий процесс).

Жизненных ресурсов первичная ценность*

Жизненные ресурсы — время жизни, здоровье, эмоциональный комфорт, физические и интеллектуальные усилия.

Невосстановимые жизненные ресурсы*

Жизнь и здоровье.

Передачи доступа наследникам (потомкам) к первичным ценностям*

Первичная ценность, основанная на инстинкте продолжения рода. Имеет два варианта интерпретации — как передача социальных преференций наследникам и как обеспечение их гармоничной социальной и творческой самореализации в условиях сбережения невозможных жизненных ресурсов.

Иерархия жизненных ресурсов*

Иерархия жизненных ресурсов по степени негативной мотивации к расставанию с ними (ценности сбережения):

- жизнь и здоровье;
- эмоциональный покой (комфорт);
- время жизни, потраченное на:
 - физический труд;
 - интеллектуальный труд;

- манипулятивную деятельность;
- творческую деятельность.

Внутренние мотивы

Внутренние мотивы к удовлетворению имманентно присущих человеку инстинктивных потребностей в достижении первичных ценностей (см. *Первичные ценности, Виды первичных ценностей*).

Внешние мотивации

Внешние мотивации к реализации внутренних мотивов через социальную деятельность.

Вектор реализации мотивов*

Направление социальной деятельности, необходимой для реализации того или иного внешнего мотива в данном обществе.

Основной (активный) социальный инстинкт*

Основная мотивация социальной деятельности. Эта мотивация выражается не только в стремлении к большему доступу к потреблению социальных первичных ценностей (материальных и интеллектуально-эстетических благ, власти, свободы и престижа). В реальной социальной жизни она означает стремление индивида обладать всеми этими ценностями в большей степени, чем другие члены общества, то есть занять в социальной иерархии, являющейся иерархией доступа к этим благам, более высокое место.

Сберегающий инстинкт*

Мотивация к сбережению в процессе социальной деятельности жизненных ресурсов (см. *Иерархия жизненных ресурсов*).

Творческий инстинкт*

Мотивация к реализации первичной ценности творческой самореализации. Вектор достижения творческой самореализации является основой гармоничного согласования и оптимизации всех мотивов социальной деятельности.

Мотив наследования*

Мотивация к реализации первичной ценности передачи наследникам (потомкам) доступа к первичным ценностям.

Жизненная социальная траектория

Траектория, фиксирующая социальный статус на каждый момент жизни индивида.

Факторы социального статуса*

Трем социальным первичным ценностям соответствуют три

фактора социального статуса.

Факторы социального статуса индивида представляют собой его место в иерархии членов общества по позициям:

- уровень потребления;
- престиж;
- власть—свобода.

Место, которое занимает индивид в социальной иерархии общества, определяется совокупным положением в иерархии позиций факторов социального статуса.

К РАЗДЕЛУ 2

*Идеальная цель функционально-профессиональной деятельности**

Как можно более полное и качественное удовлетворение потребностей общества в том, что заявлено как продукт профессиональной деятельности.

*Идеальная (творческая) мотивация функционально-профессиональной деятельности**

Мотивация достижения идеальной (декларируемой) цели функционально-профессиональной деятельности индивидов и профессиональных страт и групп в целом.

*Социальная мотивация функционально-профессиональной деятельности**

Получение как можно большего объема социальных ценностей при как можно меньшем расходе жизненных ресурсов.

Виды функционально-профессиональной деятельности:

- манипулятивная деятельность — манипулятивное перераспределение ценностей;
- творческая деятельность — создание новых ценностей и инструментов их воспроизводства, рационализация перераспределения ценностей;
- механический труд — механическое воспроизводство первичных ценностей.

Базовый уровень социального обмена

Обмен в ходе социальной жизни каждого конкретного индивида его жизненных ресурсов на другие первичные ценности.

Социальный обмен между индивидами

Обмен возможностями доступа к первичным ценностям.

Социальные ресурсы

- Накопленные — приписанные социальные характеристики индивида, которые он может использовать для замещения своих жизненных ресурсов в процессе социального обмена.
- Потребляемые — материальные средства, расходуемые на потребление.

*Социальная энергия**

Энергетические усилия индивидов, необходимые для достижения социальных и творческих первичных ценностей. Социальную энергию можно подразделить в зависимости от вида социальной деятельности на творческую, манипулятивную и механическую.

Социальный обмен между обществами

Обмен первичными ценностями между различными обществами.

*Социальный обмен между современным и будущими поколениями**

Обмен отказа современных поколений от потребления социальных первичных ценностей на сохранение их для будущих поколений (предопределен мотивом наследования).

Социальный обмен эквивалентный

Основан на адекватном осознании индивидами собственных интересов (мотивов), полноте знаний о последствиях социального обмена и отсутствии насильственного или манипулятивного принуждения. Приводит к обмену жизненных ресурсов на первичные ценности, наиболее выгодному из всех возможных альтернатив для всех участников обмена.

Социальный обмен манипулятивный (эксплуатационный)

Одни индивиды путем манипуляции или насилия заставляют других индивидов вопреки собственным рациональным интересам расходовать свои жизненные ресурсы для приобретения первыми индивидами доступа к первичным ценностям.

*Социальный обмен жертвенный**

В результате манипуляции или насилия индивиды вынуждены совершать противоречащий их интересам обмен потраченных жизненных ресурсов на первичные ценности.

Функциональные макростраты

Большие сообщества индивидов, объединенные общими соци-

альными функциями в обществе.

Можно обозначить три функциональные макростраты:

- страта управления;
- страта творческого труда;
- страта механического труда.

Страты родов деятельности

Сообщества индивидов, объединенные идеальными (декларируемыми) профессиональными задачами.

Профессионально-статусные группы

Сообщества индивидов, принадлежащих к одной страте рода деятельности, но к разным функциональным макростратам.

Статусные элиты

Меньшинство, обладающее наиболее высокими позициями социального статуса в группе. Ведущая сила в группе. Большинство членов группы находятся под властью или моральным влиянием статусной элиты, которое определяет стратегическое направление ее действий.

Правящая элита

Статусная элита управляющей макростраты.

Творческая элита

Статусная элита макростраты творческого труда.

Имманентные элиты

Меньшинство, обладающее наиболее высокими позициями тех или иных личных качеств и способностей.

*Элита социалов**

Имманентная элита обладателей социального потенциала.

*Элита динамистиков**

Имманентная элита обладателей динамического потенциала.

*Элита функционалов**

Имманентная элита обладателей функционального потенциала.

Контрэлита

Имманентная элита обладателей недоминантных в данном обществе потенциалов, сформированная для свержения (замещения) правящей элиты и реорганизации социальной системы, предусматривающей изменение оценки потенциалов социального статуса в ее пользу.

*Потенциалы социального статуса**

Главные макрохарактеристики на момент начала социальной жизни, описывающие социальные и личностные ресурсы индивида, которые определяют социальную деятельность индивида и ее оценку обществом.

*Источники социального статуса**

Потенциалы социального статуса в состоянии на данный момент социальной жизни (изменившие свои значения под воздействием взаимовлияния).

*Динамический потенциал**

Соответствие требованиям социальной системы, предъявляемым к осуществлению того или иного рода функциональной (профессиональной) деятельности волевых ресурсов социального роста индивида. Пропорционален месту индивида в иерархии общества по силе основного (активного) социального инстинкта, обратно пропорционален его месту в иерархии по силе сберегающего социального инстинкта.

*Социальный потенциал**

Соответствие приписанных социальных характеристик, которые переданы или будут переданы по существующей традиции индивиду по наследству, требованиям существующей социальной системы, предъявляемым к осуществлению того или иного рода функциональной (профессиональной) деятельности.

*Функциональный потенциал**

Соответствие структуры личности индивида требованиям, предъявляемым существующей социальной системой к осуществлению того или иного рода функциональной (профессиональной) деятельности.

Идеальные цели общества

Декларируемые идеальные цели управляющих страт. Цели достижения общественного блага. Радикально меняются под воздействием изменения интерпретации того, что под этим благом подразумевается, в процессе развития или флуктуаций творческого процесса.

*Идеальное функциональное соответствие**

Соответствие функционального потенциала индивида требова-

ниям общества к функционально-профессиональной деятельности по ее идеальной мотивации.

*Социальное функциональное соответствие**

Соответствие функционального потенциала индивида требованиям общества к функционально-профессиональной деятельности по ее социальной мотивации.

*Вес потенциала**

Степень влияния, которое в конкретном обществе данный потенциал оказывает на получение позиций социального статуса по сравнению с другими потенциалами.

*Коэффициент социальной рациональности**

Степень рациональности индивида при выборе профессиональной деятельности. Определяет, насколько выбор индивида близок к рациональному, то есть к такому, который дал бы ему в данном обществе наибольшие возможности для потребления первичных ценностей на протяжении социальной жизни.

*Коэффициент социальных возможностей жизненного цикла**

Влияние возраста индивидов на их социальную траекторию, основанное на естественных преимуществах и слабостях, которые дают индивиду его физиологический возраст и социальный опыт.

*Модели зависимости формирования социальной траектории индивидов от их потенциалов социального статуса**

Математические и физические модели, ставящие задачу определения зависимости формирования социальной траектории индивидов от их потенциалов социального статуса.

*Фактор социальной случайности**

Влияние на позиции социального статуса индивида ситуаций, вызванных случайными обстоятельствами, не зависящими от его социальных и индивидуальных качеств и способностей.

К РАЗДЕЛУ 4

*Социальная деятельность второго типа**

Деятельность, направленная на поддержание или изменение существующего социального порядка.

Эксплуатация (использование)

Манипулятивный (неэквивалентный) социальный обмен между индивидами, ведущий к одностороннему использованию одними индивидами (манипуляторами) жизненных (или социальных) ресурсов других индивидов (используемых). Манипуляторы эксплуатируют жизненные ресурсы используемых для получения первичных ценностей. Используемые отдают жизненные (или социальные) ресурсы манипуляторам, не получая взамен эквивалентной суммы первичных ценностей.

Манипуляция

Инструмент обеспечения иррационального социального выбора индивидов, их согласия на использование.

Социальное насилие

Вспомогательный по отношению к манипуляции инструмент обеспечения согласия индивидов на использование.

*Системная манипуляция**

Манипуляция обществом со стороны его правящей элиты.

*Абсолютная системная манипуляция**

Манипуляция элитой обществом с целью поддержания социальной системы, степень рациональности которой не соответствует уровню развития творческого процесса.

*Относительная системная манипуляция**

Манипуляция элитой обществом с целью поддержания социальной системы, степень рациональности которой максимальна для данного уровня развития творческого процесса, или реформирование системы в направлении ее рационализации, нерациональное по форме проведения преобразований.

Бытовая манипуляция

Манипуляция индивидов или групп индивидов другими индивидами, не имеющая отношения к идеальной мотивации элиты, легитимных страт и общества.

Целе-манипуляция

Манипуляция целями индивидов путем создания искаженных представлений о рациональных мотивах их социальной деятельности.

*Средство-манипуляция**

Манипуляция средствами достижения целей, искажение информации о средствах достижения рациональных мотивов индивидов.

Институты (инструменты) манипуляции

Социальные институты, выполняющие функции обеспечения манипулятивного использования одних групп индивидов другими (прежде всего элитными).

Институциональная манипуляция

Манипуляция индивидами через посредство социальных институтов, проводимая в большей степени в интересах правящей элиты.

Основные инструменты манипуляции в современном обществе

1. Идеологические институты

А. Инструменты целе-манипуляции:

- религии;
- национализм;
- патриотизм;
- рыночный фундаментализм;
- коммунизм.

Б. Инструменты средство-манипуляции:

1. Информационные институты

- реклама (в том числе политическая);
- маркетинг;
- брендинг;
- пиар;
- корпоративная культура.

2. Экономические институты:

- частная собственность;
- рынки валют;
- рынки ценных бумаг;
- биржи и банки.

3. Политические институты:

- демократические выборы;
- политические партии;
- институты законодательной, исполнительной и судебной власти.

Все эти инструменты побуждают индивидов отдавать необоснованные с точки зрения их интересов предпочтения другим индивидам.

К РАЗДЕЛУ 6

Всемирный творческий процесс*

Процесс создания и накопления научно-технических знаний и культурно-эстетических ценностей, а также инструментов их воспроизводства. Непрерывный, передаваемый из поколения в поколение творческий процесс — причина любого прогресса, улучшения жизни индивидов, общества и человечества в целом.

Рационализация общественного сознания

Осознание членами общества своих рациональных, predetermined инстинктивно и генетически обусловленных мотивов социальной деятельности.

Рационализация общества (социальной системы)

Трансформирование социальных институтов общества посредством применения принципа рациональности.

Процесс рационализации общества

- основной вектор социального развития общества, его социальной истории;
- является следствием развития творческого процесса и развивается во взаимосвязи с ним;
- предполагает сочетание целерациональности (в авторской интерпретации) и инструментальной рациональности;
- идет по модели: импульс (социальные преобразования в результате идеологического импульса и прихода к власти новой реформаторской элиты) — затухание (застой после перерождения реформаторской элиты в консервативную).

Причинно-следственная связь развития творческого процесса и рационализации общества*

Развитие творческого процесса → рационализация общественного сознания → рационализация идеальных целей общества → рационализация социальных инструментов → создание более благоприятных социальных условий для творческой деятельно-

сти → новый уровень развития творческого процесса → дальнейшая рационализация идеальных целей... и так по спирали.

*Законы развития творческого процесса и рационализации**

*• Закон сохранения творческого процесса**

Всемирный творческий процесс не может остановиться даже на время. Его отрицательная динамика возможна только на уровне отдельных обществ, в результате воздействия на них обществ с низким уровнем развития. В этом случае вероятно снижение уровня творческого процесса в высокоразвитом обществе. Однако даже в подобной ситуации не происходит снижения уровня творческого процесса в масштабах человечества. Высокоразвитое общество отдает свои творческие ресурсы менее развитому (тот же процесс проходит и внутри одного общества в результате распространения творческих ценностей от элиты к массам, распространения массовой культуры).

*• Закон отстающего развития процесса рационализации**

В силу необходимости реализации социальных мотивов правящей элиты рационализация социальных институтов в обществе практически всегда отстает от тех возможностей, которые дает для этого уровень развития творческого процесса.

*• Закон ускоряющегося развития творческого процесса**

На высоком уровне развития творческого процесса появляются глобальные угрозы человечеству, защита от которых требует еще более высокого уровня развития. Таким образом, на высоком уровне развития творческий процесс должен развиваться не линейно, но экспонентарно. А для этого необходима перманентная рационализация социальной системы общества.

К РАЗДЕЛУ 7

Рациональный выбор

Выбор вариантов социальных действий индивидами, имеющими всю необходимую для этого информацию, не подверженными влиянию манипуляции.

*Принципы рациональной справедливости**

Принципы функционирования социальной системы, сформулированные на основе рационального выбора индивидов.

Цель рационального выбора

Рациональным выбором (x) индивида является вариант социальных действий, дающий наиболее высокое значение функции x :

$$x = |ap + |bp + |cp + |ep.$$

Здесь a, b, c, e — наиболее высокие показатели значения удовлетворения внутренних мотивов (основного социального, творческого, сберегающего, наследования), p — их вероятность, знак $|$ перед обозначением каждого внутреннего мотива означает, что из вариантов рационального выбора исключены и не рассматриваются вероятности, предусматривающие предельно низкие значения их удовлетворения.

Рациональный идеал:

• Абстрактный

Социальный порядок, являющийся результатом рационального выбора всех членов общества, обеспечивающий каждому из них наиболее выгодный вариант обмена жизненных ресурсов на первичные ценности по сравнению со всеми альтернативными вариантами.

*Соответствующий уровню развития творческого процесса общества**

Достижение максимальной адекватности степени рациональности социальной системы имеющемуся на данный момент уровню развития творческого процесса, то есть данной степени рациональности общественного сознания, уровню научно-технического, экономического, интеллектуального развития.

*Идеально-рациональное общество**

Идеально-типическая модель общества, в которой воплощен абстрактный рациональный идеал и принципы рациональной справедливости, могущая служить ориентиром для проведения рациональных социальных реформ.

Рациональность формы проведения социальных преобразований

Форма преобразований, являющаяся результатом сознательного рационального выбора индивидов в конкретных социальных условиях данного общества, предполагает рациональное

согласие на проведение преобразований всех членов данного общества.

*Творческий потенциал общества**

Сумма творческих потенциалов всех членов общества.

К РАЗДЕЛУ 9

*Интернет-общество**

Грядущая более рациональная форма организации общества, основанная на возможностях интернет-технологий, приоритете реализации творческого инстинкта, свободе информации, вытеснении инструментов манипуляции, прямой демократии в политической и свободной ассоциации индивидов, занимающихся творческой деятельностью, в экономической сфере.

К «ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ»

Рациональная социальная психология

Психология формирования индивидуального поведения, позволяющего достичь наиболее полной и сбалансированной реализации всех мотивов социальной деятельности в рамках существующей социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

РАЗДЕЛ 1

1. *Pareto V.* Compendio di sociologia generale. Torino, 1978.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия. М.: Прогресс, 1990.
3. *Девятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванта плюс, 2003.
4. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.
5. *Роулз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: изд-во НГУ, 1997.
6. *Сорокин Питирим.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
7. *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
8. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
9. *Иноземцев В. Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // За десять лет. К концепции постэкономического общества // Вестник РАН. — 1997. Т. 67. № 8.
10. *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб: Искусство, 2002.
11. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М.: Восточная литература РАН, 2000.
12. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М.: АСТ; Астрель, 2003.
13. *Берлин И.* Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
14. *Walzer M.* Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2004.

15. *Emerson R. M. Power-Dependence Relations // American Sociological Review. Vol. 27. № 1 (Feb., 1962).*
16. *Дракер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. СПб: Вильямс, 2000.*

РАЗДЕЛ 2

1. *Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.*
2. *Вите О. Творческое наследие Б. Ф. Поршнева и его современное значение. www.russ.ru*
3. *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.*
4. *Гоголь Н. В. Шинель. Петербургские повести. М.: Мартин, 2006.*
5. *Coleman James S. Foundations of Social Theory. Cambr., 1990.*
6. *Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.*
7. *Шубин А. В. Анархия — мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М.: Яуза, 2005.*

РАЗДЕЛ 3

1. *Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, Люкс, 2004.*
2. *Айзенк Г. Структура личности. М.: Ювента, 1999.*
3. *Фицджералд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2005.*
4. *Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях. Социологические исследования. 1993. № 2.*
Bertaux D. Destins personnels et structure de classe: Pour une critique de l'antroponomie politique., P. 1977. (См. также работы российских ученых О. И. Шкаратана и В. А. Бондоренко).
5. *Бурдые П. Социология социального пространства. СПб. 2005. Алетейя.*
Бурдые П. Практический смысл. СПб. 2001. Алетейя.
6. *Сустель Ж. Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы. М.: Центрполиграф, 2003.*

7. *Дюмона Л.* Homo hierarchicus. М.: Евразия, 2001.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: АСТ, Ермак, 2005.
9. *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
10. *Ермолаев В. Ю.* Толковый словарь понятий и терминов / Под ред. Л. Н. Гумилева // Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

РАЗДЕЛ 4

1. *Олсон М.* Логика коллективных действий: **Общественные блага и теория групп.** М.: Издательство ФЭИ, 1995.
2. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство **или** глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2004.

РАЗДЕЛ 5

1. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции. СПб. Речь, 2003.
2. Кронид. Избранные статьи К. Любарского / Отв. ред. и сост. Г. И. Салова (Любарская). М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
3. *Шиманк У.* Что такое социология. В сборнике. Современная немецкая социология 1990-х годов. СПб., 2002.

РАЗДЕЛ 6

1. *Самошкин В. В.* Антоновское восстание. М.: **Русский путь**, 2005.
2. *Шафаревич И.* Русофобия. М.: Эксмо, 2005.

РАЗДЕЛ 7

1. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992.
2. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004.

3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.
4. *Homans G.C.* Social Behavior: Its Elementary Forms. New York, 1974.

РАЗДЕЛ 8

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003.
2. *Туроу Л.* Будущее капитализма: Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
3. United for a Fair Economic Apartheid Data Centre, October 2001.
4. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2004.
5. *Гэлбрейт Д. К.* Справедливое общество. Гуманистический взгляд // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
6. *Кляйн Н.* No logo. Люди против брендов. М.: Хорошая книга, 2003.
7. Справочник по политическому консультированию / Под ред. проф. Д. Д. Перлматтера. М.: ИМИДЖ-Контакт, Инфра-М, 2002.
8. *Бодрияр Ж.* Общество потребления. М: Культурная революция; Республика. 2006.

РАЗДЕЛ 9

1. Кriptoанархия. Кибергосударства и пиратские утопии / Под ред. Питера Ладлоу. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
2. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
3. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2002.

Новые книги ОГИ

серия «Нация и культура»

Фейт Вигзелл

**Читая фортуны: гадательные книги в России
второй половины XVIII–XX веков**

Монография британской исследовательницы Фейт Вигзелл — одно из первых специальных исследований о русских гадательных книгах второй половины XVIII–XX вв. Подробно исследуется специфика и эволюция жанра гадательной книги и роль гадания по книгам в контексте более традиционных гадательных практик. Особое внимание уделяется стереотипам мужского и женского «гадательного поведения».

Для культурологов, антропологов, литературоведов, фольклористов и всех, интересующихся историей русской культуры.

А. В. Коротаев, В. В. Клименко, Д. Б. Прусаков
Возникновение ислама

В книге по-новому рассматривается вопрос о причинах и условиях возникновения исламской религии. Реконструируется цепочка событий, приведших к формированию ислама и облегчивших его распространение, — начиная с глобальных климатических изменений и кончая распадом аравийских государств в VI в. На основании данных разных дисциплин — от географии до лингвистики — авторы предпринимают попытку реконструкции этнического и религиозного самосознания первых мусульман.

Для антропологов, историков, культурологов, этнографов, религиоведов, географов и всех интересующихся историей мировой культуры, в особенности культуры Востока.

Научное издание

ЭЙДМАН ИГОРЬ ВИЛЕНОВИЧ

Прорыв в будущее

Социология интернет-революции

Ответственный редактор О. Старикова
Компьютерная верстка: Г. Сенина

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (495) 624-5761; тел.: (495) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить:
www.esterum.com

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

- м. «Чистые Пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5,
кафе «Билингва», тел.: (495) 623-6683;
- м. «Чистые Пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2,
клуб «Проект О.Г.И.»;
кафе «Пирогги»:
- м. «Площадь Революции»/«Лубянка», ул. Никольская, д. 19/21,
м. «Охотный Ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;
м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12;
- м. «Китай-город», Новая площадь, д. 4, кафе «Нейтральная территория».

Оптовые продажи: тел. (495) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Подписано в печать 29.03.2007
Формат 60×90 1/16. Объем 24 печ. л. Гарнитура Charter.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №2243

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14